К. СКАЛЬКОВСКІЙ

НОВЫЯ ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

Вдоль и поперегъ Европы. — Нѣсколько дней въ Варшавѣ. — Лондонъ. — Парижъ. — Въ Испаніи и Марокко.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2
1889

ЖОРЖЪ ЗАНДЪ

ЖЕЛТЫЙ КАРЛИКЪ

Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ.
Типо-литографія Товарищества М. О. Вольфъ.
Печатня и складъ: Невскій пр., 32. Телефонъ № 59-17.
1911.

НОВЫЯ ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Путевыя впечатлѣнія въ Испаніи, Египтѣ, Аравіи и Индіи. Цѣна 2 руб.

Путевыя впечатлѣнія по Кавказу, Турціи, Сербскимъ землямъ и Соединеннымъ Штатамъ. Цѣна 2 р. 50 коп.

У скандинавовъ и фламандцевъ. Путевыя впечатлѣнія въ Швеціи, Даніи и Бельгіи. Цѣна 1 руб.

Вокругъ свѣта. Сорокъ шесть тысячъ верстъ по морю и сушѣ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Путевыя впечатлѣнія въ Португаліи, Австріи, Франціи и Италіи. Цѣна 1 руб.

Русская торговля въ Тихомъ океанѣ. Цѣна 2 руб.

Суэзскій каналъ и его значеніе для русской торговли. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Срочное и почтовое пароходство въ Россіи и заграницею. Цѣна 2 руб.

Русскій торговый флотъ и срочное пароходство на Черномъ и Азовскомъ моряхъ. Цѣна 2 руб.

К. СКАЛЬКОВСКІЙ

НОВЫЯ ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

Вдоль и поперегъ Европы. — Нѣсколько дней въ Варшавѣ. — Лондонъ. — Парижъ — Въ Испаніи и Марокко.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1889

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№ 291675
«___» _____ 193 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВДОЛЬ И ПОПЕРЕГЪ ЕВРОПЫ.

стр.

I. По дорогѣ изъ Петербурга въ Берлинъ. — Берлинъ. — Гейдельбергъ. — Женева. — По дорогѣ изъ Женевы въ Миланъ. — Миланъ 3

II. Неаполь. — По дорогѣ изъ Неаполя въ Римъ 21

III. Римъ. — Парижъ. — Амстердамъ. — Скевенингъ, голландскія женщины. 37

НѢСКОЛЬКО ДНЕЙ ВЪ ВАРШАВѢ.

I. Дорога. — Плоды руссификаціи. — Сближеніе поляковъ съ Россіей и отношеніе къ послѣдней сословій. — Русскій клубъ. — Наружность города. — Водопроводы и водостоки. — Жиды 61

II. Варшавскіе рестораны. — Венгерское вино. — Польскія женщины, ихъ характеръ и наружность. — Кладбище и поминаніе родителей. — Изящныя искусства въ Варшавѣ: живопись 81

III. Изящныя искусства въ Варшавѣ: театръ. — Польская опера. — Балетъ. — Драматическій театръ. — Положеніе польскихъ артистовъ. — Оперетка 96

IV. Театры. — Варшавскіе литераторы. — Варшавская журналистика. — Курьерки и организація репортажа. — „Варшавскій Дневникъ“ 114

ЛОНДОНЪ И ПАРИЖЪ.

СТР.

I. Наружность Лондона, ея измѣненіе, дороговизна жизни. — Жиды. — Англійская кухня. — Женщины въ Лондонѣ. — Повороты общественнаго мнѣнія. — Русская колонія . . 135

II. Меломанія въ англійскомъ обществѣ, концерты. — Положеніе лондонскихъ театровъ: опера, оперетка, драма, комедія, фарсъ, балетъ. — Выдающіеся артисты 150

III. Парижъ. — Генералъ Буланже. — Башня Эйфеля. — Выставки. — Упадокъ Парижа, безумство моды. — Литература, театры, кафе-шантаны. — Циркъ Молье. — Русскія горы и пантомима Скобелевъ. 165

ВЪ ИСПАНІИ И МАРОККО.

I. Барселона. — Торжества по случаю пріѣзда королевы-регентши. — Политическія интриги. — Открытіе всемірной выставки. — Король и Марія-Христина. — Retreta militara, церковная процессія. — Посѣщеніе королевою-регентшею русскаго военнаго судна 187

II. Торжество открытія памятника Колумбу, размышленія по этому поводу. — Барселонская выставка, воздвигнутыя ей препятствія. — Испанскій отдѣлъ, иностранные отдѣлы. — Русскій отдѣлъ 201

III. Развлеченія въ Барселонѣ: театры. — Бой быковъ, его значеніе въ Испаніи. — Геррита. — Поѣздка въ Монсерратскій монастырь. — Путешествіе на мулахъ. — Монастырскія рѣдкости 220

IV. Дорога до Валенсіи. — Сагунтъ. — Валенсія. — Тартаны. — Свободная торговля. — Грао. — Севилья. — Кадиксъ, его паденія. — Женщины въ Кадиксѣ и вопросъ о румянахъ.

V. Поѣздка въ Африку. — Тангеръ, арабскіе нравы. — Альджезирасъ. — Сеута и каторжники. — Малага, ея современное положеніе. 249

VI. Мадридъ. — Наружность Мадрида. — Гулянья. — Правительство и партіи; пренія въ палатахъ. — Чиновники и журналисты. — Мадридское общество, театры. — Отношенія Испаніи къ Россіи 266

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ дорогѣ важно не все видѣть,
а хорошо видѣть.

Ульбахъ.

Кажется Жанъ-Поль Рихтеръ—одинъ изъ моихъ любимыхъ писателей—сказалъ: сколько бы человѣкъ ни путешествовалъ, онъ не узнаетъ болѣе того, что разскажетъ ему въ молодости нянька. Я, проѣздивъ тысячъ двѣсти пятьдесятъ верстъ, начинаю убѣждаться въ справедливости этихъ словъ, а все-таки ѣзжу и свои впечатлѣнія сообщаю въ письмахъ, въ предположеніи, что есть люди, которые позабыли, что имъ сообщали няньки.

Относительно страсти къ поѣздкамъ надобно не забывать и другой истины, высказанной Альфонсомъ Карромъ: un voyage prouve moins de désir du pays ou l'on va que d'ennui du pays que l'on quitte. Стремленіе развлечь скуку объясняетъ значительное мѣсто, отведенное въ прилагаемыхъ очеркахъ театру.

Для точнаго уразумѣнія ихъ надобно имѣть еще въ виду, что вдоль и поперегъ Европы я проѣхалъ лѣтомъ 1886 году, Варшаву описывалъ осенью того же года, а Лондонъ, Парижъ, Испанію и Марокко изображаю какъ они представлялись мнѣ весною и лѣтомъ 1888 года; поэтому о нѣкоторыхъ лицахъ я говорю какъ о живыхъ,

тогда какъ они успѣли съ тѣхъ поръ помереть. Къ сожалѣнію, въ письмахъ изъ Испаніи недостаетъ описанія городской жизни Барселоны. Я послалъ въ „Новое Время“ длинное письмо изъ Барселоны, гдѣ, между прочимъ, описывалъ оригинальные порядки испанской почты и почта отомстила мнѣ: она затеряла мое письмо, которое могло бы составить главу предлагаемой книги. Такъ какъ замѣтки въ своей записной книжкѣ я уничтожилъ, то и не могъ возстановить потерянаго.

ВДОЛЬ И ПОПЕРЕГЪ

ЕВРОПЫ

I.

По дорогѣ изъ Петербурга въ Берлинъ.—Господи, гдѣ я найду клоповъ для такой массы путешественниковъ! — воскликнулъ одинъ содержатель гостинницы — если вѣрить испанской каррикатурѣ — увидавъ подъѣзжающій мальпостъ.

Главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ можетъ обернуть то же восклицаніе въ другую сторону. Оно не въ силахъ найти путешественниковъ въ соотвѣтствіе съ тѣмъ множествомъ клоповъ, которое развело въ спальныхъ вагонахъ Варшавской дороги. Кризисъ повліялъ и безъ налога на паспорты: число россіянъ, отправляющихся „транжирить“, ужасно уменьшилось.

Въ вагонѣ, двигавшемся, не смотря на названіе „скораго поѣзда“, — отъ безполезныхъ простоевъ у буфетовъ и остановокъ на станціяхъ, гдѣ никогда не бываетъ пассажировъ, — чрезвычайно тихо: со мною былъ только одинъ пассажиръ — милліонеръ, ѣхавшій на лейпцигскую ярмарку. Какъ всѣ милліонеры, онъ боялся истратить лишній полтинникъ, а потому старался обмануть прусскую таможню, но та усмотрѣла-таки у него бутылку русской водки.

— Вотъ подлецы нѣмцы, жаловался онъ мнѣ: — чистые мошенники, взяли-таки двѣ марки!

Въ Эйдкуненѣ начало пахнуть супомъ съ рисомъ: запахъ, не оставляющій васъ во всей Германіи, кухня которой не измѣнилась, хотя нѣмцы стали первымъ народомъ въ мірѣ. Они по прежнему кладутъ ваниль въ супъ, шпигуютъ дичь и всѣ мясныя блюда, вмѣсто салада ѣдятъ крыжовниковое варенье и фруктовое желе и знаютъ одну подливку ко всѣмъ кушаніямъ. Въ порывѣ патріотизма пруссаки, правда, изгоняютъ французскія названія блюдъ, крестя послѣднія по-нѣмецки, но это не мѣшаетъ ихъ кулинарнымъ затѣямъ оставаться столь же безвкусными, какъ прежде.

Берлинъ. Берлина просто узнать нельзя! Изъ скромной песочницы, гдѣ рядъ королей, одинъ другого почтеннѣе, игралъ въ солдатики на вахтпарадахъ, городъ обратился въ громадную столицу съ жидовскими дворцами, асфальтовыми мостовыми, безчисленными выставками и опереточными театрами. Теперь уже Гейне не могъ бы увѣрить наивную даму, что въ Берлинѣ по улицамъ ходятъ медвѣди въ бѣлыхъ перчаткахъ. Русскіе недавно еще объѣзжали Берлинъ, какъ зачумленный городъ, боясь умереть отъ скуки въ случаѣ остановки даже на день. Теперь, благодаря потребности развлекать разныхъ бароновъ Іудъ-Искаріотовичей фонъ-Швиндель-Шельмензоновъ, Берлинъ обзавелся удовольствіями на каждомъ шагу: Зембрихъ поетъ на садовой сценѣ, балетъ „Amor“ съ его 750 участниками поставленъ съ такою же роскошью, какъ въ Миланѣ, на сценѣ

театра Victoria, въ два раза большей противъ нашего Большого театра, другихъ зрѣлищъ также не обе-решься.

Есть, впрочемъ, въ Берлинѣ и остатки стараго времени. Рядомъ съ ресторанами, гдѣ въ cabinets particuliers васъ ограбятъ какъ на биржѣ, сохранились еще маленькіе кабачки, они же фруктовыя лавки, гдѣ посѣтители почти сроднились съ хозяиномъ. Каррикатуры послѣдняго висятъ по всѣмъ стѣнамъ, вмѣстѣ съ факсимиле знаменитостей, здѣсь нѣкогда возсѣдавшихъ среди табачнаго дыма; мѣсто каждаго завсегдатая извѣстно, иногда оно обозначено металлическою дощечкою съ именемъ, и хозяинъ, обыкновенно добродушный толстякъ, владѣющій пяти-этажнымъ домомъ и большимъ состояніемъ, con amore продолжаетъ проводить дни среди своихъ кліентовъ, не стыдясь прислуживать имъ какъ послѣдняя горничная. Онъ не обижается даже, если при разсчетѣ вы ему, а не кельнеру, всунете 10 или 20 пфениговъ на водку. Къ числу наиболѣе извѣстныхъ архаическихъ заведеній принадлежитъ ресторанъ Габеля на Unter den Linden. Обстановка не мѣнялась здѣсь сто тридцать лѣтъ. Кухня весьма посредственна, но за гнилыми столами безъ скатертей встрѣтите и генералъ-адъютантовъ, и герцога Саксенъ-Мейнингенскаго, а иногда и принца Вильгельма. Хозяинъ ресторана не прислуживаетъ болѣе, онъ маіоръ ландвера и имѣетъ состояніе въ 30 милл. марокъ.

Вахтъ-парады также не утратили для берлинцевъ притягательной силы, хотя войны желаютъ здѣсь только жиды, чтобы вновь нагрѣть руки на подрядахъ и контрибуціяхъ; однѣ еврейскія газеты (другихъ, кажется,

нѣтъ въ Германіи) вздуваютъ значеніе книги-памфлета „Avant la bataille“, этого продукта французскаго хвастовства и наглости, торчащаго во всѣхъ витринахъ берлинскихъ книжныхъ магазиновъ, рядомъ съ фотографическими снимками библейскихъ жанровъ г. Верещагина и портретами гастролирующей въ здѣшнемъ балетѣ г-жи Никитиной. Крапоткинъ правъ, утверждая, среди массы нелѣпостей, разсыпанныхъ въ его „Parole d'un revolté“, что если войну до XIX столѣтія дѣлали короли, то въ наше время она ведется для откармливанія всемогущихъ бароновъ индустріи и haute finance. Но если настоящіе берлинцы, т. е. нѣмцы, войны съ Франціей не жаждутъ, не чая отъ того поживы, то ихъ сердца все-таки не остаются спокойными, когда они видятъ ряды солдатъ, идущихъ мѣрно въ ногу, подъ звуки военной музыки.

Каждое утро, въ 11 часовъ, площадь передъ „историческимъ окномъ“ представляетъ картину умилительную. Окно это, второе съ лѣваго края, въ нижнемъ этажѣ дворца, который изъ скромнаго двухъэтажнаго дома, гдѣ Вильгельмъ жилъ королевскимъ принцемъ и принцемъ-регентомъ, дошелъ до степени резиденціи одного изъ могущественныхъ императоровъ Европы. Гогенцоллерны любятъ показываться народу. Фридрихъ Великій каждый день публично брился у окна, держа въ одной рукѣ маленькое жестяное зеркальце, въ другой—бритву; Вильгельмъ смотритъ изъ окна на разводъ, происходящій при внесеніи во дворецъ знаменъ выходящаго въ караулъ полка. Полкъ идетъ съ музыкою, окруженный огромною толпою, ко дворцу; здѣсь уже собралась еще большая толпа, глядя на окошко. Аккуратно въ 11 ча-

совъ, смотря по погодѣ, или открывается историческое окно, или поднимается бѣлая кисейная занавѣска и императоръ глядитъ, какъ у тротуара одна изъ ротъ выдѣлываетъ эволюціи. Ротный командиръ стоитъ на тротуарѣ у самаго окошка и дѣлаетъ императору честь саблей, толпа въ это время реветъ hoch! и машетъ шапками. Императоръ привѣтливо кланяется.

Я попалъ въ хорошую погоду, зрѣлище удалось вполнѣ, ротный командиръ рычалъ какъ леопардъ, солдаты автоматически продѣлывали эволюціи, окно открылось, показалась добродушная фигура престарѣлаго монарха— этого истиннаго друга Россіи и образцоваго джентельмена. Толпа съ энтузіазмомъ привѣтствовала его. Императоръ кивалъ головою. Онъ замѣтно состарился, сгорбился и измѣнился за тѣ послѣднія десять лѣтъ, что мнѣ не случилось его видѣть вблизи.

Берлинцы любятъ эту сцену. Стоило посмотрѣть, какъ весело привѣтствовала публика въ королевскомъ Opernhaus, въ „Flick und Flock“, появленіе декораціи, изображавшей королевскій дворецъ съ „историческимъ окномъ“, въ то время какъ на сценѣ дефилировали танцовщицы, одѣтыя гвардейскими уланами, и сзади кортежа ѣхалъ лазаретный фургонъ, откуда выглядывала миловидная головка въ уланскомъ киверѣ съ длинной дымящейся трубкой въ зубахъ.

Это была единственная минута восторга въ теченіе спектакля, потому что въ Берлинѣ въ балетѣ въ первомъ ряду сидятъ старыя дамы. Мужчинъ мало, можетъ быть оттого, что тюники у танцовщицъ на поларшина ниже колѣнъ. Такъ требуетъ интендантъ придворныхъ театровъ, оберъ-камергеръ фонъ-Гюльсенъ,

имѣющій, подобно всѣмъ придворнымъ Вильгельма, маѳусаиловы годы. Императоръ видитъ, что большинство его окружающихъ впало въ дѣтство, но объявилъ разъ навсегда, что не уволитъ болѣе до смерти никого изъ своихъ вѣрныхъ слугъ.

Кстати разскажу, какую я видѣлъ на этомъ представленіи „русскую пляску“ —Pas russe. Декорація изображала видъ тихаго Дона, Старый Черкаскъ; вышли двѣ дѣвицы, одѣтыя въ польскіе костюмы со шпорами и подъ звуки „Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ“ танцовали что-то въ родѣ мазурки, затѣмъ музыка заиграла „И шумитъ и гудитъ“, вылетѣло штукъ десять новыхъ дѣвицъ (если вѣрить афишкѣ), одѣтыхъ польскими надворными казаками, и отваляли чардашъ. Еслибы былъ французъ, то онъ навѣрное бы воскликнулъ: oh comme c'est nature!

Неизвѣстно, благодаря ли имени одного знакомаго генерала, или же небольшому trinkgeld, видѣть который нѣмецъ равнодушно не въ силахъ, я осмотрѣлъ недоступную еще пока для публики часть военнаго музея, помѣщающагося близь дворца въ Zeichhaus'ѣ. Залы великолѣпно расписываются альфреско сценами изъ прусской военной исторіи и украшаются бюстами и статуями военныхъ дѣятелей. Работаютъ лучшіе германскіе художники. Общій ансамбль весьма внушительный. Большая картина изображаетъ тріумфъ германской имперіи, здѣсь и въ древнихъ костюмахъ можно узнать портреты всѣхъ участниковъ провозглашенія имперіи въ Версалѣ; только императоръ изъ скромности не пожелалъ, чтобы его черты лица фигурировали въ этомъ апоѳеозѣ. Роскошь главныхъ залъ, какъ равно и мону-

ментальность всѣхъ новыхъ сооруженій, не имѣетъ ничего общаго съ прежнею бранденбургскою скупостью. Впечатлѣніе новаго Берлина продолжаетъ портить только забавная, по своему безвкусію, побѣдная колонна 1870—1871 гг., поразительно напоминающая позолоченный пучекъ спаржи.

Гейдельбергъ. Вотъ и Гейдельбергъ, городъ, гдѣ двадцать лѣтъ назадъ столько россіянъ искали премудрости, гдѣ покойный Преженцевъ издавалъ „Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ“, гдѣ находится самая большая бочка въ мірѣ и одинъ изъ старѣйшихъ университетовъ. Вообще, это прекрасный нѣмецкій уголокъ, который не удалось еще изгадить англичанамъ, почему-то особенно излюбившимъ его. Нѣкоторые закоулки Гейдельберга сохранили старинный колоритъ; ничто какъ будто не измѣнилось съ момента, когда Гецъ фонъ-Берлихингенъ спорилъ въ „Gasthof zum Hirschen“ съ епископомъ Вормскимъ, или когда шестнадцать имперскихъ князей публично поклялись (въ 1524 г.) въ церкви св. Троицы пить вино и ругаться лишь „въ мѣру“. Нѣмки до сихъ поръ здѣсь вяжутъ чулки, даже читая романы, даже, кажется, во снѣ, а студенты продолжаютъ гулять по улицамъ въ микроскопическихъ фуражкахъ, съ огромными трубками, съ колоссальными собаками и съ физіономіями, исполосанными точно бока у зебра. Удивительно устроенъ человѣкъ! Ходить съ разбитою рожей или съ подбитымъ глазомъ почитается постыднымъ, но имѣть ту же рожу, исполосованную эспадронами, составляетъ предметъ гордости и ей завидуютъ молодые нѣмцы, у которыхъ еще зубы въ цѣлости.

Университетъ въ Гейдельбергѣ теперь нѣсколько упалъ; нѣтъ именъ, которыя бы напоминали Шлоссера, Гервинуса, Блунчли, Фридрихса, Гейсера, Бунзена, Кирхгоффа, все-таки около двухъ тысячъ молодыхъ людей разныхъ націй дѣлаютъ видъ, что слушаютъ здѣсь лекціи. Хотя университетъ не ограничивается, какъ при своемъ основаніи, платою профессорамъ по 50-ти флориновъ въ годъ и даровымъ помѣщеніемъ въ домахъ, конфискованныхъ у жидовъ, но онъ не можетъ соперничать вознагражденіемъ со столичными университетами, и знаменитости его мало-по-малу оставляютъ. Въ сентябрѣ университетъ собирается праздновать пятисотлѣтнюю годовщину основанія и заранѣе можно придти въ ужасъ отъ мысли, сколько при этомъ будетъ выпито пива и вина. Придется, быть можетъ, наполнить вновь знаменитую бочку, которая стоитъ давно пустая. Кстати и мѣстныя пословицы говорятъ: „Человѣку не напрасно дано брюхо“ и „Гдѣ ростетъ вино, надо его пить“. Изреченія, полныя глубочайшаго смысла даже и не на нѣмецкомъ языкѣ.

Русскіе не совсѣмъ еще покинули Гейдельбергъ. Въ университетѣ имѣются около двадцати нашихъ студентовъ и, идя по Гауптштадтштрассе, я увидѣлъ надпись: „Русская читальня“. Подымаюсь въ верхній этажъ и нахожу большую комнату, полную журналовъ и газетъ. Нѣтъ ни души, некому отдать деньги за чтеніе. Я, впрочемъ, недолго оставался въ одиночествѣ; мало-по-малу начали сходиться молодые люди. Каждый, входя, восклицалъ: „Видно, что сегодня общее собраніе, потому что никого нѣтъ, нечего дѣлать, подождемъ“, но, посидѣвъ пять минутъ, восклицавшій старался удрать подъ

какимъ либо предлогомъ, товарищи удерживали его почти силою.

Дѣло шло о пересмотрѣ устава читальни, въ которой участвуютъ и русскіе, слушающіе лекціи въ Страсбургѣ. Въ обсужденіи вопроса сейчасъ же проявилась россійская рознь. Въ уставѣ чуть не сто статей, но уже на первой всѣ члены заспорили и столько было мнѣній, столько спорящихъ; оказалось, что не только никто не обсудилъ заранѣе проекта и не сговорился, но даже никто не потрудился прочесть устава. Спорили горячо, но добродушно и съ обычнымъ русскимъ юморомъ. Вмѣсто соглашенія, кто нибудь говорилъ: „А чортъ его возьми, оставимъ и такъ, все равно никто исполнять не станетъ, а если уставъ исполнять, то, пожалуй, по полугоду книги не дождешься“. Этотъ аргументъ побѣдоносно рѣшалъ вопросъ.

Я не дождался окончанія любопытнаго засѣданія и, пробѣжавъ газеты, ушелъ, вынеся, впрочемъ, убѣжденіе, что русскіе студенты въ Гейдельбергѣ славные и любезные малые. Мнѣ даже пріятно было стать случайнымъ свидѣтелемъ этого славянскаго вѣча на тихихъ берегахъ Некара, совсѣмъ успокоившихся съ тѣхъ поръ, какъ ихъ перестали систематически грабить и опустошать французскія арміи.

Женева. Родина Жанъ-Жака Руссо увеличилась за послѣдніе годы вдвое, но и скука въ этомъ скучнѣйшемъ городкѣ удвоилась. Гуляя по лучшимъ кварталамъ Женевы, можно подумать, что это городъ, населеніе котораго вымерло отъ заразы: шторы и жалузи

спущены, ни одного экипажа, ни живой души на улицѣ; есть роскошные магазины, но я не видѣлъ, чтобы въ нихъ кто нибудь входилъ и изъ нихъ выходилъ. На милліоны, завѣщанные полоумнымъ герцогомъ Брауншвейгскимъ, Женева выстроила, между прочимъ, роскошный театръ, стоившій 6 милл. франковъ. Это уменьшенная копія Парижской оперы, отдѣлка великолѣпная, но для кого? Въ ложахъ и креслахъ, на половину пустыхъ, сидятъ какіе-то мелкіе лавочники въ затрапезныхъ нарядахъ. И тутъ мертвое молчаніе.

Я справлялся, дѣлаютъ ли еще въ Женевѣ часы? Оказывается дѣлаютъ, но и въ часовомъ дѣлѣ кризисъ, отъ конкурренціи Америки! Далась Европѣ эта Америка! Вообще Женева жалуется на упадокъ и великіе мужи республики съ просонья обдумываютъ, чѣмъ бы поднять городъ и привлечь иностранцевъ. Говорятъ, что когда пришло извѣстіе, что общее собраніе федеральнаго общества стрѣлковъ выбрало для состязанія, въ 1887 г., Женеву, то правительство кантона такъ обрадовалось, что салютовало сто однимъ пушечнымъ выстрѣломъ, чѣмъ перепугало иностранцевъ, думавшихъ, что въ Женевѣ возстаніе.

— Чему же такъ обрадовались женевцы?—спросилъ я.

— Помилуйте, да стрѣлки пропьютъ въ честь республики по меньшей мѣрѣ два милліона франковъ.

— Ну, у насъ безъ республики пропили бы больше. Впрочемъ, счастлива страна, которая можетъ тратить порохъ только на такія безкровныя побѣды.

Близъ театра находится монументъ генерала Дюфура, на конѣ, размахивающаго шпагою. Монументъ поставленъ... за составленіе топографической карты Швейцаріи.

Недавно еще Женева была однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ русской эмиграціи, здѣсь издавались революціонные журналы и печатались книги, но и эта „промышленность“, повидимому, въ кризисѣ. Журналъ г. Эльпидина получаетъ свѣдѣнія изъ третьихъ рукъ; новыхъ книгъ и брошюръ является мало, не находя, вѣроятно, сбыта. Въ числѣ изданій перепечатываются книги, давно разрѣшенныя въ Россіи цензурою. Болѣе любопытныя вещи появляются теперь въ Парижѣ, по-французски. Тамъ вышла недавно книга князя Крапоткина, вышелъ переводъ по-французски извѣстной книги г. Кравчинскаго (Степняка) „Подземная Россія“, почти цѣликомъ цитированной въ изданіяхъ г. Каткова, тамъ же напечатано большое сочиненіе Тихомірова: „La Russie politique et sociale“ — книга радикальная (но не анархическая), написанная съ большими претензіями и съ еще большими ошибками (на стр. 308 Всеволодъ Крестовскій, поэтъ-уланъ, отнесенъ, напр., къ числу женщинъ!). Мѣстами авторъ сохраняетъ безпристрастіе. Такъ онъ, при всемъ радикализмѣ, не сочувствуетъ въ Россіи жидамъ, а о декабристахъ цитируетъ остроумное мнѣніе графа Ростопчина: „Я понимаю, что французскія буржуа сдѣлали революцію, чтобы пріобрѣсти права, но не могу понять русскихъ дворянъ, дѣлавшихъ революцію, дабы потерять тѣ права, которыя они имѣютъ“.

Если русскіе нигилисты и анархисты въ Женевѣ теперь на второмъ планѣ, то у мѣстнаго населенія нѣтъ недостатка въ пропагандѣ, другого, впрочемъ, рода. Здѣсь дѣятельно работаетъ L'Armée du Salut. У одного моего товарища кухарка состоитъ въ какомъ-то чинѣ въ этой арміи, избравшей девизомъ: „Le monde

pour Dieu“ и болѣе воинственный „Sang et feu“, хотя „Армія спасенія“ крови не проливаетъ и домовъ не поджигаетъ, а ограничивается пѣніемъ скучныхъ гимновъ, положенныхъ на оффенбаховскіе мотивы.

Фельдмаршалъ этой арміи Екатерина Бусъ, имѣющая „главную квартиру“ въ Парижѣ (187. Quai de Valmy), гдѣ уже пятый годъ издаетъ и органъ арміи: „En avant“, ничего, впрочемъ, оффенбаховскаго не имѣетъ. Это видная и очень красивая, но ужасно серьезная дѣвушка, которая никогда не улыбается и никакія грѣшныя и фривольныя мысли не скользятъ даже въ ея правильно сложенной головѣ.

Вышеозначенная кухарка, говорившая о Бусъ, незадолго передъ тѣмъ посѣтившей Женеву, съ наивнымъ восторгомъ, предложила провести меня въ засѣданіе арміи. Засѣданіе происходило въ огромной, украшенной флагами залѣ, гдѣ сидѣло нѣсколько сотъ народу, преимущественно женщинъ низшихъ сословій. Собраніе было открытое, бываютъ, однако, и закрытыя, куда допускаются только воины арміи, имѣющей, дѣйствительно, военное устройство и іерархію. Занятіе состояло въ пѣніи хоромъ религіозныхъ гимновъ, между которыми съ особеннымъ энтузіазмомъ былъ пропѣтъ одинъ гимнъ на мотивъ „Марсельезы“; слушались также рѣчи и публичныя покаянія вновь обратившихся. Одинъ „полковникъ“ арміи на французскомъ языкѣ съ ужаснѣйшимъ англійскимъ акцентомъ разсказалъ подробно, какъ онъ ѣздилъ въ Англію навѣстить своихъ родныхъ, какъ сестры его не узнали, кромѣ одной, которой онъ раньше догадался послать свою фотографію. Рѣчь полковника неожиданно заключилась просьбою прислать ему по-

больше провизіи: масла, молока, сыра и зелени! Вѣдь и Бусъ сочинила гимнъ, оканчивающійся словами:

Pour avancer il faut de l'argent!

Рѣчь была сказана просто и безъ затѣй. Въ этой простотѣ надобно, по всей вѣроятности, искать успѣха пропаганды „Арміи спасенія“. Она обращается къ такимъ скромнымъ и темнымъ людямъ, для которыхъ цвѣты краснорѣчія и литературность рѣчи рѣшительно недоступны, наоборотъ, фамильярность обращенія, знакомство съ мелочами обыденной жизни, которыя показались бы смѣшными образованной публикѣ, производятъ сильное впечатлѣніе. Тѣмъ же можно объяснить у насъ успѣхъ пашковцевъ, сходныхъ по своимъ задачамъ съ „Арміей спасенія“. И въ католической церкви тѣ проповѣдники, которые кажутся по рѣчамъ и манерамъ ужасно вульгарными интеллигенціи, имѣютъ на массу наибольшее вліяніе.

Не смотря на религіозную пропаганду, радикализмъ дѣлаетъ успѣхи въ Женевѣ и вообще въ Швейцаріи. Здѣсь онъ захватилъ въ руки власть и послѣдніе выборы укрѣпили его еще болѣе. Толпы агентовъ, съ коричневыми и красными программами, стояли у зданія думы и, когда я проѣзжалъ мимо въ день выборовъ, мнѣ силою втолкнули нѣсколько билетовъ и избирательныхъ афишъ, хотя я завѣрялъ, что мнѣ рѣшительно все равно, кто будетъ обкрадывать городской и кантональный бюджетъ Женевы. Не смотря на эту избирательную „горячку“, улицы города были такъ же мертвы и безлюдны, какъ и въ другіе дни.

По дорогѣ изъ Женевы въ Миланъ. Отличительная черта англійскихъ джентельменовъ, какъ извѣстно, жажда. Я уже спокойно спалъ въ моемъ купэ, когда часа въ два ночи ввалился англичанинъ. Разложивъ двадцать разныхъ сакъ-воляжей, онъ началъ на ломанномъ французскомъ языкѣ спрашивать кондуктора спальнаго вагона, нѣтъ ли чего выпить?

— Bura di Monaco (мюнхенское пиво), отвѣчалъ кондукторъ, у котораго нарочно для англичанъ всегда имѣется запасъ всякихъ жидкостей.

— Ау, йесъ!—закричалъ англичанинъ съ радостью, точно увидалъ родного отца послѣ десятилѣтняго отсутствія.

Бутылка была принесена. Я перевернулся на другой бокъ, но, проснувшись рано, увидалъ, что передъ моимъ англичаниномъ, разложившимъ цѣлую гору губокъ и щетокъ, стоялъ уже сифонъ soda-water и бутылка brandy.

На утро я уже былъ среди итальянской обстановки, кондукторы стали вѣжливѣе и на каждомъ шагу встрѣчались лавочки для продажи казенной соли и табаку съ надписью: „Sale e Tabacchi“, которую французы остроумно читаютъ: sale tabac, хотя во Франціи табакъ столь же скверенъ, какъ и въ Италіи.

Миланъ. Миланъ очень мало похожъ на итальянскій городъ. Почти всѣ дома современной архитектуры, нравы также далеко не южные и цивилизація закрасила здѣсь своею краскою всѣ оригинальныя черты населенія. Послѣднее весьма дѣятельно, опрятно и толково, объ итальянской распущенности нѣтъ помину, зато народъ некрасивъ и

фабричная жизнь наложила уже на него клеймо худосочія. И небо здѣсь блѣднѣе, чѣмъ на югѣ Италіи, и погода непостояннѣе. Городъ имѣетъ наружный видъ довольства, но жизнь въ немъ скучновата и однообразна, путешественнику же рѣшительно нечего дѣлать.

Интереснѣйшій пунктъ въ Миланѣ, послѣ всѣмъ извѣстнаго собора и театра Ласкала—двѣ трети года закрытаго—кладбище. Трудно придумать что нибудь кокетливѣе и веселѣе на видъ, какъ это campo santo. Не знаю, хорошо ли лежать на немъ, но прогуливаться по кладбищу можно съ большимъ удовольствіемъ. Съ великолѣпной веранды открываются красивые виды, всюду цвѣты и свѣжая зелень, а надгробные монументы образуютъ ряды прекрасныхъ скульптурныхъ произведеній самаго разнообразнаго характера. Въ Миланѣ считается шикомъ своимъ padre, madre или sorella поставить на могилу хорошенькую группу, подписанную знаменитымъ скульпторомъ. Группы эти, конечно, изображаютъ печаль въ ея безконечныхъ варіаціяхъ, многія изъ нихъ очень эффектны. При дешевизнѣ мраморныхъ издѣлій въ Миланѣ за 5,000 лиръ можно соорудить монументъ, который у насъ обошелся бы въ 50,000 рублей.

Въ концѣ кладбища стоитъ красивое зданіе съ высокой фабричной трубой—это заведеніе для сожженія труповъ. Тутъ ваше грѣшное тѣло положатъ на полуцилиндрическую сковороду и вставятъ въ газовую печь Сименса, чтобы черезъ 50 минутъ получить обратно небольшое количество разсыпавшихся и побѣлѣвшихъ кусочковъ костей, которые кладутся въ урну и вдѣлываются, какъ въ древнихъ римскихъ колумбаріяхъ, въ стѣну, прикрытыя небольшою мраморною надписью. За

Гос. Историч. научн. Б-ка
НКП РСФСР
№

ходомъ операціи сожженія можно слѣдить въ стекло, вставленное въ печную задвижку. Если это будетъ тѣло вашей тещи, то вы можете любоваться отвратительной картиной, какъ подъ вліяніемъ бѣлокалильнаго жара оно будетъ сгибаться на сковородѣ, какъ затѣмъ лопнутъ покровы живота и пойдетъ изъ кишекъ паръ, какъ обуглятся кости и затѣмъ побѣлѣютъ и т. д.

Охотниковъ сожигаться, однако, еще, повидимому, немного и, показывавшій г. Немировичу-Данченко—который въ Миланѣ свой человѣкъ—и мнѣ кремаціонную камеру, смотритель зданія удивительно убѣдительно доказывалъ удобства сожженія.

— Вамъ это обойдется всего по 50 лиръ, сказалъ онъ въ видѣ послѣдняго аргумента.

Я поблагодарилъ за указанія, прибавивъ, что пока сожигаться не имѣю ни малѣйшаго желанія даже за 50 франковъ.

Во время сезона въ Ласкала даютъ больше хореграфическія представленія. Оперный сезонъ тамъ коротокъ. Вообще въ Италіи только хорошую оперу охотно посѣщаютъ и тогда мѣстъ въ театрѣ достать трудно и они дороги, плохія же оперныя труппы, которыя круглый годъ распѣваютъ по разнымъ городамъ, мало посѣщаются, равно и драматическія представленія. Театръ наполняется только къ балету, не продолжающемуся никогда болѣе часа или полтора.

Эта страсть къ „живой пластикѣ“, какъ и вообще къ пластикѣ, врождена итальянцамъ, постоянно вращающимся среди статуй и обнаженной „натуры“. Пластическія изображенія невольно приходятъ въ голову итальянцу. Дадутъ ему украсить стѣну телеграфной

станціи. У насъ сейчасъ же бы надпись: „сооружено подъ начальствованіемъ генерала такого-то, по мысли титулярнаго совѣтника такого-то“, а итальянецъ возьметъ да и нарисуетъ голую бабу, держащую проволоку между двухъ пальцевъ. Электричество, молъ, это означаетъ.

Есть еще причина, по которой итальянцы любятъ балетъ. Пріѣздъ балетной труппы въ провинцію—рай для бездѣльничающей молодежи. Цѣна „женскаго труда“ падаетъ тогда до минимума. Въ надеждѣ на такіе посторонніе источники, импрессаріи даютъ артисткамъ вознагражденіе грошовое, да изъ этого жалованія еще отъ 6 до 20 проц. нужно отдать за комиссію агентству Кароцци—спеціальному поставщику итальянскихъ танцовщицъ.

— Что вы получаете?—спросилъ я въ Римѣ молодую балерину театра Manzoni, Жоле Кантини.

— 600 лиръ и должна танцовать за это каждый день, а по воскресеньямъ и праздникамъ по два раза въ день.

Итого менѣе семи рублей за спектакль! А между тѣмъ это—ученица Эмиліи Помэ, сложена какъ Венера, танцуетъ прекрасно, словомъ, форменная балерина, даже имѣетъ строгую маменьку, отъ которой съ утра несетъ водкою.

Правда, жизнь въ Италіи еще очень дешева; даже самыя лучшія газеты стоютъ, напримѣръ, въ розничной продажѣ 2 копѣйки.

Хореграфія можетъ быть потому еще нравится итальянцамъ, что это искусство осталось у нихъ національнымъ. За рѣдкими исключеніями (Мэри Флинтъ), всѣ

танцовщики и танцовщицы—итальянцы, тогда какъ въ итальянской оперѣ, напримѣръ, даже въ Италіи совсѣмъ не видать итальянскихъ именъ: все нѣмцы, испанцы, поляки, русскіе, а болѣе всего жиды, жиды.

Даже и композиторы начинаютъ являться изъ другихъ національностей. На театрѣ Carcano, гдѣ пѣла, между прочимъ, моя пріятельница Ферни Жермано, шла новинка: опера „Flora Mirabilis", сочинилъ которую молодой грекъ Спиро-Самара, изучившій музыку въ Парижѣ. Опера новогреческаго маэстро, предпочедшаго контра-пунктъ зеленому полю, съ вагнеровскимъ оттѣнкомъ, она великолѣпно инструментована и имѣла значительный успѣхъ.

Въ этой оперѣ, дѣйствіе которой происходитъ въ Норвегіи, меня болѣе всего занимало понятіе итальянцевъ о сѣверной зимѣ. Въ 1-мъ актѣ, напримѣръ, примадонна, декольте до поясницы, открываетъ окно, снѣгъ валитъ хлопьями, а она распѣваетъ въ открытое окно каватину, очевидно, не опасаясь насморка! Во 2-мъ дѣйствіи—зимній пейзажъ. Деревья покрыты густыми листьями и на этихъ листьяхъ лежитъ слой снѣга вершка въ три. Декораторъ и режиссеръ дѣйствіе холода видѣли, вѣроятно, только на сливочномъ мороженомъ...

II.

Неаполь. Неаполь — одинъ изъ немногихъ городовъ въ западной Европѣ, который сохранилъ еще оригинальную физіономію, хотя и въ немъ произошли большія перемѣны: ладзароновъ болѣе нѣтъ, а многіе кварталы ничѣмъ не отличаются отъ модныхъ кварталовъ Парижа, Берлина и Вѣны. Это ужасное несчастіе для туриста, что въ мірѣ скоро всѣ народы будутъ отличаться только способомъ приготовленія горчицы! Проклятая civilisation à la fourchette заполняетъ всѣ уголки земного шара и сливаетъ ихъ въ одну общую форму.

Въ Неаполѣ васъ не хватаютъ уже силою за полы, не влѣзаютъ къ вамъ въ экипажъ, не несутъ въ пятеромъ вашу кардонку отъ шляпы; хотя сохранилось еще довольно попрошаекъ и то-и-дѣло васъ останавливаютъ какія-то фигуры, предлагающія показать qualque soze du zoli. Ночью толпы странствующихъ музыкантовъ и пѣвцовъ играютъ на гитарахъ и поютъ Santa Lucia и др. романсы, днемъ же такъ трещатъ шарманки, что я сомнѣваюсь, чтобы какому либо композитору могла прійти здѣсь въ голову хотя бы одна оригинальная мелодія. Удивляюсь поэтому, какъ могъ жить въ Неаполѣ

Меркаданте и не менѣе былъ удивленъ, увидя въ моей гостинницѣ имя г. Чайковскаго.

Въ Неаполѣ еще процвѣтаетъ старая итальянская привычка сушить бѣлье на улицахъ. Тутъ безъ церемоніи и на важнѣйшихъ улицахъ между газовыми фонарями протягиваютъ веревки и развѣшиваютъ для просушки бѣлье. Смотришь зданіе университета, а и въ этомъ храмѣ науки — центрѣ итальянской философіи — изъ каждаго окна болтаются въ воздухѣ вымытыя рубашки, подштанники и юбки.

И удивительно даже, откуда набирается такое количество бѣлья у итальянцевъ, которые, кажется, никогда его не мѣняютъ. Опрятности итальянцы, какъ извѣстно, отъ древнихъ римлянъ не унаслѣдовали.

Я спрашивалъ одну знаменитую итальянскую артистку, моющую изъ экономіи руки вмѣсто мыла кусками выжатыхъ лимоновъ и вмѣсто пудры употребляющую магнезію, почему въ Италіи такъ мало обращаютъ вниманія на чистоту.

— Помилуйте, отвѣчала она,—намъ едва хватаетъ времени ловить la piccola bestia (блохъ)!

Въ Римѣ извѣстные даже итальянскіе художники никогда не моютъ рукъ.

— Къ чему, говорилъ публично одинъ изъ подобныхъ субъектовъ, ваше мыло. Вотъ теперь мои руки вспотѣли, мнѣ стоитъ ихъ потереть одна о другую, грязь отвалилась и руки совсѣмъ чисты!

Послѣ Петербурга, Неаполь единственный, кажется, городъ, гдѣ ѣздятъ во всю прыть даже на ослахъ. Извозчичьи лошади, доставляемыя съ острова Сардиніи, маленькія и сильныя, замѣчательны тутъ своею рѣз-

востью. Извозчики же удивительно искусно изворачиаются въулицах въ шириною въ три, четыре аршина, полныхъ народомъ, экипажами и дѣтьми. Послѣднихъ множество, ибо неаполитанцы, какъ всѣ бѣдняки, плодовиты.

Не смотря на политическое единство, рознь городовъ въ Италіи такъ же сильна, какъ и прежде. Неаполитанцы попрежнему ненавидятъ сицилійцевъ, съ которыми такъ долго были связаны исторіей. Презираютъ они глубоко и римлянъ. Римъ, по сравненію съ своимъ городомъ, они считаютъ городишкомъ. Неаполитанцы утверждаютъ, что ихъ римляне обкрадываютъ, хотя еще вопросъ, кто поживился болѣе отъ объединенія. Жители сѣверной Италіи также въ свою очередь убѣждены, что потеряли отъ единства, что они содержатъ на свой счетъ всю Италію, югъ же лишь поставляетъ голодныхъ политическихъ авантюристовъ и говоруновъ и живетъ оппозиціей.

— Мы поняли теперь, говорилъ мнѣ одинъ генуэзскій арматоръ,— какихъ каналій пріобрѣли мы съ своимъ пресловутымъ единствомъ!

„Моему народу нѣтъ надобности думать“, писалъ король Фердинандъ II — Бомба, о своихъ подданныхъ. Этотъ приговоръ не потерялъ силы до сихъ поръ. Вся дѣятельность неаполитанцевъ исключительно внѣшняя. Живутъ неаполитанцы такъ же, какъ жили двѣ тысячи лѣтъ назадъ римляне: квартиры крохотныя и все дѣлается на улицѣ, которая изображаетъ узкій переулокъ; на улицахъ моютъ бѣлье, чешутся, готовятъ кушанье, тутъ же складываютъ соръ и т. д. Съ виду это кажется грязнымъ и вреднымъ для здоровья, но если поразмыслить строго, то, пожалуй, эта жизнь съ вывороченнымъ

въ наружу нутромъ домовъ гигіеничнѣе нашей. Еслибы петербургскія черныя лѣстницы и помѣщенія для рабочихъ и прислуги развернуть въ переулки, то грязи выказалось бы не менѣе, чѣмъ въ Неаполѣ, но только грязь эта никогда у насъ не провѣтривается, и въ закрытыхъ помѣщеніяхъ она скорѣе можетъ служить разсадникомъ разныхъ модныхъ теперь бактерій и бакциллъ.

Преслѣдовать послѣднія, подъ предлогомъ „оздоровленія города“, и здѣсь не мало охотниковъ въ муниципалитетѣ, понимающихъ, что на проложеніи, яко бы съ гигіеническою цѣлью, улицъ и устройствѣ скверовъ, набережныхъ и пр., можно накрасть въ волю. Воровъ же изъ общественнаго, какъ и изъ казеннаго сундука, въ Италіи со времени ея единства расплодилось тьма тьмущая, притомъ воровъ просвѣщенныхъ, слѣдовательно ворующихъ вдесятеро противъ прежнихъ воришекъ. При мнѣ всѣ эти господа ликовали въ Неаполѣ, въ ожиданіи займа въ 100 милліоновъ лиръ, разрѣшеннаго правительствомъ по случаю бывшей холеры, для оздоровленія города. Еще заемъ окончательно не разрѣшенъ, а дума принялась ломать дома на будущихъ улицахъ, потревожила даже бронзовыхъ коней работы барона Клодта, подаренныхъ императоромъ Николаемъ королю Фердинанду II. Цѣль этихъ работъ понятна. Каждый спѣшитъ нагрѣть руки, пока срокъ его выбора не миновалъ.

Между тѣмъ отъ этихъ займовъ, какъ и вообще отъ муниципальныхъ затѣй, населенію просто житья нѣтъ. Налоги ужасны; квартиры въ Неаполѣ очень дороги, потому что домовладѣльцы платятъ городу 33 проц. съ чистаго дохода; оцѣнка этого дохода старинная, если же совершится, какъ поговариваютъ, новая переоцѣнка не-

движимыхъ имуществъ, то тогда многимъ, пожалуй, придется бросить свои дома. Это уже случилось во Флоренціи. Хотя Неаполь окруженъ виноградниками, дающими издревле превосходное вино: капри, лакримакристи, фалерно, но его въ городѣ пить нельзя изъ-за муниципальныхъ заставныхъ пошлинъ. Къ счастью, вода въ Неаполѣ отличная.

Воровство и безпорядокъ во всемъ. Театру Санъ-Карло городъ даетъ, напримѣръ, 200,000 лиръ субсидіи, между тѣмъ труппа очень плоха и театръ бо̀льшую часть года стоитъ закрытымъ. Полиція обходится также дорого, хотя ея обязанности весьма не сложны. Административная полиція не вмѣшивается въ мелочи, го́родская же заодно съ жителями, поэтому, законовъ и правилъ издано множество, но ни одинъ законъ, ни одно правило не исполняются. Правда, неаполитанцы шутить не любятъ. За отправленіе на улицѣ естественныхъ надобностей положенъ, напримѣръ, штрафъ въ 5 лиръ; его, однако, не берутъ, ибо когда брали, то на другой же день полицейскій, составившій протоколъ, былъ убиваемъ. Вообще въ Неаполѣ, при добродушіи народа, зарѣзать изъ-за пустяковъ никто не затруднится въ надеждѣ на заступничество св. Дженаро (Януарія), покровителя города.

Я довольно удачно попалъ къ послѣднему дню, когда кипитъ или, вѣрнѣе, дѣлается жидкою кровь св. Дженаро. Это чудо совершается три раза въ годъ и народъ ожидаетъ его съ величайшимъ нетерпѣніемъ, выражая подъ часъ неудовольствіе ругательствами. Разъ только это чудо сильно запоздало. Дѣло было въ 1799 г., когда французы занимали Неаполь и основали эфемерную Пар-

тенопейскую республику. Духовенство, само собою разумѣется, было на сторонѣ Бурбоновъ и недовольно нашествіемъ атеистовъ. Оно старалось внушить черни, что св. Дженаро также недоволенъ, почему кровь его и остается въ неизмѣнномъ видѣ. Чернь взволновалась. Но командовавшій французами генералъ былъ себѣ на умѣ. Онъ безъ длинной церемоніи позвалъ настоятеля собора и объявилъ ему, что если молитвами его священниковъ кровь св. Дженаро не закипитъ, то настоятель будетъ въ 24 часа разстрѣлянъ, и что-жъ? чудо недолго заставило себя ждать; на другой день неаполитанцы были осчастливлены извѣстіемъ, что покровитель ихъ сжалился надъ городомъ и кровь его стала жидкою.

Кровь св. Дженаро хранится въ соборѣ, великолѣпномъ зданіи, наружный фасадъ котораго заново отдѣлывается. День былъ воскресный, погода прекрасная и зрѣлище представилось любопытное. Огромный храмъ былъ переполненъ молящимися, въ каждомъ изъ многочисленныхъ придѣловъ собора шла служба, епископъ совершалъ міропомазаніе, но главный интересъ сосредоточивался на капеллѣ патрона города. Эта капелла сама по себѣ большой храмъ, почти сплошь отдѣланный и заставленный массивными серебряными украшеніями и ярко освѣщенный. У входа въ алтарь, отдѣляющагося мраморною балюстрадою, стояли два городовыхъ въ шапкахъ. Когда вынесли кровь св. Дженаро, городовые отдали честь и держали пальцы у козырька, а публика выстроилась покоемъ. Кровь заключается въ трубочкѣ, вдѣланной въ стеклянный большой флаконъ съ серебрянымъ крестомъ на пробкѣ. Настоятель обходилъ молящихся и давалъ каждому цѣловать флаконъ, причемъ

для того, чтобы показать, что кровь дѣйствительно жидкая, онъ, давъ поцѣловать флаконъ прямо, немедленно переворачивалъ его вверхъ ногами и въ такомъ видѣ подавалъ его цѣловать слѣдующему прикладывавшемуся, затѣмъ снова переворачивалъ флаконъ и т. д.

Церквей въ Неаполѣ множество и посѣщеніе ихъ составляетъ одно изъ главныхъ развлеченій для массы народа, любящаго вообще шумъ и движеніе. Не даромъ онъ живетъ на волканѣ. Совсѣмъ иначе держитъ себя аристократія. Итальянская аристократія, кромѣ нѣсколькихъ фамилій въ Римѣ, страшно обнищала, ѣстъ плохо, прислугу мѣняетъ непрерывно, такъ какъ никто жить при скаредствѣ баръ не соглашается, единственная роскошь нобилей—это имѣть лошадей и экипажъ, а зимою быть абонированнымъ въ оперу въ день, почитаемый аристократическимъ.

Она имѣетъ, однако, извѣстную устойчивость, замѣчательную въ наше шаткое время. Итальянская аристократія сохранила еще наслѣдственные дворцы и частью земли, или, вѣрнѣе, патримоніальныя права на землю, ибо никогда нобили въ своихъ помѣстьяхъ не бываютъ, дворцы наполнены старинными вещами и если прислуга мѣняется, то сохраняются у барынь одни и тѣ же любовники, которыхъ общественное мнѣніе за „давностью“ считаетъ какъ бы вторыми мужьями. Бракъ въ Италіи, какъ извѣстно, „равносторонній трехугольникъ“.

Въ Неаполѣ аристократія точно также обѣднѣла, никогда не принимаетъ. Развѣ въ десять лѣтъ разъ, выдавая дочь замужъ или по случаю какого либо иного выдающагося событія, дадутъ балъ, и потомъ опять запираютъ свои палаццо. Изрѣдка собирается она танцо-

вать въ аристократическомъ клубѣ, помѣщающемся въ зданіи дворца, около театра Санъ-Карло. Затѣмъ жизнь высшаго общества ужасно однообразна. Отъ двухъ до трехъ часовъ оно обѣдаетъ и заваливается спать, вечеромъ въ шесть часовъ выѣзжаетъ кататься на берегъ моря около Villa Nazionale, куда собираются и проживающіе въ Неаполѣ иностранцы. Лошади въ экипажахъ у аристократіи неважныя, извозчики ѣздятъ здѣсь скорѣе, красивыхъ женщинъ въ высшемъ обществѣ также немного. Зато народный типъ въ Неаполѣ недуренъ.

Неаполитанки имѣютъ полныя губы, бѣлые зубы, нѣсколько вздернутый носъ, черные умные глаза и густые волосы, начесанные на лобъ; нравъ ихъ привѣтливый и веселый. Онѣ развязны и ловки, умѣютъ при случаѣ скрыть своими манерами то, что слова выразили слишкомъ ясно, и говоритъ глазами, когда разговоръ прерывается. Король Викторъ Эммануилъ, который любилъ женщинъ низшаго разбора, катался здѣсь какъ сыръ въ маслѣ.

Населеніе Неаполя, какъ извѣстно, очень во многомъ отличается отъ итальянскаго типа, тутъ сохранился греческій элементъ, есть подмѣсь и сарацинской крови. Соотвѣтственно тому сохранился и греческій взглядъ на женщинъ. Онѣ почитаются какъ бы существами низшими относительно мужчины. Потому въ высшемъ кругу жизнь еще болѣе замкнута, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Италіи, въ низшемъ же нравственность весьма распущена. Неаполитанская мораль широка, какъ у того средневѣковаго богослова-казуиста, который доказывалъ, что „публичной“ женщина имѣетъ право называться только, когда она отдалась двадцати тремъ

тысячамъ мужчинъ! „Другіе, замѣчаетъ по поводу этого оригинальнаго мнѣнія сенаторъ Мантегацца въ своей популярной въ Италіи книгѣ „Любовь въ человѣчествѣ“, признаютъ достаточнымъ сорокъ или шестьдесятъ мужчинъ!!“

Зная лицемѣріе литературной братіи, я не распространяюсь болѣе о закулисной сторонѣ неаполитанской жизни, хотя когда путешественникъ, философъ или этнографъ описываетъ характеръ народа, онъ непремѣнно обязанъ говорить и о томъ, какъ этотъ народъ понимаетъ любовь, потому что способъ любить одна изъ наиболѣе рѣзкихъ чертъ нравственной физіономіи каждаго народа. Замѣчу только, что нравы въ Неаполѣ издревле легкіе. Уже Страбонъ описываетъ берега Неаполитанскаго залива какъ скопище сластолюбиваго люда, центръ удовольствій и праздной жизни, что̀ подтверждается остатками древностей, сохраняемыми въ порнографическомъ отдѣлѣ Королевскаго музея, поразившемъ когда-то m-me de Kourdioukoff, и въ развалинахъ Помпеи.

Музей, знаменитый своими статуями, содержитъ удивительно разнообразные остатки древней жизни до величайшихъ мелочей. Разсматривая ихъ, я былъ пораженъ, что форма ваннъ нисколько не измѣнилась за 1800 лѣтъ. Въ Помпеѣ новыя раскопки пріостановлены за недостаткомъ денегъ. При входѣ надпись: „служители, взявшіе на водку, будутъ немедленно уволены отъ службы“. Какъ всѣ надписи, она обманчива. Казенный чичероне, отставной солдатъ, проводивъ меня по разнымъ закоулкамъ и давъ объясненія въ родѣ того, что „здѣсь римляне, помывшись въ банѣ, отпра-

влялись завтракать и заказывали себѣ хорошій бифштексъ!“ привелъ въ какой-то домикъ, гдѣ дверь заперъ тщательно на ключъ. Тогда, скроивъ чувствительную рожу, онъ обратился ко мнѣ со словами:

— Хотя намъ брать на водку и строго запрещено, но вы знаете, какъ наше правительство бѣдно, я же имѣю жену и четырехъ дѣтей.

Я далъ ему двѣ лиры, чичероне въ восторгѣ потащилъ меня уже въ такія мѣста Помпеи, гдѣ, кромѣ ящерицъ, ничего не было, и въ видѣ поученія говорилъ:

— Воспитывать дѣтей тяжело, но тѣмъ не менѣе женатымъ быть лучше, чѣмъ холостымъ. Я въ этомъ убѣдился. Если вы не женаты, то совѣтую вамъ это сдѣлать поскорѣе.

Очевидно, что на этого человѣка ежедневное созерцаніе скабрезныхъ картинъ и изваяній, украшающихъ стѣны Помпеи, не произвело развращающаго дѣйствія...

Гуляя по улицамъ Неаполя, я увидалъ на книжныхъ выставкахъ „Исторію Россіи“ по-итальянски, цѣна 15 сантимовъ. Любопытно, когда русскій народъ будетъ въ состояніи имѣть по-русски свою исторію за 6 копѣекъ?

Нашихъ соотечественниковъ въ Неаполѣ немного, иностранцы же захватываютъ лучшія улицы Неаполя, домовладѣльцы постоянно строятъ для нихъ дома красивые въ виду, но крайне неудобные внутри, особенно зимою. Отели также полны были иностранцами, хотя сезонъ кончился. Между иностранцами, собравшимися въ роскошномъ „Hôtel Royal des etrangers“ на Кіайѣ, мнѣ попался курьезный типъ французскаго попа, который, по круговому билету, объѣзжалъ Италію и случайно былъ завезенъ въ столь дорогую гостинницу. Во всей

Италіи его заинтересовалъ только домъ Богородицы въ Лоретто, въ Неаполѣ же хотя monsieur le curé цѣлый день ходилъ и ѣздилъ, чтобы осматривать достопримѣчательности, но въ день отъѣзда за табльд'отомъ съ грустью мнѣ замѣтилъ:

— Все я видѣлъ здѣсь, только Везувія не видалъ.

Раздавался общій хохотъ, я обѣщалъ удовлетворить его любопытство и послѣ обѣда вышелъ на крыльцо и показалъ Везувій, величаво стоящій прямо противъ гостинницы по другую сторону залива. Толпа путешественниковъ вышла также на крыльцо посмотрѣть, какая физіономія будетъ у попа, не замѣтившаго въ Неаполѣ Везувія.

— А!—равнодушно сказалъ онъ,—эту гору я видѣлъ каждый день, но мнѣ и въ голову не приходило, что это Везувій.

Для человѣка, обязаннаго цѣлый день, и даже въ дорогѣ, читать свой breviaire, подобное замѣчаніе было весьма естественно.

По дорогѣ изъ Неаполя въ Римъ. Въ вагонѣ противъ меня сидѣла прекраснѣйшая юная блондинка съ черными глазами, удивительно бѣлыми зубами и пунцовыми губками. Выраженіе лица ея было очень оживленное, а оживленіе, извѣстно, идетъ только къ блондинкамъ, тогда какъ наоборотъ томность къ брюнеткамъ—вѣроятно въ силу контраста. По справкѣ оказалось, что моя визави графиня Пурталесъ, изъ Невшателя.

— Я никогда не подозрѣвалъ, сказалъ я ей, чтобы въ вашемъ кантонѣ, извѣстномъ только сыромъ и домами для съумасшедшихъ, могли быть такія красивыя

женщины, къ которымъ всецѣло примѣняется итальянское изреченіе: „Occhi nero e capel biondo, la piu vaga di questo mondo“.

Въ томъ же вагонѣ сидѣлъ молодой человѣкъ, съ энергическимъ выраженіемъ лица, повидимому, начальникъ, такъ какъ его на станціяхъ встрѣчали вездѣ съ почетомъ. Въ лицѣ и особенно въ манерѣ носить усы, у него не было ничего итальянскаго; онъ оказался Кошутомъ, сыномъ знаменитаго мадьярскаго диктатора. Молодой Кошутъ отличается блистательными способностями и занимаетъ должность директора-распорядителя Средиземноморскихъ желѣзныхъ дорогъ. На полуостровѣ, какъ извѣстно, всѣ рельсовые пути слились въ два гигантскихъ общества: Средиземноморское и Адріатическое, правленія которыхъ помѣщаются въ Миланѣ и Флоренціи. Благодаря этому сліянію желѣзныхъ дорогъ доходныхъ съ бездоходными, итальянское правительство избавилось отъ огромныхъ приплатъ. Давно бы и у насъ слѣдовало бы сдѣлать что нибудь подобное.

На пути, кромѣ красавицы-швейцарки и талантливаго венгерца, я любовался еще однимъ чудомъ природы. Въ наше купэ сѣла американка лѣтъ сорока, одѣтая скромно, но на поясѣ ея висѣлъ пукъ брелокъ, не преувеличивая можно сказать, величиною съ маленькую дыню. Едва вошла она въ вагонъ, какъ заговорила со своимъ сосѣдомъ-итальянцемъ, къ ея счастью понимавшимъ по-англійски, и проговорила буквально не переставая до прихода поѣзда въ Римъ, т. е. битыхъ пять часовъ. Такого быстраго ворочанія языка я въ жизни своей не видалъ. Итальянецъ пытался было нѣсколько разъ вставить свое слово въ отвѣтъ, но американка сей-

часъ же перебивала его и продолжала трещать безъ умолку.

Я вспомнилъ, какъ нѣкто для утилизаціи женской болтовни предлагалъ къ языкамъ кумушекъ придѣлывать приводы къ кофейнымъ мельницамъ. Моя американка языкомъ смѣло смолола бы въ сутки два берковца жареннаго цикорія.

Не смотря на эту американскую болтовню, завелся общій разговоръ о холерѣ. Помню, какъ два года назадъ, когда я былъ въ Италіи въ моментъ холеры, итальянцы трусили: всѣ отели были пусты, силою высаживали пассажировъ, имѣвшихъ неосторожность проболтаться, что они ѣдутъ изъ Неаполя, а въ одномъ и томъ же городѣ, въ тотъ же день театры закрывались изъ опасенія распространенія заразы, одинъ подъ предлогомъ „холодной“ погоды, другой подъ предлогомъ „жаркой“ погоды *). Теперь на холеру въ Италіи никто не обращалъ вниманія, многіе ѣхали въ Венецію, гдѣ холера оффиціально была признана, просто чтобы пріятно провести нѣсколько дней.

— Мы освоились съ холерою, говорилъ по этому случаю одинъ господинъ. Она можетъ быть и въ десять разъ сильнѣе и все-таки вниманія не привлечетъ. Холера только потому поражаетъ умы, что это новая болѣзнь. Также поражалъ умы и сифилисъ въ XVI столѣтіи. Но если разсмотрѣть число смертныхъ случаевъ во время эпидеміи, то они покажутся немногочисленными, сравнительно со смертностью отъ чахотки, тифа, остраго кишечнаго катарра и др. болѣзней, несомнѣнно

*) Фактъ этотъ былъ въ Венеціи въ августѣ 1884 года.

заразныхъ. Только Европа къ послѣднимъ присмотрѣлась и не обращаетъ на нихъ вниманія. Мало-по-малу привыкнетъ она къ холерѣ и не будетъ подвергаться паникѣ, достигшей у насъ въ Италіи, въ 1884 г., до комическихъ размѣровъ...

Съ этимъ нельзя не согласиться, хотя доктора, аптекаря и гласные думы, по всей вѣроятности, примутъ всѣ мѣры, чтобы держать подолѣе публику въ страхѣ.

Подъѣзжая къ станціи Чекано, мы услыхали музыку. Хоръ военныхъ трубачей трубилъ изо всей силы, толпа грязныхъ оборванцевъ держала итальянскіе флаги съ надписями и орала довольно жидкими голосами: „Eviva!“ Это были проводы кандидата въ депутаты парламента, дѣлавшаго свою tournée electorale.

— Увидите, что завтра будетъ во всѣхъ газетахъ депеша изъ Чекано, что весь городъ съ восторгомъ и умиленіемъ провожалъ на станцію своего избранника, замѣтилъ мнѣ мой сосѣдъ, относившійся съ глубокимъ презрѣніемъ не только къ холерѣ, но и къ происходившей въ Италіи избирательной борьбѣ.

Не лучше этого я видѣлъ затѣмъ политическую демонстрацію въ Римѣ въ честь Кайроли, бывшаго перваго министра, соперника Депретиса. Толпа мальчишекъ шла по Корсо съ заженными бумажными фонарями и орала, при совершенномъ равнодушіи проходящей публики и городовыхъ. Послѣдніе стояли смирно, такъ какъ въ избирательный періодъ господствуетъ полная свобода, что, между прочимъ, дало возможность разноцвѣтными афишами кандидатовъ испакостить всѣ стѣны итальянскихъ городовъ. Афиши наклеивались даже на двери соборовъ.

„Если итальянцы когда либо будутъ имѣть власть

дать себѣ конституцію,—писалъ въ своихъ запискахъ адмиралъ Чичаговъ,—я думаю, что она будетъ переложена на партитуру, будетъ подчинена прекрасному и одушевлена тѣмъ, что прекрасно. Первые поэты, первые художники, быть можетъ, первыя красавицы,—сдѣлаются у нихъ величайшими государственными людьми"...

Адмиралъ ошибся въ этомъ случаѣ такъ же, какъ и когда прозѣвалъ Наполеона подъ Березиной. Любопытно, что сказалъ бы онъ, еслибы былъ свидѣтелемъ выборовъ въ Италіи въ нынѣшнемъ году, когда каторжника Амилькара Чипріани избрали сразу въ депутаты въ двухъ коллегіяхъ, между прочимъ, въ древней Равеннѣ. Въ самомъ Римѣ, въ числѣ кандидата, балотировался какой-то Кокапіелеръ, сидящій, судя по его избирательной афишѣ (конечно, радикальной), in carcere, и получилъ не мало голосовъ.

Отъ единства Италіи, съ которымъ связана ея конституціонная жизнь, выиграли только средніе классы, горожане, и въ особенности адвокаты, журналисты и представители такъ называемыхъ „либеральныхъ профессій", народъ же потерялъ, для него тяжелы тѣ безчисленные налоги казенные, провинціальные, коммунальные, которые явились послѣдствіемъ парламентарныхъ порядковъ.

Политиканы и биржевые дѣльцы положительно угнетаютъ народъ, послѣдній даже въ Ломбардіи, которая могла бы быть земнымъ раемъ, гибнетъ отъ голода и и пелагры—этой ужасной болѣзни, источникъ коей видятъ въ кукурузной полентѣ, вѣроятно, ни въ чемъ не виноватой.

Такимъ объясненіемъ удовольствовалась, по крайней

мѣрѣ, парламентская комиссія, назначенная для изслѣдованія вопроса о причинахъ бѣдности въ сельскомъ классѣ населенія. Надобно думать, комиссія состояла изъ дѣльцовъ, которые твердо заучили слова Лабрюйера, что „для успѣха въ свѣтѣ надобно умѣть, чтобы васъ учили вещамъ, которыя вы знаете, люди о нихъ не имѣющіе понятія".

Отношеніе народа къ парламенту очень мѣтко опредѣлилъ одинъ рабочій въ рѣчи, произнесенной на избирательномъ собраніи въ Миланѣ. Указавъ, что Депретисъ, занявъ съ 1876 года власть, повелъ ту же политику, что до него вели консерваторы, рабочій заключилъ: „Мы совершенно напоминаемъ мельницу, о которой говорится въ баснѣ: перемѣняется мельникъ, оселъ же все продолжаетъ молоть муку и нисколько ему отъ этой перемѣны не легче!"

Глубокая истина!

III.

Римъ. Послѣ Неаполя Римъ, особенно по вечерамъ, кажется мертвымъ городомъ. Движенія на улицѣ никакого, да и днемъ, кромѣ Корсо и нѣсколькихъ ближайшихъ къ нему улицъ и переулковъ, не замѣтно большого оживленія, между тѣмъ Римъ несомнѣнно расширяется и застраивается, хотя нужно еще очень много времени, чтобы современная столица Италіи покрыла площадь, занимавшуюся древнимъ Римомъ, гдѣ было, говорятъ, до четырехъ милліоновъ жителей.

Увеличеніе идетъ медленно потому еще, что окрестности Рима попрежнему пустынны и въ городѣ промышленности нѣтъ никакой. Расширеніе города совершается болѣе отъ того, что монастырскія и другія церковныя зданія обращаются въ казармы и канцеляріи, а монахи вынуждены обстраиваться вновь въ другомъ мѣстѣ. Замѣчательно, что хотя религіозность и здѣсь падаетъ, но это не мѣшаетъ монашескимъ орденамъ и духовнымъ установленіямъ покупать постоянно новыя и обширныя недвижимости, конечно, на чужое имя. Всѣмъ извѣстная гостинница „Constanzi“ куплена недавно іезуитами на имя какихъ-то двухъ мелкихъ де-

партаментскихъ писцовъ съ цѣлью обращенія въ училище.

Дѣла ватиканскаго „узника“ идутъ значитъ не такъ дурно. Нынѣшній папа, впрочемъ, по-своему либералъ. Осматривая Сикстинскую капеллу, я узналъ напримѣръ, что, желая подчиниться духу времени, Левъ XIII приказалъ болѣе не принимать кастратовъ въ капеллу, а только сохранять существующихъ. И такъ угаснетъ еще одна черта итальянскихъ нравовъ! Contralti—какъ называютъ оффиціально бѣдныхъ пѣвцовъ папской капеллы — не въ первый уже разъ подвергаются остракизму. Наполеонъ I, который любилъ во все совать свой носъ, еще будучи генераломъ Бонапартомъ, включилъ въ условія Толентинскаго мира въ 1797 г., чтобы папа не дѣлалъ болѣе кастратовъ! Послѣ паденія имперіи папа Пій VII не счелъ себя болѣе обязаннымъ подчиняться договору и contralti снова запищали въ Ватиканѣ. Теперь на нихъ новая напасть.

Въ то время, когда во всей Россіи не наберется и сотни художниковъ, дѣйствительно держащихъ въ рукѣ кисть или рѣзецъ, въ одномъ Римѣ около восьми тысячъ человѣкъ кормятся отъ искусства. Въ этомъ числѣ не мало иностранцевъ, въ особенности много нѣмцевъ, до сихъ поръ еще продолжающихъ носить забавные наряды старыхъ художниковъ: огромные воротнички и галстуки, короткіе плащи и пр., которые и у насъ были въ модѣ, такъ что одинъ старый московскій живописецъ рисовалъ не иначе какъ одѣвшись пажемъ! Затѣмъ въ Римѣ очень многочисленная колонія испанскихъ художниковъ, между ними не мало крупныхъ талантовъ. Испанцы ничѣмъ по внѣшнему виду не отли-

чаются, равно и русскіе художники, которыхъ теперь въ Римѣ не болѣе десяти человѣкъ.

Но въ этомъ числѣ нѣсколько выдающихся дарованій: г. Семирадскій — имѣющій здѣсь собственный домъ, братья Свѣдомскіе, Александръ и Павелъ, Катарбинскій — оба послѣдніе замѣчательные колористы, извѣстный своими миніатюрами римскій старожилъ Риццони, Савитскій, Залеманъ. Каждый имѣетъ свою мастерскую болѣе или менѣе въ художественномъ безпорядкѣ; мѣстомъ собраній служитъ ресторанчикъ Coradetti въ Via'della Croce, гдѣ кормятъ такъ же скверно, какъ вездѣ въ Римѣ, но за то берутъ дешево, и гдѣ мѣсто каждаго посѣтителя заранѣе всѣмъ извѣстно; такой же кабачекъ имѣютъ и здѣшніе дипломаты.

Русскіе художники, конечно, сохраняютъ свои національныя черты. Встаютъ не рано, потому что ложатся спать поздно. Тутъ уже солнце слишкомъ свѣтитъ и даетъ ложное освѣщеніе, да и пора завтракать; послѣ завтрака работать удобнѣе, но, смотришь, что нибудь помѣшаетъ, то гость зайдетъ, то натурщица загуляла, время уходитъ, надобно идти обѣдать, а послѣ обѣда темно, работать нельзя, развѣ когда заведется электрическое освѣщеніе; отъ нечего дѣлать приходится отправляться въ какой нибудь ресторанчикъ играть на билліардѣ (съ кеглями), пить въ компаніи пиво и разсуждать объ искусствѣ.

Тѣ сокровища искусства, которыя здѣсь собраны вѣками, мало интересуютъ нашихъ артистовъ. Въ этомъ случаѣ г. Стасовъ могъ бы съ восторгомъ подписаться подъ ихъ разсужденіями о великихъ геніяхъ Возрожденія, какъ о грубыхъ ремесленникахъ, не умѣвшихъ ри-

совать, не имѣвшихъ идей, о соборѣ св. Петра, какъ о неудачномъ и напыщенномъ сочетаніи идей язычества съ католицизмомъ среднихъ вѣковъ, какъ о грубой поддѣлкѣ подъ вкусъ вѣка, лишенной единства, вслѣдствіе избытка орнаментовъ, и даже пропорціональностью своею достигающей результатовъ, прямо противоположныхъ задуманному плану, потому что она скрываетъ гигантскіе размѣры зданія.

Не смотря на эти исключительные взгляды, отголосокъ отчасти моды, отчасти дикихъ воззрѣній на искусство, господствующихъ въ русской интеллигенціи вообще, Римъ такое мѣсто, гдѣ пробыть нѣкоторое время художнику, даже русскому, всегда полезно, поэтому нельзя не отнестись съ сочувствіемъ къ ходящимъ въ Римѣ слухамъ объ учрежденіи тамъ отдѣленія нашей Академіи Художествъ, на подобіе того, что имѣютъ давно французы въ Вилла-Медичи. Говорятъ, что съ цѣлью обсужденія вопроса на мѣстѣ пріѣзжалъ г. Якоби и даже подыскалъ подходящее помѣщеніе. Съ устройствомъ академіи, русскіе художники станутъ болѣе работать— отъ соревнованія и отъ бо̀льшей легкости пріискивать натурщицъ; но навѣрно также будутъ они тогда больше ссориться и вмѣсто нынѣшней дружбы и единогласія пойдутъ интриги, несправедливости. Безъ послѣднихъ оффиціальное вмѣшательство въ искусство представить себѣ невозможно.

И въ Римѣ художники жалуются по́стоянно на недостатокъ натурщицъ и натурщиковъ. Еще съ натурщиками легче, но за натурщицами надо бѣгать, и рѣдко кто кончаетъ картину или статую съ тою же моделью, съ которою началъ; отсюда неизбѣжныя анатомическія ошибки и неестественныя сочетанія.

Занятіе натурщицы ужасно утомительно. По три и по четыре часа надобно стоять неподвижно въ извѣстномъ, часто весьма неудобномъ положеніи. Въ удобномъ невольно отъ скуки клонитъ ко сну, а въ неудобномъ ломитъ всѣ члены. Въ особенности положеніе натурщицъ бываетъ несносно лѣтомъ, когда приходится стоять въ драпировкахъ. Потъ льетъ, мухи кусаютъ, а нельзя пошевелиться, и за все это платится по 5 лиръ, тогда какъ красивая женщина,— а натурщица не можетъ быть уродомъ — тѣ же деньги легко можетъ заработать въ нѣсколько минутъ, даже въ Италіи.

Натурщицъ трудно достать и потому, что на итальянскія модели спросъ есть изъ Парижа, гдѣ онѣ получаютъ за сеансъ по 8 франковъ, а въ толпѣ и въ Римѣ—женщины рѣдко красивы, красавицы болѣе встрѣчаются въ аристократіи. Аристократки же позировать не станутъ, ибо прошли тѣ времена, когда Полина Боргезе служила моделью для Кановы, когда онъ лѣпилъ „Венеру Побѣдительницу“, и на вопросъ, какъ она рѣшилась позировать нагою, наивно отвѣчала:

— Да вѣдь мастерская была натоплена!

Въ Римѣ, какъ я сказалъ, въ аристократіи очень много женщинъ, выдающихся своею красотою, а красивою женщинѣ въ Италіи прослыть не легко. Старая пословица говоритъ, что женщина per esser perfetta in bellezza должна имѣть: „ноги генуэзки, красивый профиль жительницы Сіены, грудь венеціанки, глаза флорентійки, золотые волосы павійки, рѣсницы феррарки, кожу болонійки, маленькія ручки веронки, зубы неаполитанки, благородство римлянки и грацію миланки“. А такъ какъ трудно женщинѣ родиться въ одиннад-

цати городахъ сразу, то и совершенныхъ красавицъ въ Италіи нѣтъ.

Римская аристократія, душою преданная папѣ и презирающая, по крайней мѣрѣ по наружности, современный порядокъ вещей, была взволнована при мнѣ скандаломъ. Герцогъ Граціоли, женатый всего два года на очень красивой женщинѣ, вопреки итальянскимъ правиламъ, вздумалъ ревновать жену. Поѣхавъ на скачки, но не слѣдуя совѣту „Belle Helène", онъ возвратился невзначай домой и засталъ жену съ ея кузеномъ. Герцогъ вспылилъ, прогналъ жену изъ дому къ ея родителямъ, но тѣ отказались получить ее обратно.

Ходилъ слухъ и о дуэли, но дуэль, во-первыхъ, не въ итальянскихъ нравахъ; во-вторыхъ, общество находитъ, что герцогъ былъ не правъ. Въ здѣшней аристократіи мужья и жены принимаютъ гостей порознь, слѣдовательно герцогъ не имѣлъ права являться къ женѣ, когда у нея были гости! Словомъ, всѣ берутъ сторону жены и готовы признать, что прелестная и легкомысленная герцогиня имѣла право повторить своему мужу слова древняго философа: „Ты сердишься, значитъ ты неправъ".

Это, можетъ быть, покажется страннымъ, но вѣдь въ Италіи искусство ухаживанія за чужими женами возведено въ науку. Любовникъ не только въ каждой провинціи, но въ каждомъ городѣ имѣетъ свое особое спеціальное названіе и въ его отношеніяхъ существуютъ оттѣнки, которыхъ въ Европѣ не подозрѣваютъ.

Жить въ Римѣ, не будучи поклонникомъ герцогинь, склонныхъ къ адюльтеру, или, по крайней мѣрѣ, художникомъ и археологомъ, не весело. Туристъ, осмотрѣвши бѣгло музеи и церкви, спустившись въ катакомбы, под-

нявшись на Капитолій, бросивъ взглядъ на Форумъ и полюбовавшись, какъ капуцины сушатъ въ пескѣ своихъ братій и составляютъ изъ ихъ костей затѣйливыя пирамиды и стѣнныя украшенія (забава впредь воспрещенная), долженъ почувствовать порядочную тоску. Для развлеченія ходятъ даже поклониться праху Виктора Эмманула въ Пантеонѣ. Пошелъ и я. Гробница завалена вѣнками и эмблемами, довольно, впрочемъ, мизерными. Инвалидъ подаетъ книгу, куда записываютъ имена приходящихъ. Хотя прошло со смерти короля слишкомъ восемь лѣтъ, ежедневно посѣщаютъ его могилу болѣе сотни лицъ.

Главнымъ развлеченіемъ римлянъ, кромѣ ежедневнаго катанія, передъ обѣдомъ, взадъ и впередъ по Корсо, остаются прогулки на Пинчіо и въ Вилла Боргезе, откуда прелестные виды на городъ. На этихъ катаньяхъ можно постоянно встрѣтить королеву Маргариту, всегда изящно разодѣтую. Эта страсть къ нарядамъ тѣмъ болѣе удивительна, что королева совершенная нѣмка по воспитанію и рожденію, такъ какъ савойской крови у ней лишь самая малая частичка. Другое выдающееся качество королевы Маргариты—это страсть снимать съ себя фотографіи во всевозможныхъ туалетахъ, есть даже въ шубѣ, наброшенной на платье декольтэ. Королеву принято называть красавицей, хотя съ лѣтами она подурнѣла,—портитъ ее большой носъ.

Театровъ въ Римѣ и не въ сезонѣ больше открыто для публики, чѣмъ въ другихъ городахъ Италіи. Аристократическій оперный сезонъ въ Apollo уже окончился, но прекрасную оперу можно было слушать въ Constanzi, гдѣ, между прочимъ, пѣла извѣстная Панталеоне, созда-

тельница Джіоконды, большой драматическій талантъ, и знакомая намъ Колонезе. Опера похуже шла въ театрѣ Argentino, балеты и фарсы давались ежедневно на театрахъ Quirino, Manzoni и др. Публика во всѣхъ этихъ театрахъ очень смѣшанная, но цѣны не дороги и мѣста для сидѣнья, какъ вообще въ итальянскихъ театрахъ, удобны. Это не то, что въ Парижѣ, гдѣ даже въ Grand Opera, истративъ 40 милл. франковъ, заставляютъ публику сидѣть въ ложахъ какъ телятъ, отправленныхъ на рынокъ, между тѣмъ подъ корридоры, залы и кондитерскія отведены такія гигантскія пространства, что одно подметаніе ихъ обходится десятки тысячъ франковъ въ годъ.

Репертуаръ маленькихъ театровъ довольно скабрезный. Директора въ Италіи не могутъ идти противъ теченія. Газеты сообщали, что въ Веронѣ, директоръ „Teatro Nuovo“ помѣстилъ въ газетахъ объявленіе, въ которомъ предупреждалъ всѣхъ „честныхъ и добродѣтельныхъ женщинъ и дѣвицъ“, передъ посѣщеніемъ театра, обращать вниманіе на цвѣтъ афиши. Если она бѣлая, то на представляемую пьесу могутъ спокойно идти всѣ приличныя дамы и дѣвицы, если же афиша будетъ розовая, то за „нравственность“ пьесы нельзя ручаться и тогда честнымъ женщинамъ не слѣдуетъ присутствовать на представленіи. Замѣчательно, прибавляютъ газеты, что съ тѣхъ поръ розовыя афиши стали для директора вѣрной гарантіей полнаго сбора.

Загородныхъ гуляній въ Римѣ, въ нашемъ смыслѣ, нѣтъ. Я участвовалъ на пикникѣ, устроенномъ художниками на Monte Mole, недалеко отъ того мѣста, гдѣ Константинъ Великій, собираясь переправляться черезъ Тибръ, чтобы разбить Максенція, увидѣлъ на небѣ крестъ.

Пикникъ происходитъ въ обыкновенной аустеріи, гдѣ вино Castel romano пахло козлятиной, а кушанья представляли подобіе чего-то очень невкуснаго. Это не мѣшало, благодаря чудной погодѣ, веселому обществу и нѣкоторымъ напиткамъ, приготовленнымъ не на берегахъ Тибра, большинству привести себя въ такое состояніе, что будь они на мѣстѣ Константина, то увидѣли бы не одинъ, а два креста...

Парижъ. Сезонъ скачекъ привлекъ нынче въ Парижъ огромное число путешественниковъ, и трудно было достать мѣсто въ гостинницахъ; къ сожалѣнію, упорный проливной дождь испортилъ времяпровожденіе. Отъ наплыва путешественниковъ Парижу, впрочемъ, не многимъ легче. Теперь въ этотъ городъ не пріѣзжаютъ жить, а въ него, какъ въ кабакъ, заѣзжаютъ на нѣсколько недѣль—разница огромная, выражающаяся наглядно въ появленіи на главныхъ улицахъ множества закрытыхъ магазиновъ и въ изобиліи повсюду надписей: à louer.

Число построекъ уменьшается, строятъ болѣе дума и казна, чтобы забавлять населеніе. Прошли тѣ времена, когда цѣлыя улицы около парка Монсо застраивались дѣвками, нажившимися своимъ промысломъ, на старости лѣтъ роскошные пріюты въ поученіе подростающему поколѣнію. Теперь эта vieille garde, какъ и всѣ парижскіе домовладѣльцы, сидятъ въ страхѣ и ждутъ новой Коммуны; домовладѣльцы же изъ иностранцевъ обзаводятся національными флагами, которые оказали уже чудодѣйственное вліяніе при первой Коммунѣ въ смыслѣ охраны домовъ отъ грабежа и поджога.

Страдаютъ во Франціи не одни рабочіе классы. Относительно помѣщики еще болѣе потеряли. Доходы большинства уменьшились на девять десятыхъ, на югѣ отъ филоксеры, на сѣверѣ отъ конкурренціи Америки въ хлѣбѣ и отъ кризиса свеклосахарной промышленности. Во многихъ мѣстахъ нѣтъ рѣшительно никакой выгоды сѣять хлѣбъ, кромѣ какъ для собственнаго потребленія, поэтому фермеры ничего не платятъ помѣщикамъ.

Съ уменьшеніемъ доходовъ не уменьшилась элегантность, хотя мужчины щеголяютъ въ туалетахъ, сшитыхъ изъ нѣмецкихъ матерій по англійской модѣ. Женщины тѣмъ менѣе имѣютъ право отказаться отъ нарядовъ, что, какъ извѣстно, парижанки красотою никогда не отличались и туалетъ сотавляетъ добрыхъ двѣ трети ихъ достоинствъ. За модою слѣдятъ ревностно. Теперь въ модѣ, напримѣръ, ярко-желтый цвѣтъ и въ Парижѣ рѣшительно нельзя было встрѣтить женщины не въ желтой шляпкѣ.

Эту страсть къ тряпкамъ, охватившую всѣ классы населенія, Дрюмонъ не безъ основанія приписываетъ вліянію евреевъ, въ своей книгѣ, которая имѣетъ во Франціи успѣхъ чрезвычайный. Не только она продается на каждомъ шагу, но я не былъ въ Парижѣ ни въ одномъ обществѣ, гдѣ бы сейчасъ о ней не начинался разговоръ, переходившій въ ожесточенный споръ. Видно, авторъ „La France juive“ попалъ въ цѣль.

Рутина попрежнему ужасно сильна у французовъ. Можетъ ли быть что нибудь несноснѣе поѣздки по французскимъ желѣзнымъ дорогамъ, гдѣ васъ запираютъ на ключъ какъ дикихъ звѣрей и все время на васъ покрикиваютъ? Еще глупѣе порядки въ парижскихъ театрахъ.

Вмѣсто выдачи печатныхъ билетовъ до сихъ поръ еще кассиръ пишетъ пять минутъ и прописываетъ на билетѣ даже вашу фамилію, а въ оперѣ на билетъ прикладывается гербовая марка!

Утѣшеніемъ, по крайней мѣрѣ, служитъ, что послѣ такой дурацкой процедуры вамъ даютъ сносно представленіе. Я пересмотрѣлъ все, что заслуживало вниманія. Видѣлъ въ Оперѣ: „Cid“ Маснэ съ необыкновенной по роскоши и изяществу постановкой, гдѣ отличаются братья Решке, „Sigurd“ Рейера — музыкальную белиберду въ вагнеровскомъ стилѣ, которую зѣвающіе парижане слушаютъ терпѣливо, дѣлая видъ, что могутъ восторгаться „серьезною“ музыкой. Видѣлъ танцы прелестной Розиты Мори и энергической Корнальбы, видѣлъ въ „Brama“ дебютъ Аделины Росси, молодой итальянской балерины, очень красивой, съ блестящей мимикой и чудными зубами. Въ foyer de la danse оперы видѣлъ знаменитаго радикальнаго депутата Клемансо, ухаживающаго за танцовщицею; онъ влюбленъ, впрочемъ, говорятъ, въ пѣвицу Розу Каронъ, которой худоба не мѣшаетъ прельщать еще одного еврейскаго банкира. Тѣ, которыхъ кости не прельщаютъ, должны отправляться въ Новый Циркъ, гдѣ въ огромномъ водномъ бассейнѣ плаваютъ плотныя дѣвицы, изображающія наядъ.

Изъ драматическихъ вещей мнѣ болѣе всего понравились: въ Variétés фарсъ „Le fiacre 117“ Мильо, уморительно разыгранной Селиной Шомонъ, Барономъ и Ласушемъ, въ Gymnase комедія „Le bonheur conjugal“ Валабрега, гдѣ превосходенъ Нобле, молодой комикъ, очень напоминающій Коклена, котораго онъ долженъ замѣнить когда нибудь въ Comédie, въ Bouffes parisiènnes

оперетка „Josephine vendue par ses soeurs“ — представляющая остроумную пародію библейской исторіи Іосифа. Трудно придумать что нибудь веселѣе, симпатичнѣе и натуральнѣе игры въ этой опереткѣ Мили-Мейеръ, которую по-русски можно бы назвать просто милая Мейеръ. Распѣваемая ею въ 1-мъ актѣ пѣсенка, оканчивающаяся припѣвомъ:

Où il y a de l'hygiène
Il n'y a pas du plaisir.

слышится во всѣхъ концахъ Парижа и стала модною, какъ въ модѣ волапюкъ и остроты надъ нимъ.

Въ театрѣ — хотя большинство парижскихъ талантовъ жиды и жидовки — долго еще французы останутся на первомъ планѣ. Вотъ по части спорта успѣхи ихъ слабѣе. Я присутствовалъ на Grand prix de Paris, происходившихъ подъ проливнымъ дождемъ, обратившимъ Лоншанское скаковое поле въ кисель, причемъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ торжества англичанъ и позорнаго малодушія французовъ. Когда англійская лошадь Minting, далеко опередивъ всѣхъ другихъ, пришла къ столбу, то не только не раздалось ни одного апплодисмента, а напротивъ, послышались весьма рѣзкія шиканья. Такова хваленая французская любезность!

А вотъ какова французская деликатность. Мой одинъ знакомый былъ на балу у президента Греви и видѣлъ, что открытый буфетъ съ яствами охраняютъ часовые со штыками! Иначе силою разнесутъ гости раньше времени.

Амстердамъ. Если я одобрилъ Неаполь за сохраненіе своеобразной физіономіи, то еще съ бо́льшимъ правомъ

могу сдѣлать подобную похвалу Амстердаму. Онъ сохраняетъ свою оригинальность и единственную перемѣну за семь лѣтъ я нашелъ только въ томъ, что каналъ сзади королевскаго дворца (уродливаго, тяжелаго зданія, портящаго впечатлѣніе) засыпанъ и обращенъ въ улицу. Изъ новыхъ построекъ прибавилась великолѣпная картинная галлерея въ стилѣ фламандскаго возрожденія и строится въ томъ же стилѣ центральная желѣзно-дорожная станція. Прибавилась также, колоссальная по размѣрамъ и роскоши, пивная-кафе, принадлежащая познанскому еврею Краснопольскому. Какая разница съ знаменитымъ кабачкомъ Винанда Фойкинка, сохранившимся безъ измѣненія съ конца XVII столѣтія! Размѣры питейныхъ заведеній, такимъ образомъ, обратно пропорціональны политическому значенію Голландіи.

Въ остальномъ перемѣнъ не замѣтно. Голландцы, „этотъ народъ, который, не имѣя величія, столько сдѣлалъ великихъ вещей“— какъ мѣтко характеризовалъ ихъ Мишле — самый консервативный людъ въ Европѣ. Ничто въ Голландіи не мѣняется: также дома на многихъ улицахъ кланяются другъ другу, каждый здѣсь живетъ въ собственномъ домѣ, спитъ въ ящикѣ, наполненномъ перинами, мебель и крупныя вещи попрежнему вносятъ въ домъ черезъ окна, которыя втрое шире дверей, и для такой передачи имѣются крючки на щипцѣ крышъ. И за городомъ тотъ же консерватизмъ: также живутъ въ домахъ-коробочкахъ, напоминающихъ игрушечныя, топятъ вонючимъ торфомъ, возятъ грузы по каналамъ, мелютъ муку вѣтряными мельницами, красятъ деревья, моютъ мыломъ дома снаружи и мостовыя, пьютъ водку скидамъ (можевеловку), копятъ усиленно

деньги и доятъ пѣгихъ коровъ, которымъ въ сараяхъ, съ шелковыми занавѣсками на окнахъ, хвосты подвязываютъ къ потолку.

Въ Голландіи нѣтъ только болѣе голландской бумаги, голландскаго полотна, даже голландскіе селедки можно получить, развѣ когда онѣ привезены изъ свѣжаго улова. Сливки, масло и сыръ хороши, только когда ихъ собираются вывозить въ Англію. Я не буду, впрочемъ, распространяться о Голландіи, такъ какъ со временемъ опишу ее подробно по тѣмъ наблюденіямъ, которыя сдѣлалъ въ первую поѣздку, теперь же я только промелькнулъ, заѣхавъ по дѣлу.

Для русскихъ Амстердамъ сталъ нынче своимъ городомъ. Сюда въ Amstel Hôtel собираются наши соотечественники и соотечественницы искать исцѣленія у знаменитаго массажиста Метцгера, замѣчательнаго знатока анатоміи, который на вашихъ кишкахъ играетъ, какъ г. Цабель на арфѣ. Слава Метцгера всемірная; императрицы, королевы и другіе высокопоставленныя особы съѣзжаются сюда, ибо Метцгеръ не только никуда не ѣздитъ, но и въ Амстердамѣ никому визитовъ не дѣлаетъ, а требуетъ, чтобы заявлялись къ нему въ гостинницу, уплачивая при томъ аккуратно по 5 гульденовъ. Онъ весьма рѣзко отказалъ въ визитѣ даже императрицѣ австрійской.

Видно ужъ на роду написаны австрійскому дому неудачи въ Голландіи: Филипъ II потерялъ здѣсь владычество, а съ Іосифомъ II произошелъ еще болѣе курьезный случай. Онъ хотѣлъ осмотрѣть одинъ домъ въ Брукѣ, селеніи, славящемся опрятностью, гдѣ до сихъ поръ красятъ мостовую и не впускаютъ въ дома, если вы не на-

дѣнете предварительно на сапоги какія-то валенки; хозяинъ дома воспротивился.

— Да вѣдь это его величество императоръ священной Римской имперіи! — закричалъ адъютантъ.

— Еслибы это былъ самъ амстердамскій городской голова, то я все-таки не впустилъ бы его, разъ съ нимъ не знакомъ, отвѣчалъ флегматическій голландецъ.

Впрочемъ, вольнодумство Метцгера относится, можетъ быть, къ числу легендъ, какъ и разсказъ, что онъ былъ прежде мясникомъ. По крайней мѣрѣ я знаю навѣрное, что съ тѣхъ поръ, какъ ему дали Станислава 2-й степени съ звѣздой, онъ не массируетъ иначе, какъ въ парусинной желтой блузѣ, съ крестомъ на шеѣ и звѣздой на груди.

Скевенингъ. Лѣтомъ жителей Амстердама, т. е. его „сливки“, надобно искать не въ городѣ, а въ Гаагѣ или, вѣрнѣе, въ Скевенингѣ, лежащемъ отъ Гааги въ двухъ шагахъ. Это великолѣпныя морскія купанія, извѣстныя во всей Европѣ и конкуррирующія съ Остенде и Бланкенбергомъ. Съ послѣдними Скевенингъ довольно сходенъ по топографическимъ и бальнеологическимъ условіямъ. Ѣзды до Скевенинга изъ Гааги въ экипажѣ минутъ двадцать, еще дешевле и съ такимъ же удобствомъ переѣздъ можно сдѣлать по конно-желѣзной дорогѣ; тутъ на выборъ двѣ линіи, одна, по которой вагоны движутся паромъ по новой системѣ, которая, вѣроятно, скоро вытѣснитъ конное движеніе во всѣхъ городахъ. Этотъ переѣздъ отличается быстротою, но путь проложенъ по песчанымъ дюнамъ съ жидкою растительностью. Другая линія въ обыкновенныхъ двух-

ярусныхъ вагонахъ проложена къ великолѣпному лѣсу, въ непроницаемой для солнца тѣни столѣтнихъ буковъ и дубовъ. Мѣстами встрѣчаются по бокамъ роскошныя дачи, окруженныя цвѣтниками. Дачи эти — пріютъ нажившихся въ Явѣ и въ другихъ голландскихъ владѣніяхъ въ Азіи, а лѣсъ—послѣдній остатокъ лѣсовъ, нѣкогда покрывавшихъ сплошь Голландію. Онъ охраняется какъ святыня.

Скевенингъ — рыбачья деревня, но деревня въ голландскомъ смыслѣ, т. е. съ мощенными кирпичемъ улицами и освѣщенная газомъ. Занятіе жителей даетъ о себѣ знать запахомъ сушеной рыбы. Тутъ же около большого маяка сооруженъ, въ 1865 г., изъ сѣраго камня высокій обелискъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ принцъ Оранскій вернулся, въ 1813 году, изъ изгнанія. По всей вѣроятности, отсюда же отплылъ въ Англію король Карлъ II, послѣ измѣны Монка республикѣ. Отмель у обелиска служитъ пристанью, на которую въ приливъ подходятъ рыбачьи суда жителей. Всѣ постройки возведены на дюнахъ, состоящихъ изъ холмовъ мельчайшаго песка, по которому ходить ужасно трудно.

Отъ деревни по лѣвую руку, если смотрѣть на море, въ верстѣ разстоянія, расположены купальни, а между, по дюнѣ, проведена кирпичная мостовая, обстраивающаяся дачами и пансіонами. Около самой купальни примостились три большихъ гостинницы: цѣлые дворцы съ сотнями нумеровъ, гостиными, кафе, читальнями и ресторанами. Badhuis или казино, содержимое городомъ Гаагою, служитъ центромъ. На его террасахъ собирается публика слушать музыку, а въ залахъ происходятъ концерты и танцовальныя вечера. Видъ съ этой

террасы привлекателенъ, какъ каждый видъ на море, хотя это, конечно, своеобразное зрѣлище, ничего не имѣющее общаго съ веселыми видами моря въ Неаполѣ. Въ Нѣмецкомъ морѣ, около Голландіи, незамѣтно въ водѣ ни молюсковъ, ни морскихъ звѣздъ, ни растеній. Рыжая вода и рыжій песокъ подъ сѣренькимъ небомъ,—вотъ пейзажъ, открывающійся глазу и производящій впечатлѣніе глубокаго уныніа, усиливающагося однообразнымъ шумомъ волнъ, разбивающихся объ отмелый берегъ. Горизонтъ вѣчно покрытъ туманомъ.

Внизу вокзала находится контора купалень, гдѣ нѣсколько разъ въ день выставляются свѣдѣнія о температурѣ воды, воздуха, о направленіи вѣтра и имѣются таблицы прилива и отлива на весь сезонъ. Купаются въ Скевенингѣ, какъ и во всѣхъ морскихъ купаньяхъ, гдѣ море у берега мелко на большое разстояніе, въ особыхъ экипажахъ, которые выѣзжаютъ въ море до извѣстной глубины, сообразно приливу, затѣмъ вы раздѣваетесь и сходите по лѣсенкѣ въ воду и стараетесь пользоваться волною. Люди трусливые и женщины берутъ купальщика или купальщицу. Хотя здѣсь купаются одѣтыми, но все-таки существуетъ раздѣленіе половъ: мужчины купаются направо, женщины — налѣво. Отмель покрыта мелкимъ пескомъ почти безъ ракушекъ, смоченная приливками, она такъ тверда какъ паркетъ, поэтому по отмели постоянно гуляетъ публика, останавливаясь, конечно, преимущественно на той сторонѣ, гдѣ купаются дамы. Голландскіе городовые, костюмомъ напоминающіе англійскихъ полисменовъ, просятъ обыкновенно отойти, увѣряя, что ничего нѣтъ интереснаго; но публика не слушаетъ, мало, повидимому, довѣряя познаніямъ горо-

довыхъ въ пластикѣ. Смоченное легкое платье злодѣйски выдаетъ формы, а всѣмъ извѣстно, что на купаньяхъ женщины худыя и некрасивыя сидятъ, какъ камни, по шею въ водѣ, хорошо же сложенныя прыгаютъ и подымаются волнами на такую высоту, которая едва ли объусловливается разностью удѣльнаго вѣса воды и человѣческаго тѣла.

Заговоривъ о женщинахъ, позволяю себѣ сдѣлать характеристику голландскихъ женщинъ. Голландская живопись оклеветала ихъ. Глядя на картины великихъ мастеровъ XVII столѣтія, можно подумать, что голландки самый уродливый и развратный народъ въ мірѣ. Это совершенно несправедливо, хотя, конечно, красота въ Голландіи встрѣчается очень рѣдко и голландки не имѣютъ того, что называется distinction. Впрочемъ, и Венера медицейская далеко не distinguée.

Голландки скорѣе средняго роста, нежели малаго, толстыя, черты лица ихъ неправильны, но цвѣтъ кожи свѣжъ, глаза блѣдно-голубые, водянистые, губы сжаты и зубовъ не видно, потому ли, что они дурны, или потому, что голландки рѣдко хохочутъ — Богъ вѣсть, волосы бѣлокурые, походка тяжеловата и только на конькахъ кажутся голландки легкими и граціозными. Развиваются онѣ поздно, и здѣсь въ панталонцахъ гуляютъ барышни, которыя въ южныхъ странахъ были бы давно уже невѣстами.

Всѣ женщины въ Голландіи, кромѣ представительницъ высшихъ классовъ, одинаково бѣлы и румяны и одинаково одѣты безвкусно съ уродливыми украшеніями изъ золота и кружевъ на головѣ, такъ что сразу и не отличишь горожанки отъ крестьянокъ. Непонятно даже,

ради чего голландки продолжаютъ носить на головѣ и на ушахъ золотыя плоскія украшенія, заходящія на щеки, а иногда на лобъ и покрывающія имъ темя. Эти украшенія, которыя въ Петербургѣ популяризировала г-жа Гебгардъ, очень некрасивы и должны мѣшать молодымъ голландкамъ цѣловаться. Кромѣ массивныхъ украшеній уродуютъ и бѣлыя покрывала, надѣваемыя какъ ночные чепчики. На эти покрывала голландки ухитряются еще нацѣплять шляпки.

Не смотря на маленькое пространство королевства, голландскія женщины имѣютъ нѣсколько разныхъ типовъ, въ особенности отличаются отъ общаго склада черноволосыя жительницы Зеландіи и совсѣмъ бѣлобрысыя фризки, рослыя и еще болѣе здоровыя на видъ, хотя, къ сожалѣнію, плоскогрудыя, тогда какъ остальнымъ голландкамъ никакой корсетъ не можетъ прійтись по мѣркѣ.

Голландскія женщины способны къ героизму. Въ Гаарлемѣ хранится знамя Канау Гассенъ, которая во главѣ трехъ сотъ женщинъ храбро защищала, въ 1572 г., родной городъ противъ испанцевъ. Но наиболѣе извѣстна и прославила голландокъ ихъ страсть къ наружной чистотѣ.

Мытье домовъ для голландокъ не занятіе, а какое-то художество, вакханалія чистоты. Надобно видѣть, какъ по цѣлымъ часамъ голландки, забывъ все на свѣтѣ, моютъ стѣны домовъ или тротуары мыломъ, щетками, щеточками, ковыряя булавкою въ пазахъ и выискивая каждую паутинку. Съ такимъ же увлеченіемъ стираютъ онѣ каждую пылинку у себя въ комнатахъ. Но еще замѣчательнѣе, что сами голландки далеко не моются

такъ тщательно, какъ моютъ тротуары. Столько воды уходитъ на дома, что, по словамъ злыхъ языковъ, остается слишкомъ ея мало для людей. Постоянное мытье и чистка стоятъ не дешево, для нихъ имѣется особая женская прислуга, обходящаяся очень дорого и весьма капризная. „Горничныя — это крестъ нашей жизни“, говоритъ голландская пословица.

Изъ европейскихъ женщинъ голландки, можетъ быть, самыя образованныя и съ наименѣе поврежденными нравами. Защитники ихъ увѣряютъ даже, что только на льду, катаясь на конькахъ, голландки въ состояніи поскользнуться.

Свѣтской проституціи въ Голландіи нѣтъ и потому семейная жизнь спокойна. Голландскія жены мало выходятъ, еще рѣже танцуютъ; онѣ занимаются мужемъ, дѣтьми, цвѣтами, а для развлеченія читаютъ духовныя книги, сметаютъ пыль и готовятъ сладкія блюда къ семейному не особенно, впрочемъ, вкусному обѣду. Увѣряютъ, что мужья будто бы тяготятся апатичностью своихъ дражайшихъ половинъ, поглощенныхъ хозяйствомъ и дѣторожденіемъ, и тайкомъ ухаживаютъ за горничными, болѣе веселыми и развязными.

Были, впрочемъ, путешественники, сомнѣвавшіеся въ добродѣтели голландокъ, считая ее лицемѣріемъ. Гейне назвалъ ихъ „замерзшими вулканами“, Эскиросъ — „тихимъ омутомъ“. Но едва ли не справедливѣе всѣхъ опредѣленіе Сенъ-Эвремона. По его словамъ: „голландки не имѣютъ довольно живости, чтобы нарушать покой мужчинъ, а если и встрѣчаются между ними любезныя женщины, то онѣ всегда холодны и эта холодность замѣняетъ имъ добродѣтель“. Поэтому въ смыслѣ адюль-

тера, Голландія противоположна Италіи или Испаніи: здѣсь самъ Донъ-Жуанъ впалъ бы въ отчаяніе.

Какъ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, дѣвушки пользуются въ Голландіи большою свободою и, какъ въ Германіи, остаются онѣ невѣстами по шести, семи лѣтъ, сохраняя невинность. Онѣ дарятъ жениховъ

Улыбками да глазками,
Но... больше ничего.

НѢСКОЛЬКО ДНЕЙ

ВЪ

ВАРШАВѢ

I.

Дорога.— Плоды руссификаціи.— Сближеніе поляковъ съ Россіей и отношеніе къ послѣдней сословій.— Русскій клубъ.— Наружность города.— Водопроводы и водостоки.— Жиды.

Въ Варшаву я пріѣхалъ по Петербурго-Варшавской дорогѣ. Многое перемѣнилось въ Россіи за двадцать лѣтъ, но это дѣтище Перейры и Колиньона, воспитанное на счетъ казеннаго сундука, рѣшительно не мѣняется. Везутъ васъ тихо; вагоны тряски, каждыя двадцать минутъ остановки неизвѣстно для чего у буфетовъ хозяева которыхъ сохраняютъ тайну всѣхъ ядовъ Борджіа и въ придачу даютъ сдачу „дзесентками“, изготовленными на жидовскихъ фабрикахъ фальшивой монеты и такими грязными, что онѣ однѣ должны служить источникомъ хронической заразы.

На Варшавской линіи шло нѣчто въ родѣ возстанія оберъ-кондукторовъ. Послѣдніе возмутились изобиліемъ надъ ними контроля.—„И почему это насъ только такъ сильно контолируютъ, спрашивалъ меня одинъ изъ нихъ. Отчего Общество не контролируетъ начальниковъ станцій, изъ которыхъ очень многіе воруютъ, мало контро-

лируетъ магазинную службу, на которой всѣ набиваютъ себѣ карманы, и совсѣмъ не контролируетъ Совѣта управленія?“ Благодаря продажѣ Уайнепсомъ своихъ акцій жидамъ, благодаря закону о несовмѣстительствѣ, управленіе Главнаго Общества теперь перешло въ другія руки. Неужели вся энергія его, дѣйствительно, ограничится оберъ-кондукторами?

На Варшавской станціи уже начинаются какъ будто западные порядки: городовой даетъ вамъ нумеръ извозчика, который, по таксѣ, довозитъ васъ до одной изъ многочисленныхъ варшавскихъ гостинницъ; но здѣсь декорація вновь мѣняется: чрезвычайная дороговизна, при отсутствіи всякихъ удобствъ, господствующая въ варшавскихъ отеляхъ, показываетъ, что до границы милаго отечества еще далеко. Отъ русскихъ гостинницъ варшавскіе отличаются только тѣмъ, что берутъ особую плату за топку печей. Это зимою-то! У насъ до подобной гадости еще не дошли.

Изученіе города для туриста всегда начинается съ гостинницъ и ресторановъ. Когда я зашелъ въ модный теперь въ Варшавѣ Брюлевскій ресторанъ и спросилъ рюмку „старки“ и мнѣ панна за прилавкомъ, жеманно улыбаясь, налила старой водки „приготовленія Михаила Попова въ Москвѣ“, а половой на вопросъ: что на обѣдъ? отвѣчалъ: щи и кулебяка! то я невольно воскликнулъ: Finis Poloniae! Воскликнулъ, быть можетъ, болѣе справедливо, чѣмъ Костюшко, потому что если пища, какъ увѣряетъ Молешотъ, изъ дикой кошки сдѣлала домашнюю, то русскія блюда и напитки скорѣе обрусятъ поляковъ, чѣмъ всѣ статьи „Варшавскаго Дневника“.

Имѣло ли, дѣйствительно, обрусѣніе, понимая подъ

этимъ не противоестественное и невозможное обращеніе поляка въ русскаго, а лишь сближеніе поляковъ съ русскою культурою, какой либо успѣхъ? Таковъ первый вопросъ, который русскій туристъ, проглотивъ „старой вудки“ московскаго издѣлія, долженъ задать себѣ въ Варшавѣ. По моимъ наблюденіямъ, внѣшняя руссификація сдѣлала замѣтные успѣхи за послѣдніе годы. Я не говорю уже о наружныхъ слѣдахъ русскаго владычества, о томъ, что теперь нѣтъ уже безграмотныхъ русскихъ вывѣсокъ, въ родѣ, напр., того, что „Свинскія принадлежности“ должны обозначать продажу ветчины и колбасъ, что городовые покрикиваютъ на извозчиковъ по-русски и т. п. Не говорю и о другихъ слѣдахъ русской культуры, въ родѣ, напр., слѣдующаго: въ моемъ номерѣ на всѣхъ стеклахъ было написано алмазомъ, очевидно, какимъ-то сантиментальнымъ офицеромъ: „Варя, шельма!“

Въ этихъ слѣдахъ русскаго вліянія, конечно, и свои крайности. Польскаго патріота должно поражать, да не совсѣмъ пріятно дѣйствовать и на каждаго любителя исторіи и археологіи, нѣсколько кавалерское обращеніе съ различными зданіями Варшавы, имѣющими историческое значеніе. Благодаря конфискаціи, нигдѣ казенныя вѣдомства не обзавелись такимъ изобиліемъ домовъ. Телеграфная станція помѣщается въ знаменитомъ Брюлевскомъ дворцѣ — замѣчательномъ сооруженіи XVIII столѣтія; разные интендантскіе и артиллерійскіе склады пріютились въ монастыряхъ; гимназіи мужскія и женскія помѣщаются въ дворцахъ сосланныхъ и бѣжавшихъ магнатовъ, и нигдѣ, я думаю, кромѣ Америки, не имѣютъ подобныхъ роскошныхъ помѣщеній. Я проѣзжалъ

мимо роскошнаго зданія въ центрѣ города.—„Что это?“ спрашиваю извозчика.—„А то палацъ примаса крулевства“, говоритъ онъ. Смотрю надпись: „Юнкерское пѣхотное училище“. Такое же отношеніе къ чисто историческимъ монументамъ. Памятникъ Сигизмунда поправляется такъ долго и такъ медленно, что въ народѣ уже распространился слухъ, будто русскіе ищутъ здѣсь кладъ, который никакъ не дается въ руки.

Еще пятнадцать лѣтъ назадъ по-русски можно было говорить въ Варшавѣ развѣ съ солдатами; даже городовые съ трудомъ понимали нашъ языкъ. Теперь по-русски совершенно свободно можно объясняться гдѣ угодно—въ гостинницахъ, театрахъ, магазинахъ; въ судахъ польскіе адвокаты произносятъ великолѣпныя русскія рѣчи, на промышленныхъ съѣздахъ заводчики и представители желѣзныхъ дорогъ объясняются по-русски, какъ будто бы вѣкъ жили въ Москвѣ, и даже силезскіе нѣмцы пытаются говорить на языкѣ, который поляки недавно еще называли „бараньимъ“. Въ газетахъ также вездѣ заведены спеціальные русскіе отдѣлы и обозрѣнія русской печати. Доказательствомъ распространенія русскаго языка можетъ служитъ изобиліе въ Варшавѣ книжныхъ магазиновъ, торгующихъ русскими книгами. Ихъ положительно, кажется, не меньше, чѣмъ въ Петербургѣ, между тѣмъ отъ прежней до-повстанской Варшавы уцѣлѣлъ еще старѣйшій русскій книжный магазинъ Истомина. Здѣсь можно найти чай, икру, словомъ, что угодно, но на запросы о книгѣ отвѣчаютъ, что таковая еще не получена, но на дняхъ ожидается.

Въ такомъ быстромъ распространеніи знанія русскаго языка, кромѣ прогулки нѣкоторой части поляковъ въ

„мѣста болѣе отдаленныя“, главную роль играетъ учебная система, которая твердою рукою держится г. Апухтинымъ. Заслуга его передъ Россіей въ этомъ смыслѣ очень велика, что доказывается лучше всего ненавистью къ г. Апухтину поляковъ. Имя его въ ихъ проклятіяхъ сопричисляется къ именамъ Муравьева, Милютина, кн. Черкасскаго, Соловьева. Къ сожалѣнію, и не всѣ русскіе цѣнятъ энергическія усилія нашего попечителя, подкрѣпляемаго педагогическимъ персоналомъ изъ заматорѣлыхъ семинаристовъ; говорятъ, что противъ него есть партія. Какъ въ Аѳинахъ были граждане, которымъ прискучило слышать, что Аристида называютъ постоянно справедливымъ, такъ и въ Варшавѣ есть гражданки, которыя недовольны руссофильствомъ Апухтина. Надѣюсь, что это лишь городскіе слухи.

Не слѣдуетъ думать, однако, что распространеніе русскаго языка и знакомство съ Россіей уже измѣнили отношенія къ намъ поляковъ, что пресловутое „сближеніе“ уже на носу и что скоро, чтобы найти истаго руссофоба, надобно будетъ искать его на берегахъ Невы, между польскими адвокатами изъ русскихъ поповичей. По-прежнему поляки сомнѣваются, что москаль можетъ быть „пожонный чловѣкъ“, не иначе говорятъ о русскихъ въ „краѣ“, какъ передавая разные болѣе или менѣе апокрифическіе анекдоты о нашихъ дѣятеляхъ, по преимуществу о комиссарахъ по крестьянскимъ дѣламъ и полицейскихъ чинахъ, съ которыми имъ приходится наиболѣе сталкиваться, отстаиваютъ малѣйшіе признаки отдѣльности, напримѣръ эмеритальную комиссію, разорительную и для правительства, и для чиновниковъ, и зачитываются получаемыми тайкомъ номерами краков-

скаго „Часа“, гдѣ, подъ видомъ писемъ изъ „Замка“, сообщаются глупыя сплетни о высшей варшавской администраціи.

Совершенно серьезно поляки, въ томъ забавномъ самомнѣніи, которое каждый маленькій народъ имѣетъ о себѣ, признаютъ здравый смыслъ — „разумъ“ только у поляковъ. Если кто имъ кажется умнымъ, то это долженъ быть непремѣнно полякъ: „панъ мусе быць пòлякъ“. У русскихъ поляки допускаютъ только „спрытъ“, низшую степень ума; „панъ ма веле спрыту“, говорятъ они, когда хотятъ русскому высказать очень высокое о немъ мнѣніе, сдѣлать комплиментъ.

Есть, однако, несомнѣнные признаки, что въ средѣ и варшавскаго, и всего польскаго общества, подъ впечатлѣніемъ грубой германской политики, подъ вліяніемъ систематическаго русскаго воспитанія и въ виду явной выгодности для поляковъ отъ соединенія съ Россіей въ экономическомъ отношеніи, явилась уже по отношенію къ намъ реакція. Въ былое время ни одинъ журналистъ не смѣлъ произнести имя Россіи, теперь явилась возможность въ самой Варшавѣ создаться òргану, проповѣдующему если не соединеніе, то сближеніе съ Россіей. Служба въ Россіи, артистическая карьера въ Россіи представляется для поляковъ чѣмъ-то нормальнымъ и желательнымъ. Сами русскіе встрѣчаютъ въ Варшавѣ другой пріемъ, чѣмъ прежде. Поляки не боятся чествовать симпатичнаго имъ русскаго дѣятеля обѣдомъ. Конечно, нельзя придавать слишкомъ большой важности какой-либо публичной трапезѣ, но и она имѣетъ свое значеніе въ средѣ, гдѣ двѣ національности стоятъ рядомъ, какъ бы два лагеря, гдѣ недавно еще русскихъ

обливали сѣрною кислотою и плевали на нихъ, гдѣ нельзя было заставить поляка гласно явиться въ русскомъ обществѣ иначе, какъ подъ угрозою полиціи немедленной высылкой изъ города.

Девять лѣтъ назадъ, на съѣздъ русскихъ естествоиспытателей въ Варшавѣ не явился ни одинъ мѣстный ученый, медикъ или журналистъ. Не смотря на успокоительные признаки, въ общемъ русскіе и поляки не перестали еще находиться другъ къ другу въ положеніи воюющихъ сторонъ, если не во всей массѣ, то, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ нѣкоторымъ сословіямъ. На нашу бѣду, эта война поддерживается близорукой и коварной политикой Австро-Венгріи, которая изъ Галиціи, гдѣ три пятыхъ населенія русскаго, создала очагъ польскихъ притязаній, тотъ очагъ, изъ котораго, по мнѣнію польскихъ патріотовъ, Рѣчь Посполитая возстанетъ когда либо, какъ Фениксъ изъ пепла, „зъ мертвыхъ встане“, какъ они картинно выражаются.

Связь съ Галиціей сильнѣе всего у здѣшняго помѣстнаго дворянства, которое, съ его многочисленными прихлебателями, наиболѣе, конечно, недовольно существующимъ порядкомъ вещей. Политически роль шляхты и магнатовъ сведена къ нулю и въ общественной жизни участіе ихъ слабое. Единственно, въ чемъ еще проявляется существованіе польской аристократіи въ общерусской жизни, то это въ участіи на скачкахъ. Всѣ лучшіе призы на состязаніяхъ скаковыхъ лошадей доставались въ послѣднее время лошадямъ польскихъ магнатовъ, и еслибы насталъ день, когда число скаковыхъ лошадей сравнялось бы съ числомъ населенія и главное управленіе коннозаводства стало въ Россіи пер-

вымъ по важности министерствомъ, польская аристократія примирилась бы съ нами.

Пока ей остается сидѣть въ деревнѣ и извлекать доходы съ имѣній. Что это можетъ быть занятіемъ не безвыгоднымъ, даже при конкурренціи жидовъ и нѣмцевъ, доказываетъ графъ Красинскій, который, благодаря несвойственной польскому дворянству разсчетливости, сдѣлался первымъ богачемъ въ краѣ и крупнѣйшимъ домовладѣльцемъ въ Варшавѣ. Состояніе графа оцѣнивается десятками милліоновъ и гораздо выше состояній богатѣйшихъ людей въ Варшавѣ: бр. Кронебергова и г. Рау. Къ сожалѣнію, примѣръ Красинскаго немногихъ соблазняетъ, паны относятся къ нему иронически, сомнѣваются даже, настоящій ли это графъ Красинскій; большинство предпочитаетъ бездѣлье, отчего имѣнія быстро переходятъ въ руки иностранцевъ или бывшихъ управляющихъ и офиціалистовъ магнатовъ — особой породы кулаковъ, которую съ большимъ тщаніемъ изучаютъ польскіе романисты и драматурги.

Магнаты, пока совершенно не прожились, проводятъ время преимущественно заграницею и только показываются въ Варшавѣ, преимущественно въ сезонъ скачекъ. Заграницею они расплываются въ чужихъ аристократіяхъ. При мнѣ Варшаву занималъ предстоящій бракъ графа Замойскаго съ дочерью графа Трапани, брата бывшаго неаполитанскаго короля. Невѣста, говорятъ, не молода, очень некрасива и небогата. Тутъ ужъ у мѣста повторить: „Что ему Гекуба?“ Новые землевладѣльцы средней руки чаще являются въ Варшаву, но въ жизни скромны и прижимисты. Здѣсь нѣтъ ни роскошныхъ экипажей на каучукахъ, ни рысаковъ; въ ресторанахъ

эти паны, на словахъ щедрые и блестящіе, пьютъ скромно лодзинское пиво. Кокотокъ въ парижскомъ смыслѣ здѣсь поэтому нѣтъ, мало того, злые языки говорятъ, что идеалъ каждаго замотавшагося панича попасть „на утшименіе“ къ какой либо старой барынѣ. Изъ этихъ „утшиманковъ“ и состоитъ въ Варшавѣ „золотая молодежь“, какъ у насъ — изъ поклонниковъ сократической любви.

Послѣ помѣщиковъ, въ числѣ элементовъ, наиболѣе враждебныхъ Россіи, надобно считать извѣстную долю интеллигенціи: журналистовъ, литераторовъ, докторовъ — въ Варшавѣ очень вліятельныхъ — художниковъ и часть той арміи „эмеритовъ“ — отставныхъ чиновниковъ, которая осталась отъ бывшихъ варшавскихъ правительственныхъ комиссій, т. е. министерствъ. Я говорю часть, потому что для большинства „эмеритовъ“ важнѣе всего исправное полученіе пенсій и право свободной прогулки въ Саксонскомъ саду, „полезное въ гемороидальномъ отношеніи“, какъ выразился бы Чичиковъ. Учащаяся молодежь въ политическомъ движеніи мало замѣтна. Опять-таки, говоря вообще. Варшавскіе студенты отличаются скромностью; на улицѣ ихъ можно отличить по шапочкамъ нѣмецкихъ студентовъ, съ маленькимъ козырькомъ, причемъ между студентами считается почему-то шикомъ, кланяясь, брать фуражку не за козырекъ, а за тулью.

Затѣмъ намъ остается, конечно, очень враждебнымъ католическое духовенство. Оно имѣетъ здѣсь огромное вліяніе черезъ женщинъ и всегда отличалось фанатизмомъ и узкостью воззрѣній — плодъ іезуитскаго воспитанія. Извѣстно, что когда въ Варшавѣ открывался памятникъ Копернику, ни одинъ священникъ не рѣшился

участвовать въ церемоніи! Какихъ же можно ожидать уступокъ отъ людей, которые до сихъ поръ не убѣдились даже, что земля вращается вокругъ солнца! Хотя по существующимъ правиламъ католическое духовенство въ Царствѣ Польскомъ находится въ большей зависимости отъ гражданской администраціи, чѣмъ у насъ въ Западномъ краѣ, но и тутъ оно, послѣ новаго соглашенія съ папою и замѣщенія вакантныхъ епископскихъ каѳедръ, сильно подняло голову. А что администрація дѣйствуетъ не довольно настойчиво и послѣдовательно, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что законъ, столь ясный и категорическій, о закрытіи монастырей до сихъ поръ окончательно не приведенъ въ исполненіе, и въ Царствѣ Польскомъ продолжаютъ существовать такіе монастыри, которые давно слѣдовало бы безъ церемоніи уничтожить.

Буржуазія, сословіе почти отсутствовавшее въ старинной Польшѣ, быстро развивается въ Царствѣ Польскомъ подъ вліяніемъ индустріализма, притягивая къ себѣ элементы изъ другихъ сословій, а также ассимилируя въ польскую культуру евреевъ и нѣмцевъ. И здѣсь, какъ въ разсказѣ Горбунова, „интеллигенція идетъ навстрѣчу капиталу, а капиталъ, съ своей стороны, не чуждъ взаимности“. Среднее сословіе—наиболѣе вліятельный теперь, быть можетъ, политическій элементъ въ краѣ, во всякомъ случаѣ онъ будетъ такимъ—не сегодня, завтра. Въ немъ-то гнѣздится центръ тяжести для созданія modus vivendi, который, рано или поздно, долженъ непремѣнно установиться въ нашихъ отношеніяхъ къ полякамъ, или, вѣрнѣе, въ ихъ отношеніяхъ къ намъ.

Этому среднему сословію положительно выгодно соединеніе съ Россіей и, наоборотъ, автономія Царства Польскаго, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ, напримѣръ, въ Финляндіи, была бы крайне разорительною. Интересы, связывающіе это сословіе съ Россіей, различны. Прежде всего Царство Польское сдѣлалось фабрично-заводскимъ райономъ, который не можетъ жить безъ обширнаго рынка, какъ Россія; русскіе продукты на здѣшніе рынки являются мало, польскіе же широко распространяются по Россіи. Затѣмъ Россія служитъ поприщемъ для службы и наживы людямъ изъ польскаго средняго сословія. При развитіи образованія, они на своей маленькой территоріи задохлись бы отъ конкурренціи, между тѣмъ наше отечество представляетъ удобное поле для приложенія познаній польскимъ инженерамъ, лѣсничимъ, докторамъ, адвокатамъ, офицерамъ и т. д., и т. д. Что интересы матеріальные очень важны и могутъ въ концѣ-концовъ превозмочь даже національные инстинкты, доказываетъ Эльзасъ-Лотарингія, гдѣ нѣмцы считали разрывъ съ Франціей и возвращеніе къ своему общему фатерланду равносильнымъ политической смерти. Взвѣсивъ это, можно думать, что въ средѣ польскаго средняго сословія, если существуетъ ненависть къ Россіи, то болѣе на словахъ, по привычкѣ и модѣ. Въ душѣ представители этого сословія отлично сознаютъ, что настоящее положеніе вещей для нихъ самое выгодное и что не надобно его разрушать во имя смутныхъ фантазій. Разъ же это сознаніе прочно установится, временное перемиріе перейдетъ въ миръ, а мало-по-малу интересы еще болѣе переплетутся и создастся возможность установить такой порядокъ вещей, который, не разрушая

цѣлости и единства Россіи, давалъ бы полякамъ возможность не лишаться своей самостоятельной культуры и оставаться замѣтнымъ членомъ общеславянской семьи.

Крестьянство считается важнѣйшимъ оплотомъ русскаго вліянія въ Царствѣ Польскомъ и для пріобрѣтенія его расположенія приняты были энергическія мѣры. Крестьянская реформа не была здѣсь „порвавшеюся цѣпью, ударившею однимъ концомъ по барину, другимъ—по мужику“. Петербургскіе канцелярскіе демократы смотрѣли на Царство, какъ на чистое поле, и реформу провели прямо въ пользу крестьянъ. Крестьянская земля въ Царствѣ Польскомъ неприкосновенна, какъ вакуфы въ мусульманскихъ странахъ; наоборотъ, сервитуты въ пользу крестьянъ тщательно сохранены и изъ обычая обращены, гдѣ возможно, въ фактическое право. Можно ли считать, однако, крестьянъ окончательно пріобрѣтенными въ нашу пользу? На это существуютъ разныя воззрѣнія. Одни находятъ, что и здѣсь иллюзіями не слѣдуетъ увлекаться. Многіе неполадки въ гминномъ устройствѣ, гдѣ шляхта все-таки сохранила косвенное вліяніе, некрасивый ходъ уніатскаго дѣла, не искусно поведеннаго покойными Маковымъ и Громекою, и др. явленія не даютъ повода складывать руки. Реформа совершилась двадцать лѣтъ назадъ, старики-свидѣтели прежнихъ тягостей вымираютъ, а новое поколѣніе крестьянъ выросло уже въ томъ представленіи, что оно какъ бы всегда пользовалось настоящимъ благополучіемъ и естественно не находитъ своего положенія уже очень розовымъ, а желаетъ лучшаго.

Оптимисты на это возражаютъ, что мнѣнія крестьянской массы никто знать не можетъ, хотя она всегда

была въ Польшѣ спокойнѣе и консервативнѣе, чѣмъ шляхта. Зѣвать, впрочемъ, не нужно: вліянію католическаго духовенства противопоставлять вліяніе русской школы, крестьянъ въ обиду не давать и вообще быть осторожнымъ, ибо, благодаря всеобщей воинской повинности, въ средѣ сельскаго сословія имѣется тысячъ сто обученныхъ военному ремеслу людей, т. е. такой контингентъ для національной арміи, котораго никогда не имѣли прежнія повстанія.

Справедливо указываютъ еще, что мы сами искусственно полячимъ крестьянскую массу. Все Забужье, т. е. большая часть губерній Люблинской и Сѣдлецкой, населено малороссами или православными, или бывшими уніатами. Давно уже поднятъ вопросъ о выдѣленіи этой территоріи изъ Царства Польскаго и полномъ слитіи ея съ русскими губерніями. Но ничего за двадцать лѣтъ для этого не сдѣлано, и мы продолжаемъ навязывать коренному русскому населенію кодексъ Наполеона и другіе совсѣмъ ему не свойственные порядки.

Русская политика въ краѣ достаточно обрисовалась въ общихъ чертахъ. Ее нечего вновь выдумывать. Она даже, можно сказать, традиціонная, такъ какъ ея держались русскіе дипломаты въ XVII и въ XVIII столѣтіи. Все что нужно—это строгая послѣдовательность и твердый характеръ, т. е. именно двѣ такія вещи, которыя труднѣе всего даются намъ, какъ по системѣ выбора у насъ людей, предоставленнаго странной случайности, которая для одного и того же дѣла употребляла почти одновременно Милютина и Потапова—двѣ совершенныя противоположности,—такъ и по отсутствію единства въ средѣ русскихъ дѣятелей. Послѣднее проявляется только

въ трудныя минуты. Въ нормальное время русскіе, какъ и поляки, какъ и другіе славяне, точно козьи рога, въ одинъ мѣшокъ не лѣзутъ.

Это проявляется и въ такихъ явленіяхъ, которыя не крупны съ виду, но заключаютъ важные примѣры, напримѣръ, хоть въ неустройствѣ въ Варшавѣ центра, вокругъ котораго группировалось бы русское общество, представляющее здѣсь піонеровъ нашей культуры, или, по мнѣнію поляковъ, нашего варварства.

Для сближенія русскаго общества назначенъ русскій клубъ; онъ помѣщается въ отличномъ конфискованномъ зданіи; на казенный счетъ устроенъ въ немъ театръ, гдѣ играютъ по-русски любители и даются концерты; но, повидимому, цѣль клуба не вполнѣ достигается; русское общество въ Варшавѣ остается довольно разрозненнымъ; между тѣмъ это общество очень многочисленно и крѣпко скучаетъ. Варшава имѣетъ свойство очень нравиться всѣмъ русскимъ, когда они пріѣзжаютъ, особенно изъ провинціи, но затѣмъ отчужденность отъ польскаго общества и мѣстныхъ интересовъ невольно рождаетъ разочарованіе. Тутъ-то бы, казалось, и слѣдовало искать начало сближенію и сплоченію русскихъ въ одинъ тѣсный и дружный кружокъ. Выходитъ наоборотъ. Такъ какъ русскій элементъ почти исключительно служебный, а служба невольно порождаетъ зависть, соперничество и интриги, то общество, состоящее изъ чиновниковъ, никогда не сближается, даже за картами; оно распадается на множество кружковъ, нерѣдко враждебныхъ другъ другу. Въ провинціальныхъ городахъ Царства, гдѣ нравственный и умственный уровень русскаго элемента ниже, еще хуже по части общественности, по-

чему многіе русскіе, живя здѣсь, такъ сказать, въ двухъ шагахъ отъ Европы, въ прекрасномъ относительно климатѣ и при внѣшнихъ удобствахъ жизни, считаютъ свое положеніе почти ссылкою и мечтаютъ о возвращеніи въ родныя палестины. Теперь русскій клубъ находится въ періодѣ упадка, а кухня его такова, что непремѣнно должна содѣйствовать не развитію, а сокращенію численности русскаго элемента въ Варшавѣ.

Довольно, однако, о политикѣ, которая въ Варшавѣ какъ-то невольно является на первомъ планѣ, охватывая каждаго, даже ею мало интересующагося. Прежде чѣмъ перейти къ разнымъ подробностямъ городской жизни, я долженъ сказать нѣсколько словъ объ общемъ впечатлѣніи.

Не смотря на свою почтенную древность, Варшава— городъ на видъ довольно новый, даже величайшая святыня его, соборъ св. Яна, существующій съ XIV столѣтія, благодаря реставраціямъ, вовсе не производитъ впечатлѣнія стариннаго храма и во всякомъ случаѣ не идетъ ни въ какое сравненіе съ чудными католическими соборами западной Европы. Старый городъ обстроенъ зданіями не древнѣе XVII и XVIII столѣтія*) и кажется старымъ потому больше, что страшно грязенъ отъ водворившихся въ немъ жидовъ.

Хотя послѣднихъ въ Варшавѣ ужасно много и они всемогущи, но на улицахъ ихъ не много видно, кромѣ именно части города „Стараго мяста“. Тамъ копошатся густою толпою жиды. Жиды даютъ себя знать въ Варшавѣ также по запаху грязной воды, текущей по боко-

*) Варшава столицей сдѣлалась лишь въ 1599 году.

вымъ канавамъ вдоль улицъ. Изъ этихъ канавъ идетъ такой цибульный букетъ, какъ будто бы собрались воедино акціонеры трехъ желѣзныхъ дорогъ и шести коммерческихъ банковъ. Этотъ варшавскій „народный одеколонъ“, представляющій растворъ грязи со 100,000 жидовъ, скоро, впрочемъ, исчезнетъ, по крайней мѣрѣ на главныхъ улицахъ.

Старожилы говорятъ, что Варшава сдѣлалась неузнаваемою за двадцать пять лѣтъ. Она, во-первыхъ, значительно расширилась, выросли новые огромные кварталы, затѣмъ старые кварталы застроились хорошими домами, причемъ были расширены многія улицы и переулки и снесены разныя уродливыя постройки. Недавно еще всѣ небольшія улицы около центральной артеріи были грязными узенькими переулками, гдѣ подъ видомъ „кавярень“ (кофеенъ) существовало безчисленное множество мелкихъ тайныхъ публичныхъ домовъ. Теперь проведены тутъ улицы съ изящными магазинами, куда развязные прикащицы (въ Варшавѣ ихъ гораздо больше, чѣмъ приказчиковъ) привлекаютъ публику. Городъ покрылся сѣтью конно-желѣзныхъ дорогъ, приносящихъ польско-бельгійской компаніи отличный дивидендъ, и наконецъ приступлено къ устройству громадной сѣти городскихъ водостоковъ и водопроводовъ.

Устройству водостоковъ положено пока начало проведеніемъ двухъ громадныхъ магистральныхъ трубъ, которыя пересѣкаютъ городъ и служатъ коллекторами для сѣти побочныхъ подземныхъ капаловъ. До послѣдняго времени Варшава очищалась, какъ Петербургъ, а потому и здѣсь тайкомъ нечистоты спускались въ рѣку, отчего Висла стала „чàрною“ не только въ однихъ польскихъ

романсахъ. Между тѣмъ эту-то насыщенную всякою дрянью воду и вынуждено пить варшавское населеніе. Понятно, что воду въ Варшавѣ пьютъ только тѣ, у кого нѣтъ средствъ купить другой, болѣе вкусный напитокъ, или тѣ, кто, съ дѣтства, попивая ее наслѣдственно, привили къ себѣ всѣ виды проживающихъ въ этой водѣ бактерій и сдѣлались, такъ сказать, застрахованными отъ заразы. Для пріѣзжихъ варшавская вода вредна, а по количеству грязи она противна даже для умыванія. Въ придачу, и подобной жидкости проблематическаго состава очень мало. Небольшая водопроводная башня въ Саксонскомъ саду даетъ такой малый напоръ, что въ третьихъ этажахъ домовъ вода является въ водопроводъ только по ночамъ на короткій срокъ, когда ея не берутъ въ нижнихъ этажахъ. Поэтому бѣдные жители города вынуждены не спать, ожидая появленія ночью воды. А случается, что какой либо обыватель, въ чаяніи движенія воды, кранъ отопретъ, а самъ заснетъ; тогда происходитъ наводненіе и жители нижнихъ этажей принимаютъ даровые души.

Переустройство водостоковъ вынудило заняться сооруженіемъ и соотвѣтствующаго населенію и нуждамъ промышленности водопровода. Такъ какъ въ Варшавѣ муниципалитетъ не выборный, а во главѣ города стоитъ генералъ Старынкевичъ, образчикъ умнаго и честнаго администратора, уважаемаго всѣми партіями и національностями, то дѣло устраивается въ образцовомъ видѣ. Уже теперь управы другихъ городовъ Россіи посылаютъ изучать будущее водоснабженіе Варшавы. Его устраиваетъ по подряду Линдлей. Пока издержано четыре милліона рублей, но полная сѣть, разсчитанная

на пятьсотъ тысячъ жителей, считая отъ 6 до 7 куб. метровъ воды на каждаго въ сутки, обойдется, вѣроятно, значительно дороже.

Вода для новаго водопровода взята также изъ Вислы, но въ такомъ мѣстѣ послѣдней, гдѣ вода еще чиста; къ сожалѣнію, Висла такъ же капризна, какъ живущія на берегахъ ея польки; она ушла, говорятъ, отъ того мѣста, гдѣ построены подъемныя машины для новаго водопровода и, приходится рѣку регулировать. Послѣ предварительнаго отстаиванія на берегу рѣки, вода проходитъ въ фильтры и запасные резервуары, устроенные въ предмѣстьи Варшавы—Кошики, у артиллерійскихъ казармъ. Это грандіозное сооруженіе, занимающее площадь въ 16 десятинъ, мною подробно осмотрѣно; оно еще не готово—нѣтъ подъемной башни съ высокой трубою внутри, нѣтъ всѣхъ фильтровъ — но и тѣ части, которыя уже готовы, даютъ понятіе о грандіозности сооруженія. Фильтры и резервуары представляютъ подземныя зданія изъ кирпичныхъ сводовъ съ колоннами изъ тесанаго песчаника и бетона, покрытыя сводами изъ особаго пустотѣлаго теплонепроницаемаго кирпича, привозимаго изъ заграницы. Зданія эти напоминаютъ подземные индійскіе храмы; каждое изъ нихъ стоитъ свыше 180,000 руб. Однихъ фильтровъ, дно которыхъ уложено слоями гальки, гравія и мелкаго песку, будетъ шесть, такъ какъ вода Вислы богата осадками и разсчитано, что каждый фильтръ, уже послѣ двухнедѣльнаго дѣйствія, придется закрывать и очищать отъ накопившагося слоя ила.

Я сказалъ, что означеннымъ полезнымъ дѣломъ Варшава будетъ обязана своему президенту; но это не значитъ, что всѣ варшавяне очень признательны за соору-

женіе, оберегающее имъ здоровье и жизнь. Напротивъ, судя по ироническимъ отзывамъ печати, въ варшавскомъ обществѣ противъ устройства водопровода и водостоковъ существуетъ извѣстное возбужденіе. Оно формулируется тѣмъ, что предпріятіе это не по средствамъ Варшавы и обременитъ городъ слишкомъ значительнымъ долгомъ. Люди знающіе объясняютъ эту агитацію совсѣмъ другими причинами. За воду прійдется платить; поэтому предпріятіе водопровода себя окупитъ, точно такъ же какъ водостоки сберегутъ домовладѣльцамъ значительные расходы на очистку нечистотъ. Недовольство происходитъ оттого, что всѣ работы производятся муниципалитетомъ, подъ наблюденіемъ генералъ-губернатора, съ выпускомъ потребныхъ на сооруженіе облигацій на варшавской биржѣ по мѣрѣ надобности.

Жиды же банкиры, всемогущіе въ Варшавѣ, ожидали, что будетъ дана концессія, что произойдетъ выпускъ акцій или большого облигаціоннаго займа и можно будетъ устроить хорошій гешефтъ. Inde iгae! Но не будемъ очень строги и къ жидамъ. Они тоже нуждаются въ пропитаніи, а дѣла ихъ плохи, ибо и въ Варшавѣ, и въ Царствѣ, какъ и вездѣ, впрочемъ, свирѣпствуетъ экономическій кризисъ. На первыя облигаціи водопровода явилось, напримѣръ, охотниковъ вдесятеро болѣе, чѣмъ было нужно, а второй выпускъ покрытъ не былъ. Уже два года въ Варшавѣ не строится почти новыхъ домовъ. Затѣмъ, важнѣйшая отрасль промышленности— свекло-сахарное производство — стала убыточною: къ этому присоединился неурожай картофеля, который въ Царствѣ Польскомъ не только крупный предметъ продовольствія, но и основаніе винокуренной промышленности.

Что же дѣлать бѣднымъ жидамъ, когда и водки, которая для нихъ мать-кормилица, будетъ менѣе? За то варшавскіе жиды стали мнительны и пугливы, какъ младенцы. Стоитъ генералъ-губернатору прокатиться лишній разъ по городу, особенно, Боже упаси, посѣтить какую нибудь казарму, чтобы сейчасъ у жидовъ затряслись поджилки и курсы на варшавской биржѣ упали.

II.

Варшавскіе рестораны.—Венгерское вино.—Польскія женщины, ихъ характеръ и наружность.—Кладбище и поминаніе родителей.—Изящныя искусства въ Варшавѣ: живопись.

„Рестоурація и проституція“ таковъ могъ бы быть девизъ Варшавы—этого новаго Парижа, по мнѣнію Мицкевича, сравнивавшаго Краковъ съ Іерусалимомъ, а Гнѣзно—съ Ахеномъ. Ресторація, впрочемъ, не въ смыслѣ реставраціи Рѣчи Посполитой, — къ которой даже польскіе историки дерзаютъ уже относиться весьма скептически, жалѣя, что не нашлось за два столѣтія между поляками кардинала Ришелье, — а въ смыслѣ мелкаго трактирнаго заведенія. Ихъ въ Варшавѣ превеликое множество, самаго посредственнаго качества, правда дешевыхъ и всѣмъ доступныхъ. Наоборотъ, поѣсть хорошо въ Варшавѣ довольно трудно, кромѣ нѣсколькихъ частныхъ домовъ. Лучшіе рестораны при гостинницахъ также болѣе отличаются скромностью цѣнъ, сравнительно съ петербургскими, нежели искусствомъ своихъ „шефовъ“.

Въ прежнее время Стемпковскій на площади Ратуши, — гдѣ, кромѣ великолѣпнаго зданія варшавскаго

муниципалитета, находится и огромное зданіе варшавскихъ казенныхъ театровъ—считался лучшимъ ресторономъ въ Варшавѣ. У него, дѣйствительно, идетъ важнѣйшая продажа гастрономическихъ принадлежностей; кромѣ того, по четвергамъ и воскресеньямъ поляки собираются ѣсть пресловутыя „фляки“, но, какъ ресторанъ, Стемпковскій ниже всякой критики: скверное помѣщеніе, низкія комнаты, высокія цѣны за плохо изготовленные обѣды, въ придачу, вмѣсто салфетокъ вамъ подаютъ... куски мягкой бумаги. Хотя я обожаю всякую couleur locale, но, признаться, эта бумага не могла возбудить во мнѣ большого аппетита...

Описывать прелести польской національной кухни не стоитъ, потому что она у насъ всѣмъ извѣстна, а главнѣйшіе ея элементы давнымъ-давно усвоены русскими хозяйками. Недостатокъ польской кухни—изобиліе жира, почему для нея требуется очень основательный желудокъ. Къ числу блюдъ, которыхъ поѣсть съ аппетитомъ опаснѣе, чѣмъ штурмовать Пишпекъ, относится знаменитый „бигусъ“, родной братъ нашей селянки на сковородѣ; его поляки брали въ походы, и чѣмъ болѣе варили, тѣмъ онъ дѣлался вкуснѣе, и только къ заключенію мира взятый изъ дому бигусъ становился совсѣмъ хорошимъ. Такъ увѣряютъ, по крайней мѣрѣ, польскіе патріоты.

Гораздо удобнѣе въ Варшавѣ можно удовлетворить свою жажду. Хотя пословица: Soult comme un polonais стала уже анахронизмомъ и относится болѣе къ XVIII столѣтію, когда, по выраженію Костомарова, поляки пропили свою независимость, но и теперь еще въ Польшѣ не перевелись любители хмѣльного, а Варшава издавна

славится своимъ отличнымъ венгерскимъ виномъ. Погребъ Фукера въ Старомъ мѣстѣ представляетъ одну изъ достопримѣчательностей города. Погребъ существуетъ очень давно и заключаетъ неоцѣненную коллекцію старыхъ венгерскихъ винъ, скупленныхъ изъ погребовъ магнатовъ разорившихся или такихъ, которыхъ имѣнія были конфискованы. Любители археологіи найдутъ здѣсь столько же пыли и паутины, сколько и въ любой коллекціи древностей, но за эту пыль нужно платить гораздо дороже. Я спрашивалъ у Фукера, осматривая его погребъ, что стоитъ самое старое вино?

— 60 рублей маленькая бутылка, а вино будетъ 1606 года.

— А можетъ быть оно и 1607 года?—скептически замѣтилъ я.

Во всякомъ случаѣ такая глубокая древность вовсе не служитъ ручательствомъ въ высокомъ достоинствѣ вина. На парижской всемірной выставкѣ 1867 года на экспертизѣ винъ, венгерское вино, которому было 130 лѣтъ, оказалось уже никуда негоднымъ, между тѣмъ вина, лежавшія около ста лѣтъ и менѣе, были превосходнаго качества, маслянистыя и такія крѣпкія, что отъ нѣсколькихъ рюмокъ отнималась способность двигать ногами при относительной свѣжести головы. Извѣстно, что для сохраненія винъ, сверхъ числа лѣтъ лежанія, требуется еще безусловное спокойствіе, чѣмъ Польша никогда не отличалась...

Кромѣ Фукера, древнія венгерскія вина имѣются въ Варшавѣ и у Кршиминскаго. Теперь это обыкновенный погребъ; но отецъ нынѣшняго владѣльца былъ одинъ изъ варшавскихъ типовъ. Старикъ Кршиминскій проси-

дѣлъ въ погребѣ тридцать съ чѣмъ-то лѣтъ, не выходя на свѣтъ Божій, и былъ вообще большой оригиналъ. Онъ продавалъ вино не по тому, что оно стоитъ, или во что оно ему обошлось, а по высшимъ политическимъ и нравственнымъ соображеніямъ. Бѣднымъ студентамъ Кршиминскій, случалось, отпускалъ дорогое вино по низкой цѣнѣ.—Пусть себѣ, молъ, погуляютъ. Наоборотъ, какому нибудь гулящему пану Кршиминскій ставилъ вино на счетъ втрое дороже, чтобы отучить пана отъ кутежа. Русскимъ, само собою, Кршиминскій вина вовсе не давалъ или давалъ несоотвѣтствовавшаго цѣнѣ качества. Поляки не брезгаютъ и такимъ способомъ проявлять свой патріотизмъ!

А польскія женщины? спроситъ меня читатель. „Стара венгржина и млоды паненьки“—девизъ поляковъ. Разъ я заговорилъ о винѣ, долженъ дать отчетъ и о польскихъ „кобетахъ“. Въ былое время Варшава слыла какимъ-то депо красавицъ. Офицеры полковъ, стоявшихъ въ „Конгрессувкѣ“, разносили по Россіи слухи о польскихъ Цирцеяхъ, совращавшихъ своимъ кокетствомъ храброе русское воинство съ пути истиннаго. Не только армейскіе маіоры, но великій князь Константинъ Павловичъ подчинился вліянію польской женщины и предпочелъ ея ласки престолу величайшей имперіи. Не удивительно, что о красотѣ этихъ женщинъ сложилась легенда. Какъ всѣ легенды, и эта теряетъ силу въ нашъ критическій вѣкъ. Поляки и теперь, конечно, убѣждены, что польки красивѣйшія и элегантнѣйшія созданія въ мірѣ, но и они должны сознаться, что въ смыслѣ типа варшавянки вырождаются. Польки попрежнему отличаются умомъ и практическою дѣловитостью, почему играютъ такую

роль въ обществѣ, которая въ другихъ странахъ, даже во Франціи, женщинамъ вовсе не принадлежитъ, но въ наружномъ отношеніи — опять, если вѣрить всему, что говорятъ о старинѣ — красота польскихъ или, вѣрнѣе, варшавскихъ женщинъ, понижается. Это легко провѣрить и по той толпѣ, которая послѣ обѣда наполняетъ Саксонскій садъ, въ томъ числѣ знаменитую „аллею любви“—мѣсто свиданій и улицы: Краковское Предмѣстье и Новый Свѣтъ, а также и по множеству женщинъ, встрѣчаемыхъ въ костелахъ и театрахъ. Въ послѣднихъ, само собою, публика поэлегантнѣе, чѣмъ на улицахъ и въ саду. Какъ на бѣду, красивѣйшая женщина въ Варшавѣ умерла за нѣсколько дней до моего пріѣзда и была похоронена съ честью.

Польскихъ женщинъ воспѣвали на всѣ лады. „Въ полькѣ,—говоритъ одинъ русскій писатель,—легко подмѣтить, при кокетливости парижанки, сантиментальность нѣмки, чувственную порывистость итальянки и домовитость славянки“. Этотъ лестный отзывъ цитируетъ г. Михневичъ въ своей любопытной книгѣ „Варшава и варшавяне“, прибавляя съ своей стороны, что польки „красоты обольстительной“, „обаятельны“ и т. д. Прежде всего надобно, однако, замѣтить, что приводимый имъ, какъ авторитетъ, писатель вовсе не правъ, ибо итальянки не страстны и не порывисты, а пассивны и разсчетливы, и не всѣ славянки домовиты: что можетъ быть распущеннѣе и безалабернѣе нашихъ барынь? Польки также менѣе всего сантиментальны; онѣ, напротивъ, экзальтированы, строптивы и лукавы. Онѣ холодны; по крайней мѣрѣ одинъ итальянецъ, большой знатокъ женщинъ, еще въ прошломъ столѣтіи писалъ,

что „разговаривая съ польками, онъ едва не получилъ насморка“.

Недостатки полекъ — жеманство и аффектація, достоинства — твердый характеръ, дѣловитость и домовитость. Полька, со средствами вдвое меньшими противъ русской женщины, лучше будетъ вести свое хозяйство и лучше воспитаетъ своихъ дѣтей. Съ француженками польки имѣютъ сходство въ томъ отношеніи, что легко командуютъ своими мужьями, отличаясь отъ послѣднихъ большею разсудительностью; правда, большинство полекъ получаетъ даровыя внушенія отъ своихъ ксендзовъ, которые далеко не существа средняго пола и насчетъ женщинъ имѣютъ еще отъ папы какія-то „диспенсаціи“.

Но и при страсти къ верховенству въ домѣ, полька, благодаря своей ловкости и практичности, гораздо пріятнѣе въ роли жены, чѣмъ любовницы. Полька-метресса непремѣнно должна надоѣдать приторною любезностью и не внушать довѣрія фальшивымъ характеромъ. Притворство невольно бросается въ глаза постороннему: стоитъ посмотрѣть, напримѣръ, какъ двѣ польки, совсѣмъ чуждыя другъ другу и нерѣдко соперницы, здороваются и прощаются, какъ онѣ кидаются тогда въ объятія, зимаютъ и говорятъ нѣжности какимъ-то пискливо-минорнымъ тономъ.

Если религіозный фанатизмъ остался у полекъ, то другое чувство — гоноръ сословный и національный уменьшается. Теперь Ванда и Гедвига, которыя предпочли убить себя, только бы не выходить замужъ за нѣмцевъ, стали вполнѣ легендарными. Польки, даже хорошаго общества, не брезгаютъ выходить замужъ не только

за нѣмцевъ, но и за крещеныхъ жидовъ. Это для аристократіи своего рода „проституція“. Да и всякаго рода проституція, по словамъ старожиловъ, въ Варшавѣ быстро увеличивается. Изъ чего нужно заключить, что Телименъ среди современныхъ полекъ гораздо болѣе, чѣмъ Зосей.

Склонность полекъ къ кокетству и желаніе ихъ блистать и играть роль, тогда какъ денежныя средства, особенно въ чиновничьемъ мірѣ, такъ скромны, дѣлаютъ то, что эти гордыя и неприступныя съ виду пани только и мечтаютъ, какъ бы попасть „на утшиманіе“. Въ виду же бѣдности молодыхъ людей приходится организовать это утшиманіе на поліандрическихъ началахъ. Пріучившись же имѣть постоянно около себя cavalière servente, польки и въ старости не могутъ отказаться отъ ихъ услугъ. Тогда онѣ сами заводятъ себѣ альфонсовъ, носящихъ по-польски весьма характерную кличку „фатыгантовъ“.

Я уже говорилъ, что эта варшавская золотая молодежь имѣетъ болѣе хорошихъ манеръ, нежели денегъ, потому дамы варшавскаго полусвѣта давно утратили патріотическія чувства. Онѣ безъ церемоніи предпочитаютъ представителей „наязду москевскего“, только бы у нихъ были деньги, и мечтаютъ уѣхать въ русскіе города, полагая, что тамъ рублей и дураковъ непочатый уголъ. Отъ поляковъ же не ждутъ большой пользы, ибо тѣ любовь свою выражаютъ лишь тѣмъ, что угощаютъ ces dames кофеемъ и не стыдятся съ ними гулять публично по улицамъ и „огрудкамъ“.

О наружности полекъ въ извѣстной книгѣ Швейгеръ Лерхенфельда: „Женщина у всѣхъ народовъ земного

шара", сказано будто бы, „полька — особенно изъ богатаго класса, всѣми признана однимъ изъ европейскихъ идеаловъ (?) женской красоты; въ ней есть что-то ослѣпительное, а особенно въ спокойныхъ, классическихъ (?) чертахъ ея лица". Съ этимъ отзывомъ нѣмца, взятымъ, очевидно, цѣликомъ изъ какого-то польскаго писателя, не согласуются, какъ я сказалъ, отзывы даже болѣе безпристрастныхъ варшавянъ. По ихъ словамъ, типъ польской красавицы вырождается или исчезаетъ. А что еще будетъ, когда и польское общество охватитъ стремленіе „кобетъ" къ образованію. Уже и теперь переводятся на польскій языкъ книги объ эмансипаціи и есть польки, которыя вмѣсто того, чтобы танцовать мазурку и печь вкусныя мазурки, пачкаютъ свои пальчики чернилами, полемизируютъ съ польскими радикальными журналистами и даже ведутъ съ ними процессы въ судахъ.

Болѣе безпристрастно, хотя не безъ пафоса, наружный видъ полекъ описалъ г. Михневичъ, подведя его подъ два типа, принадлежащихъ будто двумъ расамъ. Одинъ типъ: темные волосы, большіе темные глаза съ огнемъ, продолговатое лицо, орлиный носъ, сухое стройное тѣло. Другой типъ: русые волосы, голубые или сѣрые глаза съ густыми бровями, румяное лицо, вздернутый или неправильный носъ, широкая грудь и плечи, и бѣлая кожа. Первый типъ встрѣчается чаще у аристократокъ, второй—въ массѣ народа. Въ первомъ типѣ давно находили сходство съ восточнымъ; недаромъ покойный Сенковскій цѣлую теорію вывелъ о тождествѣ польской шляхты, происходящей отъ „лехитовъ", съ лезгинами. Второй типъ приближается къ славянскому, хотя въ немъ, оче-

видно, есть порядочная примѣсь финскаго и литовскаго элементовъ. Типъ этотъ демократическій, ибо подгулявшіе носы всегда обличаютъ отсутствіе въ женщинахъ породы.

Во всякомъ случаѣ, кромѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ экземпляровъ въ аристократіи, которая повсюду одинакова, полькамъ en masse далеко до парижанокъ. Ихъ неправильные носы, плоскія ноги, которыя онѣ очень высокими каблуками стараются сдѣлать подъемистыми, походка dehanchée, въ томъ родѣ, что по-русски называется „сѣять муку“, и аффектированныя манеры не идутъ въ сравненіе съ врожденной граціей дочерей Лютеціи. Въ нарядахъ также у полекъ, кромѣ опять небольшого числа исключеній, порядочная безвкусица. Я не говорю уже о встрѣчающихся въ Варшавѣ на каждомъ шагу у женщинъ аршинныхъ серьгахъ въ ушахъ и вуаляхъ до пятъ. Послѣднія служатъ признакомъ „жалобы“— траура, который польки очень охотно, отчасти изъ кокетства, но болѣе по экономіи, носятъ по родственникамъ даже семнадцатой степени. Здѣсь и мужчины носятъ трауръ, дѣлая на отворотахъ и воротникѣ фрака и чернаго сюртука бѣлыя выпушки. Пристрастіе къ трауру явилось у образованныхъ поляковъ какъ мода, ибо самъ по себѣ трауръ не идетъ къ нимъ, какъ къ народу живому и веселому; онъ равно противенъ и христіанскимъ понятіямъ о смерти, которая есть только переселеніе „въ лучшій міръ“. А польки и поляки очень пикируются своею религіозностью.

Что не только женщины, но и все населеніе Варшавы, дѣйствительно, религіозно, по крайней мѣрѣ съ обрядной стороны, я убѣдился, посѣтивъ Повонзское

кладбище 2-го ноября новаго стиля, въ день поминанія родителей, такъ называемаго „дзень задушки". Меня предупредили, что я увижу картину, подобную которой рѣдко гдѣ можно встрѣтить. Одинъ администраторъ предупреждалъ кромѣ того, что я рискую быть свидѣтелемъ одной изъ демонстрацій, которыя періодически совершаются на могилѣ „пенць полеглыхъ", т. е. пяти убитыхъ во время перваго столкновенія нашихъ войскъ съ поляками въ 1861 году. Можно только пожалѣть, что тогда убито было только пять, а не пятьсотъ демонстрантовъ, потому что это кровопусканіе спасло бы насъ отъ возстанія 1863 г., но кн. М. Д. Горчаковъ, въ припадкѣ старческаго слабоумія, приказалъ случайныя жертвы народнаго возбужденія, даже и имена, и званія которыхъ съ достовѣрностью не были опредѣлены, похоронить съ торжествомъ, причемъ полицію въ городѣ замѣнилъ студентами! Подобная нелѣпая сатурналія произвела на толпу такое сильное впечатлѣніе, что она позабыла множество другихъ погибшихъ въ повстаніи, но твердо помнитъ могилу пяти убитыхъ и посѣщаетъ ее изъ года въ годъ съ тѣмъ же безотчетнымъ любопытствомъ, съ которымъ посѣщаютъ, напримѣръ, могилу Элоизы и Абелара парижане, никогда въ жизни неслыхавшіе о схоластической философіи.

Въ Варшавѣ одно значительное христіанское кладбище, потому оно очень велико, а о толпѣ, которая его посѣщаетъ 2-го ноября, трудно составить себѣ понятіе, не видавъ ея. Здѣсь въ теченіе дня перебываетъ почти вся Варшава, но особенно толпа велика вечеромъ, когда именно Повонзки и представляютъ любопытную картину, переносящую васъ во времена язычества, придававшаго

погребенію и сбереженію праха покойниковъ такое суевѣрное значеніе.

Оставивъ экипажъ далеко отъ кладбища, я съ трудомъ пробился, въ обществѣ одного русскаго варшавянина, сквозь густую толпу, искусно раздѣляемую полиціей по разнымъ направленіямъ. Труднѣе всего попасть въ ворота кладбища, затѣмъ уже сразу открывается удивительное зрѣлище: каждая могила, кромѣ очень старыхъ, освѣщена шкаликами и восковыми свѣчами; издали кажется, что надъ кладбищемъ стоитъ зарево отъ пожара. Густыя деревья, освѣщаемыя снизу, усиливаютъ впечатлѣніе. Склепы раскрыты, а гдѣ лежатъ набальзамированные трупы, то открыты и гробы: покойниковъ провѣтриваютъ. Стѣны campo santo, куда гробы вставлены въ нѣсколько ярусовъ, освѣщены доверху. Вездѣ толпа и движеніе, впрочемъ безъ шума и пьянства; въ Варшавѣ народъ вообще тверезъ, по крайней мѣрѣ передъ публикою.

Совершенно случайно очутился я около могилы пяти „полеглыхъ“, что было не трудно, ибо она недалеко отъ входа. Могилы, собственно говоря, нѣтъ, покойники давно перенесены на другое кладбище, а мѣсто могилы сглажено и залито асфальтомъ, но его твердо помнятъ варшавяне. Среди массы освѣщенія я наткнулся вдругъ на пунктъ, гдѣ было совсѣмъ темно, вокругъ стояла густая толпа въ глубокомъ молчаніи, уставивъ глаза въ землю и какъ бы разсматривая, не встанутъ ли изъподъ земли повстанцы въ чамаркахъ съ косами. Поодаль красовалось нѣсколько жандармовъ и городовыхъ, не препятствовавшихъ, впрочемъ, стоянію и простому глазѣнію. Мой товарищъ спросилъ по-русски — что тутъ?

Послѣ нѣкоторой паузы маленькая дѣвочка пропищала: „А тутай пенць полеглыхъ за ойчизну!“

И на этотъ разъ не обошлось безъ легкой демонстраціи. Какой-то молодой господинъ, оказавшійся графомъ Лубенскимъ, нарочно пріѣхалъ изъ Кракова, чтобы положить на предполагаемую могилу крестъ изъ цвѣтовъ; за это онъ былъ остановленъ полиціей, приглашенъ „честью“ въ участокъ, а потомъ въ сообществѣ двухъ архангеловъ выпровоженъ заграницу.

Гуляніе на Повонзкахъ произвело на меня сильное впечатлѣніе, и я удивляюсь, что ни одинъ польскій художникъ не вдохновился имъ, чтобы нарисовать блестящую картину. Правда, для свѣтовыхъ эффектовъ тутъ понадобилась бы кисть Рембранта или, по крайней мѣрѣ, Сальватора Розы, во всякомъ случаѣ это хорошій сюжетъ для „краевыхъ“ художниковъ, любящихъ брать сюжеты изъ національной жизни. Оно и понятно, ибо, кромѣ литературы, журналистики и театра, польскій элементъ только и можетъ проявлять еще свою живучесть въ области пластическихъ искусствъ.

Нельзя сказать, однако, чтобы Варшава содержала какія нибудь артистическія сокровища. Старинное польское искусство представляетъ элементъ довольно легковѣсный, а новое недалеко ушло, если судить по музею Общества поощренія изящныхъ искусствъ — „Товаржиства штукъ пенкныхъ“. Я, впрочемъ, отношусь съ глубокимъ уваженіемъ къ этой попыткѣ собирать воедино плоды польскихъ „штукъ“. У насъ въ Петербургѣ не додумались еще, среди розни, господствующей между художниками, до созданія подобнаго національнаго музея и онъ замѣняется частной галлереей г. Третьякова въ Москвѣ.

Общество помѣщается въ небольшомъ, но хорошо приспособленномъ зданіи, въ самомъ центрѣ города, на Краковскомъ предмѣстьи; входъ въ музей стоитъ 20 копѣекъ. Помѣщеніе состоитъ изъ четырехъ залъ, въ томъ числѣ одной большой. Картинъ довольно много, хотя онѣ пребываютъ тутъ временно; больше какъ бы на комиссію для продажи. Преобладаютъ картины изъ польской исторіи и польской природы, академической мазни мало, но общій уровень картинъ не выходитъ изъ посредственности. При тенденціозности польскихъ живописцевъ, имъ, понятно, удобнѣе собирать свои произведенія въ Краковѣ; здѣсь далѣе „Представленій польскихъ уланъ Наполеону“ тенденція не допускается. Польскимъ живописцамъ, между которыми есть безспорные таланты, трудно также образовать школу, вполнѣ оригинальную, ибо, учась въ Петербургѣ, Вѣнѣ и отчасти въ Парижѣ, они невольно, съ юнаго еще возраста, подчиняются господствующимъ тамъ артистическимъ вліяніямъ.

Въ музеѣ наиболѣе выдаются двѣ извѣстныя картины. Во-первыхъ, Матейки, „Битва подъ Грюневальдомъ“ которую поляки считаютъ произведеніемъ достойнымъ стать (excusez du peu!) наравнѣ съ Иліадой Гомера, но которая имѣетъ недостатки въ излишней пестротѣ и въ тенденціозномъ искаженіи исторіи. Картина эта хорошо извѣстна петербуржцамъ. Второе крупное полотно— „Смерть Варвары Радзивилъ“, жены короля Сигизмунда II, отравленной королевой Боной. Эта картина Зимлера съ честью фигурировала въ русскомъ отдѣлѣ парижской всемірной выставки 1867 г. Семирадскаго въ музеѣ теперь нѣтъ. Не замѣтилъ я что-то и Герсона, равно какъ и работъ покойнаго варшавскаго гравера Ред-

лиха, который былъ вполнѣ европейскою знаменитостью.

Между жанрами обращаютъ на себя вниманіе жанры извѣстнаго и у насъ Жмурко. Скульптурный отдѣлъ ниже всякой критики. Какъ на всѣхъ выставкахъ поощренія художествъ, на картинахъ выставлены цѣны, ни съ чѣмъ, конечно, несообразныя и доказывающія только, что фантазія на этотъ счетъ и у польскихъ художниковъ всегда шире той, которую они проявляютъ въ концепціи своихъ картинъ.

Заговоривъ о художествахъ, нельзя не замѣтить, что Варшава, сравнительно съ своими небольшими средствами, занимаетъ не послѣднее мѣсто и въ области графическихъ искусствъ. Многочисленные варшавскіе иллюстрированные журналы, а также каррикатурные листки хотя уступаютъ нѣкоторымъ заграничнымъ изданіямъ, но посвоему недурны и вполнѣ самостоятельны. За 25 коп. я купилъ, напримѣръ, иллюстрированный альманахъ на 1886 годъ „Warszawianka“, выпущенный сатирическимъ журналомъ „Kolzów“. Это изданіе сдѣлало бы честь и Парижу по бойкости рисунковъ и юмору содержанія. Въ числѣ поляковъ вообще не мало искусныхъ рисовальщиковъ, да и наши сатирическія и иллюстрированныя изданія въ значительной мѣрѣ обязаны, какъ извѣстно, сотрудничеству польскихъ художниковъ.

Въ заключеніе сообщу, что министерство двора, составивъ инвентарь художественнымъ коллекціямъ, накопившимся годами въ императорскихъ дворцахъ въ Петербургѣ, приступило къ тому же и въ Варшавѣ. Дѣло это поручено одному изъ лучшихъ нашихъ знатоковъ исторіи искусствъ, Д. В. Григоровичу. Онъ изучилъ подробно

варшавскія собранія и сообщилъ мнѣ, что въ артистическомъ отношеніи Варшава довольно бѣдна. Къ чести, однако, поляковъ или, вѣрнѣе, польской прислуги, нужно отнести то обстоятельство, что все, значащееся по описямъ въ коллекціяхъ, г. Григоровичъ нашелъ на-лицо; въ другихъ мѣстахъ половина подобныхъ вещей была бы поломана, растаскана и отправлена на толкучку.

III.

Изящныя искусства въ Варшавѣ: театръ.—Польская опера.—Балетъ.—Драматическій театръ.—Положеніе польскихъ артистовъ.—Оперетка.

Въ числѣ проявленій польскихъ иллюзій нельзя не обратить вниманія на глубокое убѣжденіе поляковъ, что по части театровъ Варшава не уступитъ никакому городу въ свѣтѣ, если даже не превосходитъ ихъ всѣ, кромѣ Парижа. Если по части пѣнія поляки не могутъ, не споря съ очевидностью, не согласиться, что ихъ варшавская труппа не первоклассная, то они утѣшаютъ себя тѣмъ, что г. Мержвинскій, бывшій въ Варшавѣ, по словамъ однихъ, землемѣромъ, а по словамъ другихъ—каменьщикомъ, „первый теноръ въ мірѣ“, а г-жа Зембрихъ, которая для поляковъ г-жа Зембрихъ-Кохańская—„первая пѣвица въ мірѣ“ и съ успѣхомъ замѣнила въ Европѣ состарѣвшуюся Патти!

Блаженъ кто вѣруетъ, но я, если и не увлекаюсь ни тяжеловѣснымъ голосомъ г-на Мержвинскаго, ни неуклюжими манерами г-жи Зембрихъ, то не могу не признать ихъ дарованій, а равно крупнаго таланта братьевъ

Решке, Эдуарда — превосходнаго баса и Яна — тенора. Сестра ихъ, Жозефина, пѣвица, восхищавшая Парижъ и др. столицы, теперь покинула сцену, выйдя замужъ за банкира Кроненберга. Братья Решке, лучшее украшеніе парижской Grand Opéra, съ придачею г-жи Зембрихъ и г. Мержвинскаго, могли бы составить первокласную труппу для польской національной оперы, еслибы таковая существовала иначе, чѣмъ въ слабыхъ подражательныхъ попыткахъ. Исторія польской оперы, какъ извѣстно, не сложна. Эльснеръ, Курпинскій, Добржинскій, Гофманъ, Станиславъ Монюшко — вотъ и всѣ ея дѣятели. Къ нимъ прибавился Желинскій, краковскій композиторъ, авторъ „Конрада Валенрода".

Въ инструментальной музыкѣ поляки вообще болѣе прославились. Не говоря уже о геніальномъ Шопенѣ, извѣстна цѣлая школа знаменитыхъ польскихъ скрипачей съ Липинскимъ во главѣ. Виртуозность поддерживается консерваторіей въ Варшавѣ, директоромъ которой состоитъ отличный музыкантъ и композиторъ г. Заржицкій. Я нашелъ варшавскіе театры весьма далекими отъ идеальнаго совершенства. Они, можетъ быть, были такими во времена саксонской династіи, одному изъ представителей которой мы обязаны даже возникновеніемъ оперы въ Петербургѣ, но не въ настоящее время. Въ особенности плоха теперь въ Варшавѣ опера и прослушать ее для человѣка со вкусомъ не легкое дѣло, съ чѣмъ въ сущности согласны и поляки, потому что они, защищая, при своемъ патріотизмѣ, собственную оперу, посѣщаютъ ее, однако, неисправно, предпочитая оперетку.

Опера дается въ „Велькемъ" (Большомъ) театрѣ, который съ драматическимъ театромъ помѣщается въ од-

номъ и томъ же громадномъ зданіи, на площади Ратуши. Въ этомъ же зданіи отведено помѣщеніе и Варшавскому музыкальному обществу, имѣющему здѣсь отличный концертный залъ, гдѣ при мнѣ съ большимъ успѣхомъ давала концерты Терезина Туа вмѣстѣ съ нашею извѣстною пьянисткою г-жею Бенуа.

Подобное соединеніе въ одномъ зданіи, въ центрѣ города, двухъ театровъ, съ прибавкою большого зала для концертовъ и маскарадовъ, проектировалось и у насъ въ Петербургѣ, въ видѣ соединенія Большого и Маріинскаго театровъ въ одно большое зданіе съ проѣздомъ для экипажей. Какъ всякая смѣлая новинка, проектъ былъ, конечно, отвергнутъ; главнѣйшее его неудобство—двойная опасность отъ пожара.

Въ Большомъ варшавскомъ театрѣ видно, что пожара давно не было, ибо онъ представляетъ какую-то запущенную храмину, гдѣ грязи и паутины болѣе, чѣмъ въ любой конюшнѣ*). Не только капитальный ремонтъ, но даже простая щетка для подбѣлки стѣнъ и потолковъ не касалась кажется этого театра уже многіе десятки лѣтъ. Такое пренебреженіе производитъ очень непріятное впечатлѣніе и тѣмъ прискорбнѣе, что театрами вѣдаетъ казенная администрація, состоящая при томъ изъ поляковъ (гг. Гудовскій, Фолянтъ и др.), слѣдовательно людей, которымъ интересы родного искусства должны быть близкими. Прежде варшавскими театрами управлялъ русскій, г. Всеволожскій, но его администрація была, если вѣрить полякамъ, въ родѣ тѣхъ, которыя

*) Могу замѣтить, что въ 1887 г. я нашелъ стѣны Большаго театра почищенными, но въ остальномъ варшавскіе театры не измѣнились.

бываютъ у епископовъ, назначаемыхъ папою въ епархіяхъ in partibus infidelium; она не оставила рѣшительно никакихъ слѣдовъ даже на стѣнахъ зданій.

Въ оправданіе варшавской театральной администраціи можно привести, что и публика не очень щедра къ театру; нигдѣ уже нѣтъ теперь такихъ дешевыхъ цѣнъ, какъ въ Варшавѣ; кресла, напримѣръ, стоютъ въ оперѣ и балетѣ отъ 2 р. 50 к. до 1 р. 25 к., ложи отъ 3 до 10 р.; въ драматическомъ театрѣ кресло стоитъ отъ 2 р. до 75 к., ложи отъ 3 р. 50 к. до 6 р. Въ оперѣ и балетѣ можно брать и купоны ложъ. Кромѣ платы за мѣста взимается въ пользу бѣдныхъ съ ложи по 20 к., съ кресла и мѣста въ амфитеатрѣ по 5 к. Съ посѣтителей галлереи и райка ничего не берутъ, ибо предполагается что они сами „бѣдные“. Понятно, при такихъ низкихъ цѣнахъ и ограниченномъ числѣ мѣстъ въ театрѣ, доходы не велики, а при малыхъ доходахъ и скупой субсидіи далеко не уѣдешь и невольно поставишь экономію на первомъ планѣ.

Лучшая пѣвица варшавской оперы, г-жа Германъ, почитаемая одною изъ красивѣйшихъ здѣсь женщинъ, была при мнѣ больна при смерти. Г-жа Германъ пѣла и въ Петербургѣ, въ „Джіокондѣ“, и въ Москвѣ, въ „Карменъ“, поэтому о ней не стоитъ распространяться. Всѣ помнятъ, что эта любимица варшавской публики артистка весьма второстепенная, поетъ горломъ и миловидностью далеко не выкупаетъ другихъ недочетовъ. Если такова лучшая пѣвица, то чего же ожидать отъ остальныхъ?

Я видѣлъ „Гальку“, оперу Монюшки—этого Доницетти, разведеннаго въ бочкѣ вислинской воды. Ее по-

ляки считаютъ столь же капитальнымъ своимъ произведеніемъ, какъ мы „Жизнь за Царя“ Глинки. „Галька“ шла въ 307 разъ и, повидимому, со дня постановки въ ней ничего не возобновляли по части костюмовъ, декорацій и аксессуаровъ, такъ они грязны и затасканы. Г-жа Довяковская, исполнившая роль Гальки триста разъ и постарѣвшая наравнѣ съ музыкою Монюшки, была въ отпуску; за нее пѣла г-жа Добецкая, очень некрасивая маленькая пѣвица, съ голосомъ, въ которомъ нѣтъ среднихъ нотъ. Она, впрочемъ, что называется, не портила роли. Не то можно сказать о г-жѣ Вояковской (Софія, дочь стольника), примадоннѣ безъ всякаго голоса, очень почтенныхъ лѣтъ, высокой, худой и съ длиннымъ носомъ. Янушъ, г. Ходаковскій, былъ, говорятъ, инженеромъ путей сообщенія; можно пожалѣть, что перемѣнилъ карьеру, на сценѣ не развязенъ и пѣвецъ посредственный. Наконецъ, Цеслевскій (Іонтекъ) отличается развѣ тѣмъ, что поетъ горломъ и во время пѣнія кривитъ ротъ на бокъ. Такова варшавская труппа. Мнѣ неудалось только слышать новой дебютантки, г-жи Штольцманъ-Пршилинской, ничего, впрочемъ, изъ себя, какъ говорятъ, не представляющей. Недавно въ оперѣ принимали участіе гг. Закржевскій и Василевскій. Оба они потомъ пѣли въ Москвѣ, а г. Закржевскій поетъ теперь въ Казани. Г. Закржевскій, имѣвшій въ Варшавѣ большой успѣхъ, немилосердно детонируетъ, а г. Василевскаго (баса) я никогда не слыхалъ.

Оркестръ польской оперы управляется г. Мюнхеймеромъ, помощникъ его г. Жабичка; тотъ же оркестръ и дирижеръ исполняютъ свои обязанности и въ балетѣ. Танцы „Гальки“, мазурка и краковякъ, поставленные Турчи-

новичемъ, отъ которыхъ я ожидалъ, по разсказамъ, чего-то особеннаго, мнѣ не понравились, хотя исполнялись лучшими сюжетами варшавской балетной труппы.

Балетъ въ Варшавѣ дается въ томъ же зданіи Большого театра, гдѣ и польская опера, каждую недѣлю раза по два. Балетныя представленія извѣстны въ Польшѣ очень давно. Уже въ 1643 году, во время Владислава IV, лѣтописецъ описываетъ, какъ артисты „по-итальянски дрыгаютъ (sic) ногами и скачутъ: все это при музыкѣ и клавицимбалахъ". Не смотря на столь почтенную давность, не смотря на способность и любовь поляковъ къ танцамъ, варшавскій балетъ изъ рукъ вонъ плохъ. Сами варшавяне на этотъ счетъ тоже не заблуждаются, ибо посѣщаютъ балетные спектакли довольно вяло, а о мнѣніи печати можно судить хотя по слѣдующему. Недавно вышелъ въ Варшавѣ календарь „Warszawianka", о которомъ я уже говорилъ. Въ хронологіи важнѣйшихъ событій нашей эры въ календарѣ показано, что прошло времени: „отъ ангажемента свѣжихъ балетныхъ танцовщицъ для варшавскаго театра — 75 лѣтъ". „Отъ рожденія одной Сильфиды, танцующей лѣтъ 40 съ хвостикомъ—19 лѣтъ". Но не одна ветхость танцовщицъ причиною плохого состоянія балета. При неумѣлости вести дѣло здѣсь жалѣютъ затрачивать деньги на постановки, забывая, что въ хореграфическихъ представленіяхъ роскошная постановка скорѣе всего себя окупаетъ. — Къ чему же содержится тогда балетъ? — спросилъ я одного театральнаго администратора, почему не замѣнятъ его нѣсколькими кадрилями танцовщицъ для оперы?

— Нельзя же, помилуйте, отвѣчали мнѣ, балетъ здѣсь имѣетъ свою исторію. Онъ въ традиціяхъ Варшавы.

Дѣйствительно нигдѣ страсть къ танцамъ такъ не распространена, какъ между поляками, и нигдѣ, кажется, не танцовали съ такимъ увлеченіемъ, какъ въ старой Польшѣ. Польки увлекались танцами до безумія. Были богатыя пани, которыя всю жизнь только и устраивали балы и приневоливали танцовать молодежь до потери рукъ и ногъ. Случалось, что кто нибудь выбьется изъ силъ и, спрятавшись, заснетъ. Бѣглеца отыскиваютъ и, по приказанію хозяйки, иногда раздѣтаго, принесутъ съ постелью въ залу, обольютъ водою, высѣкутъ розгами и заставятъ вновь плясать!

Но если балетъ въ „традиціяхъ“, зачѣмъ же его держать въ такомъ черномъ тѣлѣ? Варшавскій балетмейстеръ Мендезъ, испанецъ „изъ насихъ“,— человѣкъ еще не старый и довольно талантливый, былъ въ Парижѣ въ Grand Opéra первымъ танцовщикомъ, а въ Берлинѣ помощникомъ у Тальони; онъ не можетъ однако сдѣлать что либо безъ средствъ. Все вліяніе его выказалось въ ангажементѣ балериною своей невѣстки, извѣстной итальянской балерины Маріи Джури, которую Петербургъ нѣсколько знаетъ по ея танцамъ въ „Ливадіи“. Джури, первоклассная балерина по части классическихъ танцевъ, но ее здѣсь не любятъ и не цѣнятъ только потому, что она не полька. Между тѣмъ польская балерина г-жа Гильская танцуетъ не лучше нашихъ вторыхъ танцовщицъ. Эту неповоротливую танцовщицу безъ всякой школы Петербургъ также видѣлъ, въ 1885 году, на неудачномъ дебютѣ ея въ Большомъ театрѣ.

Изъ варшавскихъ балетовъ я пошелъ посмотрѣть „Пана Твардовскаго“—польскаго Фауста, въ которомъ выступала Джури послѣ продолжительной отлучки. Болѣе

безобразнаго представленія трудно себѣ представить; въ этомъ случаѣ оправданіемъ не можетъ служить, что Варшава небольшой городъ: Туринъ, Флоренція меньше Варшавы,—умѣютъ же они однако дѣлать роскошныя постановки. Здѣсь же вполнѣ l'abomination de la désolation: декораціи и аксессуары совершенно истрепаны и облѣзли, освѣщенія никакого, превращенія какъ въ ярмарочномъ балаганѣ, костюмы унаслѣдованы еще вѣроятно отъ Рѣчи Посполитой и обратились въ оборванныя тряпки. Въ придачу, въ балетѣ тюники танцовщицъ до сихъ поръ шьютъ далеко ниже колѣнъ, а трико не шелковыя, а бумажныя, темнокрасныя, почему ноги танцовщицъ похожи на гусиныя. Въ кордебалетѣ очень мало красивыхъ женщинъ — красива собою г-жа Фабіанская, миловидны бѣлокурая Цислярская и рыженькая Моретти — и всѣ танцовщицы или старушки съ жиденькими ногами или если помоложе, то съ толстыми ногами и ужасною школою. По варшавскому балету легко убѣдиться какъ полькамъ далеко до классическаго сложенія, приписаннаго имъ Швейгеръ-Лерхенфельдомъ.

Передъ такими „танцерками“ Джури казалась перломъ, хотя ее плохо принимали, отчасти, можетъ быть, потому, что она весьма холодно и безжизненно танцуетъ польскіе характерные танцы: обертасъ, мазурку. Изъ первыхъ танцовщицъ г-жа Орчинская толста и стара, г-жа Клюгеръ очень стара, но танцуетъ довольно правильно, г-жа Лукасъ едва передвигаетъ ноги. Изъ характерныхъ танцовщицъ съ огнемъ пляшетъ Спалковская мазурку. Ничего, впрочемъ, особеннаго въ исполненіи мазурокъ, изъ которыхъ „Панъ Твардовскій“ почти исключительно состоитъ, я не замѣтилъ. Мужчины тан-

цуютъ какъ будто лучше женщинъ, хотя первый танцовщикъ, г. Гиллеръ, огромнаго роста и тяжелъ. Между тѣмъ сколько разъ я слышалъ отъ поляковъ фразу: вотъ въ Варшавѣ, тамъ посмотрите какъ танцуютъ характерные танцы!

Варшавскіе балеты поставлены еще были, кажется, для развлеченія князя Паскевича, съ тѣхъ поръ въ нихъ не прибавилось ничего новаго, и исторія балета сводится къ анекдотамъ о покойномъ князѣ Бебутовѣ, очень покровительствовавшемъ варшавскимъ „балетничкамъ“. Говорятъ, впрочемъ, что дирекція рѣшилась наконецъ для привлеченія публики, которая всѣ балеты знаетъ наизусть съ дѣтства, поставить новый балетъ. Онъ будетъ называться въ pendant къ подобному же балету, имѣвшему огромный успѣхъ въ Вѣнѣ: „Варшава 100 лѣтъ тому назадъ и теперь“. Сочинитъ его Мендезъ, а авторъ извѣстныхъ мазурокъ г. Левандовскій напишетъ музыку.

Левандовскій дирижируетъ оркестромъ въ театрѣ „Розмаитосци“ (Variétés), гдѣ даются польскія драматическія представленія; изрѣдко впрочемъ даютъ ихъ и въ Большомъ театрѣ. Варшавяне убѣждены, что послѣ Comédie Française, ихъ драматическая труппа первая въ мірѣ, а нѣкоторые полагаютъ даже, что и Comédie уступаетъ варшавскимъ Розмаитосцямъ. Увы! и въ этомъ пріятномъ заблужденіи приходится разочароваться полякамъ. Ихъ драматическая труппа не лишена достоинствъ, но ей далеко не только до Comédie, но даже до труппы нашего Михайловскаго театра, не смотря на постоянно измѣняющійся составъ послѣдней и бѣглую срепетовку пьесъ слишкомъ обширнаго репертуара.

Я недалеко удалюсь отъ истины, если скажу, что вар-

шавскій драматическій театръ превосходитъ процентовъ на двадцать нашу Александринку, въ особенности во всемъ, что касается ансамбля и тщательнаго разучиванія пьесъ. Между тѣмъ, вознагражденія польскихъ драматическихъ артистовъ втрое и вчетверо менѣе вознагражденія нашихъ. Кромѣ г. Жолковскаго, получающаго, за пятидесятилѣтнюю службу, порядочные разовые, остальные довольствуются грошами, тѣмъ болѣе, что неумѣлая администрація набираетъ множество артистовъ, изъ экономіи, на маленькое жалованье, которые потомъ никогда не играютъ. Первая драматическая артистка варшавскаго драматическаго театра г-жа Марчелла получаетъ жалованья 2,000 руб. въ годъ и 10 руб. разовыхъ, талантливая ingénue г-жа Висневская 1,500 руб. въ годъ и 7 руб. разовыхъ. Одна изъ лучшихъ артистокъ говорила мнѣ о послѣднемъ содержаніи какъ о предметѣ своихъ честолюбивыхъ желаній; теперь же она сверхъ разовыхъ должна довольствоваться чуть ли не 40 рублями въ мѣсяцъ! Поэтому, и для польскихъ артистокъ, если онѣ не замужемъ, остается одно — изъ femme vertueuse сдѣлаться femme belle et honneste (по классификаціи Брантома де-Бурдэйля), т. е. проще говоря, сдѣлаться „утшиманкой“ — профессія, какъ я сказалъ, въ Варшавѣ не очень-то выгодная.

Вознагражденія артистовъ ничтожны въ Варшавѣ и на лирической сценѣ; поляки просто вѣрить не хотятъ, что г-жѣ Клямжинской, которая считалась и у нихъ артисткою второстепенныхъ достоинствъ, у насъ сразу назначили 5,000 рублей жалованья. Неудивительно, что подобная щедрость вызываетъ въ варшавскихъ арти-

стахъ желаніе учиться по-русски и служить гдѣ нибудь у москалей. Желаніе это очень не одобряется варшавскими журналистами, упрекающими польскихъ артистовъ въ недостаткахъ патріотизма; но голодное брюхо не имѣетъ уха, гласитъ очень древняя пословица. Артистки, въ свою очередь, увѣряютъ, что ихъ строгіе газетные зоилы сами сейчасъ же поѣдутъ куда угодно въ Россію, только бы имъ дали хорошее жалованье. Польскіе актеры дѣйствительно очень стѣснены въ своей дѣятельности. Кромѣ Кракова, гдѣ театръ уже гораздо ниже варшавскаго и гдѣ каждый заѣзжій варшавскій артистъ считается звѣздою и производитъ фуроръ, польскимъ талантамъ не остается никакого поприща, кромѣ ничтожныхъ провинціальныхъ театриковъ въ такихъ городахъ, гдѣ нѣтъ ни серьезной публики, ни театральной критики.

Отсюда желаніе эмигрировать, чтобы явиться на болѣе широкомъ и видномъ пути. Ознакомленіе съ русскимъ языкомъ между польскими артистами идетъ совершенно серьезно; даже любимица варшавянъ — г-жа Висневская, здѣшняя г-жа Савина, по слухамъ, подумываетъ о переходѣ на русскую сцену. Кромѣ русскаго языка, нѣкоторыя польскія артистки прилѣжно изучаютъ языкъ англійскій. Къ этому принудилъ ихъ примѣръ г-жи Модржеевской, первой по таланту польской актрисы. Недовольная варшавской дирекціей, она быстро выучилась по-англійски и стяжала, особенно въ Соединенныхъ Штатахъ, столько же лавровъ, сколько и денегъ. И въ настоящее время г-жа Модржеевская играетъ въ Чикаго. Она, впрочемъ, не забываетъ своего отечества и аккуратно лѣтомъ пріѣзжаетъ въ имѣніе около Кракова.

Съ уходомъ г-жи Модржеевской—драматическій персоналъ варшавской труппы потерялъ свое лучшее украшеніе по части женщинъ. Въ роляхъ ingénue dramatique новую американку замѣнила г-жа Марчелла. Я видѣлъ ее въ польскомъ переводѣ „Princesse George“ Дюма. Это артистка съ достоинствами, хотя не первоклассная; лицо у ней выразительное, но не красивое: носъ малъ, подбородокъ наоборотъ широкій и выдающійся. У ней нѣтъ теплоты и той искры, которая обличаетъ feu sacré, за то много увѣренности; манеры и фигура достаточно благородны, а въ игрѣ виденъ умъ. Въ роли своей она нѣсколько подражала Сарръ Бернаръ. Артистка эта пользуется покровительствомъ редакціи газеты „Wiek“, въ Варшавѣ довольно вліятельной.

Роли просто ingénue играетъ г-жа Висневская, которую варшавская публика чрезвычайно любитъ и считаетъ очень красивою, хотя у этой артистки длинная плоская талія, некрасивые зубы, вздернутый носъ и красноватые глаза. Портреты и фотографическія карточки г-жи Висневской всюду выставлены и охотно раскупаются. Она играетъ очень живо и развязно не безъ нѣкотораго польскаго ломанія. Другая ingénue — г-жа Чаки играетъ естественнѣе, но гораздо менѣе талантлива и съ менѣе выразительною физіономіей.

Кокетокъ играетъ г-жа Генрыка Ладновская, она же замѣняетъ г-жу Марчеллу въ нѣкоторыхъ драматическихъ роляхъ; г-жа Ладновская — племянница г-жи Модржеевской, но далеко не имѣетъ таланта своей тетки. За то г-жа Ладновская по наружности соотвѣтствуетъ своей фамиліи; она не только самая красивая актриса въ Варшавѣ, но и одна изъ красивѣйшихъ по-

лекъ. Довольно, кажется, для одной особы! Она имѣетъ красивые глаза, томный голосъ и восхитительно сложена. Другая кокетка — г-жа Нуаре также красива собою. Она недавно дебютировала, и потому недостаточно еще развязна на сценѣ.

На роли комическихъ старухъ и матерей имѣются г-жи Невяровская и Новаковская, не лишенныя таланта, но манерами и дикціей напоминающія г-жу Жулеву, т. е. старую школу. Амплуа кокотокъ и свѣтскихъ красавицъ играетъ г-жа Лиде. Это высокая худощавая женщина уже не первой молодости; если у нея что есть фальшиваго, то не брильянты. Послѣдніе—рѣдкость на варшавской сценѣ. Она играетъ чрезвычайно манерно, хотя и съ достаточною опытностью; варшавянамъ же хорошо извѣстна по многочисленнымъ опоэтизированнымъ изображеніямъ на картинахъ извѣстнаго польскаго жанриста Жмурки. Я пропускаю множество артистокъ второстепенныхъ.

Во главѣ мужского персонала стоитъ г. Жолковскій, сынъ знаменитаго актера того же имени, извѣстнаго остряка, котораго bon-mots до сихъ поръ повторяются поляками. Жолковскій-сынъ остротами не извѣстенъ, но за то пользуется репутаціей человѣка необыкновенно разсчетливаго, который, представляя чрезвычайно хорошо евреевъ и еврейскихъ банкировъ, заразился ихъ уваженіемъ къ презрѣнному металлу. Другое свойство Жолковскаго, это esprit casanier. Онъ никогда не выѣзжаетъ изъ любимой имъ Варшавы. Говорятъ, что онъ собрался ѣхать въ Краковъ на юбилей Крашевскаго, который былъ обще-польскимъ торжествомъ, но съ дороги вернулся.

Какъ актера, Жолковскаго поляки считаютъ первымъ талантомъ въ Европѣ. Хотя онъ и не первый, но во всякомъ случаѣ, по богатству своихъ мимическихъ средствъ и дикціи, дающихъ ему возможность одинаково хорошо исполнять самыя разнообразныя роли, а равно по умѣнію изъ самой ничтожной роли въ пустомъ водевильчикѣ создать цѣльный типъ, Жолковскій артистъ весьма выдающійся. Такого актера у насъ не было со временъ Щепкина и Мартынова. Онъ только уже очень старъ и фигурою напоминаетъ покойнаго Живокини, тогда какъ манерами и голосомъ покойнаго Сосницкаго. Къ сожалѣнію, я видѣлъ Жолковскаго только въ двухъ водевиляхъ: переводномъ „Учшескайми се!“ („Embrassons nous Folleville!“) и Ст. Богуславскаго „Стара Романтычка“, но и здѣсь уже можно составить понятіе о его талантѣ. Въ особенности въ послѣднемъ онъ художественно тонко создаетъ типъ стараго волокиты, отдѣлывая его во всѣхъ деталяхъ.

Другая варшавская знаменитость, г. Круликовскій, котораго польскіе критики признаютъ „универсальнымъ талантомъ“, былъ при мнѣ опасно боленъ и не игралъ. Это трагикъ старинной школы. Варшавяне относятъ къ знаменитостямъ и г. Рапацкаго, артиста болѣе молодого. Онъ отличается трудолюбіемъ, но крайне односторонненъ. Роли сильнаго драматическаго репертуара играетъ и г. Ладновскій, мужъ вышеописанной артистки. Варшавяне его одно время считали польскимъ Росси, а г. Михневичъ въ своей книгѣ нашелъ даже у г. Ладновскаго какія-то „преимущества“ передъ Росси. Мнѣ г. Ладновскій показался артистомъ совершенно ординар-

нымъ. Его впрочемъ публика любитъ, а дирекція цѣнитъ какъ полезность за обширный репертуаръ.

Г. Татаркевичъ—jeune premier, по манерѣ игры очень напоминающій г. Нильскаго, артистъ опытный, но холодный. Кромѣ того г. Татаркевичъ, который, говорятъ, былъ въ молодости театральнымъ парикмахеромъ, занимаетъ должность режиссера и, какъ всѣ режиссеры въ свѣтѣ, пользуется ненавистью актеровъ и особенно актрисъ, за пристрастіе и за покровительство, оказываемое якобы одной въ ущербъ всѣмъ другимъ. Такъ какъ ко всѣмъ подобнымъ злодѣйствамъ, при богатствѣ актерской фантазіи и неизмѣримости самолюбія артистовъ, надобно относиться всегда очень скептически и сбавлять съ передаваемыхъ разсказовъ девять десятыхъ, то я, какъ не посвященный въ закулисныя таинства „Розмаитосцей“, не берусь судить полезна, или вредна дѣятельность г. Татаркевича, какъ рижиссера. Другой jeune premier, г. Пражновскій, довольно плохъ.

Молодыхъ повѣсъ играютъ гг. Собеславъ и Вольскій очень недурно, послѣдняго публика какъ будто больше любитъ, ужъ не знаю почему. Отвѣтственныя комическія роли, кромѣ Жолковскаго, поручаются гг. Лещынскому и Островскому, и тотъ и другой не выше посредственности. Между маленькими актерами есть также не мало комиковъ. Такъ, въ играемой теперь съ большимъ успѣхомъ комедіи Абрамовича и Рутковскаго: „Менжъ зъ гржечносци“ г. Сливинскій прекрасно изображалъ деньщика, который ищетъ потерянные сапоги своего ротнаго командира и каждую минуту восклицаетъ „Я солдатъ и не пожалѣю родного отца и матери!“ Само

собою разумѣется, что офицеры и солдаты на варшавской сценѣ—австрійскіе.

Вышеозначенная комедія, дающая полные сборы — драматическій театръ вообще посѣщается исправно и и по наружности, благодаря недавнему пожару, если не блестящъ, то приличенъ—даетъ понятіе о современной польской комедіи. Драматическій репертуаръ „Розмаитосцей“ по большей части заимствованный, у поляковъ имѣется однако и свой довольно обширный репертуаръ—старый и новый, правда, не богъ вѣсть какого качества, но для публики любопытный, такъ какъ онъ по преимуществу нравоописательный, типы взяты въ немъ изъ дѣйствительной жизни, а актеры еще дополняютъ замыслы авторовъ. Наиболѣе любимая тема современныхъ польскихъ драматурговъ, это исправленіе новыхъ людей, т. е. нажившихся кулаковъ, помощью браковъ на прелестныхъ графиняхъ, дочеряхъ промотавшихся аристократическихъ родителей. Другими словами, смѣсь жоржъ-сандизма съ тенденціозной комедіей.

Г. Михневичъ справедливо удивился количеству элегантныхъ графовъ и графинь, которые выводятся на сцену польскими драматургами. Послѣдніе, очевидно, угождаютъ въ этомъ случаѣ вкусамъ публики, ибо настоящихъ графовъ и графинь между поляками очень немного. Рѣчь Посполитая титуловъ, во имя шляхетскаго равенства, не давала, а большинство польскихъ графовъ, кромѣ получившихъ этотъ титулъ отъ римскихъ императоровъ, окрещены таковыми кельнерами заграничныхъ отелей. Изобиліе графовъ на сценѣ имѣетъ, впрочемъ, для театра и свою хорошую сторону; выну-

жденные являться по преимуществу въ салонныхъ, или то, что у насъ называется „ковровыхъ“ комедіяхъ, польскіе актеры по неволѣ должны усвоивать себѣ порядочныя манеры.

И Варшава не могла не заразиться болѣзнью вѣка. Хотя поляки высоко цѣнятъ на словахъ и отчасти на дѣлѣ свои оперу, балетъ и драму, но наполняютъ они по преимуществу „Малый театръ“, гдѣ даются оперетки въ польскомъ переводѣ. Публика до такой степени пристрастилась къ музѣ легкаго поведенія, на Парнасѣ пропущенной — къ музѣ Оффенбаха, Лекока, Зуппе, Милликера, что требуетъ даже перевода оперетки изъ Малаго театра въ Большой, и только энергическій протестъ варшавской журналистики, высоко держащей знамя искусства, препятствуетъ дирекціи уступить желанію публики, удовлетворить которое было бы очень выгодно въ финансовомъ отношеніи.

При мнѣ каждый день давали оперетку „Гаспароне“ и каждый день публика наполняла залу Малаго театра. Я, который видѣлъ „Прекрасную Елену“ по мадьярски, по ново-гречески и даже по армянски, за что удостоился выраженія благодарности отъ самаго Оффенбаха, не могъ, конечно, соблазниться случаемъ прослушать посредственную оперетку Милликера по-польски, потому въ Маломъ театрѣ не былъ и о немъ передаю лишь съ чужихъ словъ. Люди, которыхъ вкусу я имѣю основаніе довѣрять, сообщили мнѣ, что варшавская оперетка теперь очень плоха. Въ ней былъ талантъ, Адольфина Зимайеръ, но ее не умѣли удержать, отказавъ въ прибавкѣ жалованья, и она распѣваетъ теперь въ Берлинѣ въ утѣху побѣдителей подъ Седаномъ. Изъ налич-

ныхъ артистовъ не лишенъ таланта режиссеръ Мрозовичъ, балаганный комикъ, въ родѣ Ру, остальные артисты и артистки и безъ веселости, и безъ дарованія.

Распѣваютъ эти безголосые соловьи, какъ я сказалъ, въ Маломъ театрѣ, передѣланномъ изъ жидовской синагоги. Еслибы, дѣйствительно, распространеніе оперетки могло содѣйствовать къ обращенію въ храмы музъ всѣхъ синагогъ, представляющихъ центры жидовскаго кагала, охватившаго польскій край и держащаго его, какъ веревка держитъ повѣшеннаго, то я первый бы рекомендовалъ обязательное распространеніе въ Царствѣ Польскомъ оперетки, какъ существуетъ въ другихъ странахъ обязательное обученіе грамотѣ и ариѳметикѣ.

IV.

Театры.— Варшавскіе литераторы.— Варшавская журналистика.— Курьерки и организація репортажа.—„Варшавскій Дневникъ“.

Въ отчетѣ о театрахъ въ предыдущей главѣ я ничего не упомянулъ о томъ, что дѣлается не на сценѣ, а въ зрительномъ залѣ, т. е. въ публикѣ. И здѣсь существуютъ значительныя отличія отъ того, что мы видимъ въ петербургскихъ театрахъ. Расположеніемъ своимъ варшавскіе театры походятъ болѣе на парижскіе: они не имѣютъ внутренняго прохода, публика входитъ по боковымъ проходамъ, сидѣнія креселъ, чтобы пройти, поворачиваются на шарнирахъ; ложи тоже очень тѣсны. При выходѣ въ антрактахъ даже въ фойе, капельдинеры даютъ вамъ контрамарки. Афиши печатаются непремѣнно по-польски и по-русски, и на нихъ помѣщается будущій репертуаръ театра, за три дня впередъ, что очень удобно для публики.

Спектакли начинаются обыкновенно въ $7^1/_2$ часовъ вечера, а такъ какъ варшавяне ложатся спать довольно рано, то антракты очень коротки. Публика поэтому по большей части и не выходитъ изъ залы, да и нѣтъ

охоты гулять по фойе, представляющему закопченные сараи, тускло освѣщенные, съ мизерными буфетами. Наряды дамъ, сидящихъ въ ложахъ, по крайней мѣрѣ въ обыкновенные дни, во всѣхъ театрахъ очень просты; въ этомъ случаѣ ничего похожаго на бывшіе наши залы въ понедѣльникъ, въ итальянской оперѣ, или субботніе во французскомъ театрѣ нѣтъ. За то публика въ Варшавѣ несравненно толковѣе и развитѣе нашей, о чемъ можно легко заключить по аплодисментамъ. Кромѣ Алоизія Жолковскаго, котораго и встрѣчаютъ и провожаютъ горячими аплодисментами, какъ національную гордость, остальнымъ артистамъ хлопаютъ съ толкомъ и въ мѣру. Бисы и вызовы очень рѣдки. Послѣдніе только въ концѣ актовъ.

Кассиръ въ казенныхъ театрахъ важная особа. Разсказываютъ, что одинъ изъ нихъ, большой шутникъ, забавлялся на счетъ публики весьма оригинально. Зная всю Варшаву, какъ свои пальцы, онъ лысыхъ сажалъ — увѣряя что нѣтъ билетовъ, — такъ, чтобы выходили фигуры. Въ день святой Юзефы въ партерѣ лысыя головы образовывали, напримѣръ, гигантскую букву J.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о варшавскихъ газетахъ. Очень сожалѣю, что не могу сдѣлать того же по отношенію къ варшавской литературной дѣятельности вообще. Судя по числу новыхъ книгъ на выставкахъ книжныхъ магазиновъ и по числу журналовъ, она довольно значительна, въ особенности, взявъ въ разсчетъ немногочисленность читателей на польскомъ языкѣ и то обстоятельство, что всѣмъ сочиненіямъ историческимъ, политическимъ и соціологическимъ по-поль-

ски гораздо удобнѣе появляться въ свѣтъ въ Краковѣ и вообще заграницею, гдѣ нѣтъ цензуры.

Романъ въ польской литературѣ, конечно, играетъ преобладающую роль. Уединенная жизнь интеллигенціи по деревнямъ и легкомысліе польскаго общества поощряетъ чтеніе романовъ; нѣсколько періодическихъ изданій исключительно посвящены однимъ романамъ, главнымъ поставщикомъ которыхъ долгое время состоялъ Крашевскій, успѣвшій менѣе, чѣмъ въ пятьдесятъ лѣтъ (до 1879 г.), написать 490 томовъ или 36,000 печатныхъ листовъ! Плодовитость, которая не имѣетъ, кажется, ни въ одной литературѣ себѣ подобной.

Варшава можетъ гордиться, что три наиболѣе модныхъ, а можетъ быть и наиболѣе талантливыхъ польскихъ современныхъ писателя живутъ въ ея стѣнахъ, а именно Генрыкъ Сенкевичъ, Болеславъ Прусъ и г-жа Оржешко. Сенкевичъ, очень молодой еще писатель, быстро занялъ первое мѣсто въ польской литературѣ. Онъ слишкомъ извѣстенъ у насъ, чтобы о немъ нужно было распространяться. Теплота и остроуміе составляютъ отличительную черту этого моднаго писателя. Поляки очень высоко ставятъ послѣдніе романы Сенкевича „Потопъ“ и „Огнемъ и мечемъ“, но гораздо лучше его маленькія повѣсти. Въ послѣднихъ онъ является первокласснымъ мастеромъ, достойнымъ стоять рядомъ съ Меримэ, Бретъ-Гартомъ, Тургеневымъ и другими знаменитыми новеллистами; въ большихъ же романахъ ему вредитъ излишняя погоня за эффектами и напыщенный языкъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Сенкевичъ пріобрѣтетъ очень скоро извѣстность и въ заграничной литературѣ. Въ мое пребываніе въ Варшавѣ этотъ симпатичный писатель по-

терялъ жену, молодую еще женщину, и въ семейномъ горѣ Сенкевича приняло горячее участіе все польское общество.

Болеславъ Прусъ (псевдонимъ г. Блавацкаго) — молодой еще писатель, у насъ почти неизвѣстенъ. Онъ пишетъ повѣсти въ томъ же родѣ, какъ Сенкевичъ, но наиболѣе знаменитъ и любимъ, какъ фельетонистъ и хроникеръ варшавской жизни. Между прочимъ, онъ помѣщаетъ свои бойкіе фельетоны въ газетѣ „Kurier Warszawsky“, самомъ распространенномъ варшавскомъ изданіи.

Г-жа Элиза Оржешко или Оржешкова, живетъ больше въ Гродно, чѣмъ въ Варшавѣ. Это самая видная представительница польскихъ autoress. Умъ, патріотизмъ и практическая сметка польскихъ женщинъ мною описаны. Если справедливо положеніе г-жи де-Жирарденъ, что француженки умнѣе французовъ,— чѣмъ послѣдніе отличаются будто бы отъ другихъ народовъ,— то еще бы легче доказать, что польки въ массѣ гораздо умнѣе поляковъ. Несмотря на такое превосходство въ умственномъ и особенно въ нравственномъ отношеніи — по отношенію къ характеру — роль, которую женщины до сихъ поръ играли въ польской литературѣ, была скромная. Ничего похожаго на значеніе г-жъ Сталь или Жоржъ Сандъ ни у одной польской писательницы не было. Ихъ вліянія на собственную литературу нельзя сравнивать съ значеніемъ даже такихъ писательницъ, какъ во Франціи г-жи Скюдери, Коттенъ, или въ Англіи Шарлоты Бронти. Даже если сопоставить значеніе польскихъ писательницъ съ русскими, то пожалуй не будешь знать, кому отдать преимущество, а извѣстно, какое малое

участіе принимали до сихъ поръ женщины въ нашей литературѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ дамъ, пожелавшихъ подѣлиться съ публикою собственными „признаніями“. Только въ послѣднее время, въ Польшѣ прекрасный полъ выступилъ въ литературѣ рельефнѣе.

Романъ съ его мелочными описаніями и картинками домашней жизни, особенно подходящая форма для женскаго писанія. Англичанки посвящаютъ себя этому жанру съ остервененіемъ, которое должно ужасать людей со вкусомъ. Романъ и для польскихъ писательницъ сдѣлался любимою формою съ того самаго времени, когда получитъ преобладающее значеніе въ европейской литературѣ. Еще въ прошломъ столѣтіи, княгиня Марья Чарторыжская, вышедшая замужъ за принца Виртембергскаго, въ своемъ романѣ „Мальвина“, описала польскую семейную жизнь. Затѣмъ къ школѣ Крашевскаго принадлежала г-жа Гофманнъ, а представительницею переходной къ реализму школы была г-жа Моржковская (Марренэ). Къ новой реальной школѣ романистовъ относятся г-жа Садовская (Згибневъ), г-жа Марья Шелига и г-жа Жмиховская (Габріель), но г-жа Оржешко всѣхъ ихъ превзошла талантомъ. Успѣхъ ея тѣмъ замѣчательнѣе, что полное предразсудковъ польское общество не очень-то склонно къ проповѣди реализма.

Какъ у всѣхъ женщинъ-писательницъ, реализмъ этотъ впрочемъ у г-жи Оржешко прилагается болѣе къ нашему полу; женщины въ ея романахъ всегда болѣе или менѣе совершенны. Кромѣ реализма, она отличается и либерализмомъ своихъ воззрѣній: недостатки дворянства, національные и сословные предразсудки, ханжество — все это осмѣивается ею въ рядѣ разнообразныхъ портре-

товъ, ставящихъ г-жу Оржешко на одно изъ первыхъ мѣстъ среди польскихъ современныхъ романистовъ. Сочиненія ея хорошо извѣстны и у насъ по переводамъ. По манерѣ изложенія, довольно скучноватой, Оржешко приближается къ англійскимъ романисткамъ.

Въ Варшавѣ проживаетъ и извѣстная женщина-поэтъ, г-жа Ядвига Лущевская, болѣе извѣстная подъ псевдонимомъ Деотымы. Въ стихахъ этой польской Коринны преобладаетъ непосредственность и импровизація, почему форма ихъ всегда небрежна. Это пожалуй бы еще ничего, сравнительно съ манерностью большинства современныхъ польскихъ поэтовъ (кромѣ Сырокомли), но и содержаніе стиховъ Деотымы слишкомъ причудливо и темно. Драматическія ея произведенія еще слабѣе. По наружности — это дѣва лѣтъ пятидесяти, отличающаяся небрежнымъ и эксцентрическимъ костюмомъ.

Литература и журналистика находится въ Варшавѣ въ тѣсной связи. Драматурги и романисты стоятъ даже во главѣ наиболѣе видныхъ періодическихъ изданій. Касательно послѣднихъ я могу дать только отрывочныя свѣдѣнія, притомъ лишь о той части ихъ, которая находится такъ сказать ежедневно въ рукахъ публики, общая же масса польской періодической печати, если взять изданія литературныя, ученыя, торговыя и финансовыя, сельско-хозяйственныя, иллюстрированныя, сатирическія и др., очень велика. Я скажу нѣсколько словъ только о большой и малой прессѣ.

Политическая печать представляется въ Варшавѣ ежедневными газетами: „Gazeta Warszawska“, „Gazeta Polska“, „Słowo“, „Wiek“, „Prawda“ и „Chwila“. Чтобы оцѣнить разницу въ этихъ изданіяхъ, недостаточно еще

знать различіе въ направленіи польскихъ политическихъ и литературныхъ партій, но надобно еще быть постояннымъ читателемъ польскихъ газетъ, т. е. съ дѣтства пріучится понимать тотъ эзоповскій языкъ, который эта печать себѣ усвоила, стараясь обойти цензурныя стѣсненія. Въ этомъ отношеніи польскіе литераторы дошли до высокой виртуозности и, не называя никогда вещей собственными именами, они всегда умѣютъ высказать мнѣніе по какому угодно вопросу и дать общественному мнѣнію надлежащій тонъ. Причемъ одинаково служатъ не только разсужденія, но и систематическое умолчаніе о какомъ либо извѣстномъ предметѣ. Польская публика отлично знаетъ и понимаетъ такую іезуитскую тактику и потому находитъ въ чтеніи варшавскихъ газетъ интересъ, который постороннему человѣку, держащему въ рукахъ эти неказистые съ виду листки, совсѣмъ кажется непонятнымъ.

Самое дѣленіе варшавскихъ газетъ на партіи, проявляется не въ платоническихъ только оттѣнкахъ: варшавскіе журналисты полемизируютъ очень горячо между собою, обвиняя подъ часъ другъ друга Богъ знаетъ въ какихъ преступленіяхъ. При мнѣ „Przegląd tygodniowy“, еженедѣльная газета прогрессивнаго направленія, написала громовую статью „о литературной чести“, въ заключеніе которой говорила, что „литераторы, претендующія на имя честныхъ людей, не должны продавать всего, не исключая и своей собственной чести“! Поученіе, не лишенное пикантности, ибо оно очевидно направлено противъ извѣстныхъ личностей варшавской печати, а не плодъ только отвлеченныхъ академическихъ размышленій.

Самое названіе партій у поляковъ имѣетъ иное значеніе, нежели въ другихъ странахъ. Такъ какъ поляки всѣ политическіе событія, со времени раздѣла Польши, привыкли оцѣнивать исключительно съ точки зрѣнія коньюнктуръ, которыя могутъ повлечь за собою возстановленіе Рѣчи Посполитой, то и понятіе, которое они подразумѣваютъ подъ извѣстнымъ названіемъ партій, совсѣмъ иногда не соотвѣтствуетъ установленной терминологіи. Такъ, напримѣръ, подъ консерваторомъ поляки разумѣютъ не человѣка, охраняющаго „существующій“ порядокъ вещей, а человѣка, готоваго хоть съ ножемъ въ рукахъ добиваться возстановленія Польши въ границахъ 1772 года. Подъ радикаломъ поляки разумѣютъ не человѣка, который добивается перемѣны по извѣстной предвзятой, узкотеоретической, прямолинейной мѣркѣ, а каждаго, кто не признаетъ божественнаго происхожденія шляхетскихъ и особенно магнатскихъ и клерикальныхъ претензій. А такъ какъ въ Польшѣ, этой бывшей quasi-республикѣ, сословные предразсудки вошли въ плоть и кровь, то радикалы среди прочихъ литераторовъ играютъ въ Варшавѣ роль паріевъ, лучшее общество не допускаетъ ихъ въ свою среду. На словахъ же къ своимъ писателямъ поляки относятся съ большимъ уваженіемъ и не торгуются при возведеніи ихъ въ знаменитости.

Изъ перечисленныхъ выше ежедневныхъ газетъ, „Gazeta Warszawska“, редактируемая г. Кенигомъ, братомъ столь извѣстнаго въ Петербургѣ покойнаго И. Ѳ. Кенига, начальника Николаевской желѣзной дороги, есть старѣйшій органъ польской періодической печати; онъ издается съ 1773 года, т. е. уже 112 лѣтъ, и служитъ ор-

ганомъ консервативной партіи. Интересамъ той же партіи служитъ шляхетская газета „Wiek“. Это едва ли не лучшая газета въ Варшавѣ въ смыслѣ обстоятельности и полноты изложенія, она и больше другихъ по объему; „Wiek“ имѣетъ также весьма хорошаго корреспондента въ Петербургѣ. Болѣе либеральною, если это слово приложимо къ варшавской печати (въ политическомъ же отношеніи польскій либерализмъ отличается отъ консерватизма большею нѣжностью къ жидамъ и нѣмцамъ и тѣмъ, что не допускаетъ для осуществленія польскихъ иллюзій насильственныхъ переворотовъ), представляется „Gazeta Polska“, редактируемая г. Лео. Она была основана когда-то на счетъ извѣстнаго банкира Кроненберга и редактировалась Крашевскимъ, съ цѣлью восхваленія двуличной политики маркиза Велепольскаго, приведшей къ возстанію 1863 г. Л. Лео, еврей, онъ шуринъ г. Кроненберга, потому его газета болѣе органъ дѣловыхъ людей. Поляки хвалятъ ее за отличное веденіе отдѣла иностранной политики.

Значеніе газеты ультра-аристократической перешло къ газетѣ „Słowo“, недавно основанной и редактируемой упомянутымъ выше Генрыкомъ Сенкевичемъ и извѣстнымъ варшавскимъ драматургомъ Залевскимъ. Редакторство Сенкевича, говорятъ, болѣе номинальное, но при такомъ сотрудничествѣ „Słowo“, понятно, выдается наилучшимъ литературнымъ отдѣломъ; оно имѣетъ также болѣе изящную внѣшность.

Польскіе прогрессисты или радикалы имѣютъ въ Варшавѣ своимъ ежедневнымъ органомъ газету „Prawda“, основанную пять лѣтъ назадъ и редактируемую извѣстнымъ тенденціознымъ драматургомъ и беллетристомъ

г. Свѣнтоховскимъ. Послѣдній и какъ публицистъ пользуется между поляками громкою славою, но вмѣстѣ съ этимъ—репутаціей человѣка крайне раздражительнаго, самолюбиваго и нетерпимаго въ своихъ мнѣніяхъ. Направленіе прогрессистскихъ органовъ отличается отъ консервативныхъ космополитичностью; на первомъ планѣ радикалы ставятъ соціальные вопросы, улучшеніе народнаго быта и благосостоянія низшихъ классовъ, внѣ этого политическіе вопросы и комбинаціи кажутся имъ не имѣющими существеннаго значенія. Понятно, подобные взгляды очень не по нутру шляхетскимъ органамъ печати.

Особое мѣсто въ ряду варшавскихъ ежедневныхъ политическихъ газетъ заняла, основанная недавно, газета „Chwila“ (Минута). Редакторъ-издатель ея, человѣкъ минуты, г. Пршиборовскій, былъ прежде радикаломъ, но въ настоящее время измѣнилъ свои воззрѣнія и, располагая, какъ домовладѣлецъ, нѣкоторыми средствами, основалъ органъ, задавшійся если не примиреніемъ, то сближеніемъ поляковъ и русскихъ на почвѣ общихъ интересовъ.

Въ своихъ редакціонныхъ статьяхъ г. Пршиборовскій доказываетъ, что главный врагъ поляковъ, какъ и прочихъ славянъ — Германія; что какъ въ средніе вѣка Польша спаслась отъ напора нѣмцевъ соединеніемъ съ полуязыческой Литвой, такъ единственное спасеніе поляковъ отъ единой Германіи, тянущей роковымъ образомъ къ Востоку, — это сближеніе съ Россіей. Какъ ни невинна съ русской точки зрѣнія эта теорія, давно ставшая краеугольнымъ камнемъ чешскихъ и другихъ западно-славянскихъ публицистовъ, но для поляковъ, вос-

питанныхъ въ традиціонной ненависти къ Россіи и ко всему русскому, она показалась ужасно смѣлою и антипатріотичною.

„Хвилю“ многіе поляки считаютъ органомъ чуть не измѣны польскому дѣлу и для редактора ея надобно много силы воли и независимости характера, чтобы вести свою пропаганду. Пока успѣхъ „Хвили“ посредственный; она, говорятъ, имѣетъ не болѣе 700 подписчиковъ и потому, по наружности, не къ выгодѣ своей отличается отъ другихъ варшавскихъ газетъ. Несомнѣнно, однако, что идеямъ этой газеты принадлежитъ будущее. Для насъ же, русскихъ, уже утѣшительна мысль, что нашлось среди поляковъ семьсотъ человѣкъ, трезво смотрящихъ на вещи и чуждыхъ политическихъ фантазій. Вѣдь и Христосъ еще заповѣдалъ болѣе радоваться о спасеніи одного грѣшника, нежели десяти праведниковъ. Къ тому же идеи, какъ показало и христіанство, развиваются иногда съ быстротою поразительною и непонятной для человѣческаго ума. Составляя въ началѣ удѣлъ кружка, оставаясь десятки лѣтъ незамѣченными или презираемыми, онѣ вдругъ охватываютъ милліоны людей, увлекаютъ массы и совершаютъ чудеса.

Число читателей польскихъ газетъ постоянно увеличивается, а критики и въ Варшавѣ жалуются, что періодическая печать убиваетъ книгу. Польская литература должна поневолѣ укладываться на Прокустово ложе ежедневныхъ газетъ, принимая все болѣе и болѣе фельетонный характеръ. Не смотря на такой успѣхъ въ публикѣ, польскія газеты мало еще чѣмъ отличаются отъ нашихъ газетъ до 1866 года, когда надъ послѣдними лежала, въ видѣ Дамоклова меча, баночка съ красными

чернилами цензора и когда, на каждый день, заготовлялось двѣ статьи, одна изъ которыхъ въ запасъ на случай совершеннаго искаженія цензоромъ первой статьи.

Политическій отдѣлъ, занимающій большую часть варшавскихъ газетъ, посвящается исключительно иностранной политикѣ, притомъ преимущественно французской, ибо отъ Франціи долгое время ждали поляки возрожденія. Убѣдившись, что съ 1871 г. французы о нихъ думаютъ менѣе, чѣмъ о тонкинцахъ, поляки принялись теперь за Австро-Венгрію, мечтая создать какую-то тріаду: Австро-Венгро-Польшу, которая послужитъ предисловіемъ къ возстановленію настоящей Польши въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ ее оставилъ Сигизмундъ. Потому австрійской политикѣ и вѣнскимъ дѣламъ варшавскія газеты посвящаютъ теперь очень много мѣста и глубокомысленнѣйшимъ образомъ ихъ коментируютъ. По другимъ вопросамъ передовыя статьи въ варшавскихъ газетахъ являются очень рѣдко и отличаются болѣе своимъ крупнымъ шрифтомъ, нежели оригинальностью.

Послѣ иностранной политики очень много мѣста беретъ фельетонъ, состоящій по большей части изъ какого либо романа польскаго или переводнаго, подаваемаго маленькими кусочками; затѣмъ, конечно, идетъ театръ, библіографія, биржа, городская хроника, письма изъ разныхъ мѣстъ, гдѣ живутъ поляки, и пр. Менѣе всего, какъ я сказалъ, оставляется мѣста для обсужденія внутреннихъ вопросовъ. Такое пренебреженіе особенно замѣчается, впрочемъ, въ старыхъ изданіяхъ, новыя же стараются отказаться отъ рутины. Отъ варшавскихъ политическихъ газетъ нельзя, впрочемъ, слишкомъ

многаго и требовать; онѣ имѣютъ мало подписчиковъ, сравнительно съ большими газетами въ другихъ странахъ, даже сравнительно съ нѣкоторыми русскими изданіями. Едва ли не maximum подписчиковъ 4 или 5 тыс. изъ политическихъ органовъ имѣетъ „Gazeta Warszawska“, остальныя газеты вынуждены довольствоваться гораздо меньшею цифрою. При такомъ числѣ подписчиковъ и годовой платѣ въ Варшавѣ 9 руб. и въ провинціи 12 руб. въ годъ, варшавскимъ изданіямъ трудно держаться на высотѣ другихъ столичныхъ изданій, онѣ живутъ только доходомъ отъ объявленій. Въ редакціонномъ смыслѣ, положеніе издателей болѣе легкое: литераторовъ въ Варшавѣ очень много и литературный трудъ оплачивается очень дешево.

Въ числѣ предметовъ, упоминать о которыхъ не поворачивался прежде языкъ у польскихъ публицистовъ, была Россія и все русское. Еще пять, шесть лѣтъ назадъ, въ варшавскихъ газетахъ можно было найти извѣстія даже изъ внутренней Африки, но почти никогда о Россіи. Россіей усиленно занимались только галиційскія и познанскія газеты — въ Царствѣ Польскомъ, вообще, запрещенныя, хотя распространяющіяся негласными путями. Но извѣстно, что это были за статьи. Кромѣ клеветы, сплошной и завѣдомой лжи, ничего тутъ не было. Случись гдѣ нибудь солдату побить въ кабакѣ жидка, чтобы сейчасъ въ „Часѣ“ или „Дневникѣ Познанскомъ“, появилась длиннѣйшая корреспонденція объ избіеніи тысячи поляковъ, убіеніи дѣтей, ограбленіи костеловъ и т. д., и т. д. Редакція коментировала корреспонденцію соотвѣтствующей передовицей. Но, наконецъ, и заграничныя польскія газеты утомились о Россіи врать, а

варшавскимъ газетамъ надоѣло молчать о предметѣ, ихъ наиболѣе интересующемъ.

Какъ бы по данному mot d'ordre, съ бѣдной Россіи былъ запретъ снятъ, и если просматривать теперь варшавскія газеты, то убѣдишься, что Россіи онѣ посвящаютъ чуть не треть своихъ столбцовъ и вообще отводятъ русскимъ дѣламъ во сто разъ болѣе вниманія, чѣмъ въ русскихъ газетахъ отводится польскимъ дѣламъ.

Каждая варшавская газета имѣетъ теперь отдѣлъ „Z dziennikow rossyjskich“ или „Z prasy rossyjskie“, представляющій обозрѣніе нашей печати, нѣчто въ родѣ „Среди газетъ и журналовъ“ „Новаго Времени“; затѣмъ, всѣ варшавскія газеты имѣютъ корреспонденціи „Z Petersburga“, представляющія, по большей части, также выборки изъ русскихъ газетъ. Независимо отъ этого, варшавскія газеты берутъ изъ нашихъ изданій административные и другіе слухи. Такое широкое позаимствованіе, какъ я уже говорилъ, не лишено значенія, оно показываетъ, что сила вещей вызываетъ ознакомленіе поляковъ съ Россіей, а отъ такого знакомства недалеко до созданія русской партіи въ Польшѣ. Если русская партія могла быть и очень сильною во время Рѣчи Посполитой, то, конечно, нѣтъ причинъ не создаться ей и теперь на почвѣ матеріальныхъ интересовъ. Я убѣжденъ, что только наша неумѣлость мѣшала до сихъ поръ образованію подобной партіи въ Варшавѣ. Разъ же она организуется и заручится вліятельными органами общественнаго мнѣнія, вопросъ „сближенія“ пойдетъ очень скоро къ разрѣшенію; тогда только частица польской аристократіи и духовенства останется въ явной оппозиціи, но это элементъ, хотя и крупный, но не такой, чтобы изъ-

за него одного слѣдовало держать въ Польшѣ двухсотъ-тысячную армію.

При тягости цензуры, малая ежедневная печать могла, конечно, развиваться въ Варшавѣ съ большимъ удобствомъ, нежели большая. Въ этомъ случаѣ надобно признать, что представители варшавской малой печати, такъ называемыя „курьерки“, не отстали отъ подобныхъ же заграничныхъ изданій и далеко опередили нашу малую печать, держащуюся болѣе успѣхомъ двухъ трехъ популярныхъ, въ извѣстномъ слоѣ, писателей, нежели хорошей организаціей своей хроники. Успѣху курьерковъ содѣйствуетъ также поверхностный, жадный къ перемѣнамъ, неустойчивый, переходящій изъ одной крайности въ другую и вообще любящій новизну характеръ поляковъ и особенно варшавянъ. Много значитъ и то, что Варшава городъ небольшой, какъ бы провинціальный, гдѣ всѣ знаютъ болѣе или менѣе другъ друга, и гдѣ пересуды легко находятъ себѣ пищу, замѣняя болѣе серьезную умственную пищу для большинства.

Какъ бы тамъ ни было, но издатели курьерковъ превосходно съумѣли воспользоваться означенными сторонами варшавской общественной жизни, и организовать свое дѣло такъ, что современный варшавянинъ безъ курьерка немыслимъ. Эти газетки сдѣлались ему такъ же необходимыми, какъ „кава“ утромъ, какъ „шпациръ“ послѣ обѣда, и варшавяне легче, кажется, перенесли бы пятый раздѣлъ Польши, нежели уничтоженіе курьерковъ... Я говорю о *пятомъ* раздѣлѣ, какъ о предстоящемъ, хотя остряки петербургскихъ канцелярій давно порѣшили, что этотъ раздѣлъ уже состоялся, именно когда часть казенныхъ лѣсовъ была выпрошена разными

лицами, передавшими потомъ свои пожалованія въ руки жидовъ. Но возвратимся къ курьеркамъ.

Первообразомъ ихъ служитъ „Kurier Warszawsky“, редактируемый Вацлавомъ Шимановскимъ. Это газета въ форматѣ четвертой части листа, но выходящая два раза въ день и дающая по числу страницъ матеріала для чтенія не менѣе нашихъ большихъ газетъ, за годовую плату 9 р. Она имѣетъ болѣе 20,000 подписчиковъ и ста тысячъ рублей дохода отъ объявленій; другими словами, представляетъ весьма выгодное коммерческое предпріятіе. Редакція „Курьера“ привлекаетъ къ себѣ извѣстныхъ литераторовъ, она имѣетъ также постоянный персоналъ бойкихъ сотрудниковъ, изучившихъ пріемы „Figaro“ и тому подобныхъ изданій и умѣющихъ по каждому вопросу или случаю написать въ минуту нѣсколько остроумныхъ строкъ. Сила редакціи и тайна ея блестящаго успѣха не въ этомъ еще. Основатель „Курьера“ желалъ сдѣлать свою газету „органомъ всѣхъ и для всѣхъ“, почему, онъ привлекъ почти поголовно Варшаву къ участію въ своемъ „Курьерѣ“ и расплачивается за означенное участіе собственною же газетою.

Въ Варшавѣ масса людей, по цѣлымъ днямъ разгуливающихъ и собирающихъ сплетни и новости, особенно между отставными чиновниками. Это народъ бѣдный, и для него каждый рубль заработка пріятная случайность; средствъ къ выпискѣ газеты также у большинства нѣтъ. Вотъ этимъ-то контингентомъ и воспользовался основатель „Курьера“. Секретарь редакціи сидитъ цѣлый день и принимаетъ всякія заявленія, письма, словесныя сообщенія; съ каждымъ обходятся привѣтливо; если изъ сообщенія была взята хотя одна строка, эта строка бу-

детъ автору ея зачтена и аккуратнѣйшимъ образомъ оплачена. Такимъ образомъ приносятся въ редакцію массы новостей и приносители въ концѣ мѣсяца получаютъ за нихъ по разсчету какое нибудь вознагражденіе или даровой экземпляръ газеты, которой приносители считаютъ себя какъ бы сотрудниками и всячески пропагандируютъ и рекламируютъ въ публикѣ. Полученныя изъ разныхъ рукъ новости быстро сортируются, передѣлываются, комментируются и печатаются. Редакція организована такъ хорошо, что если какое нибудь засѣданіе происходитъ въ Варшавѣ до обѣда, то варшавяне найдутъ отчетъ о происходившемъ, довольно подробный, во второмъ изданіи того же дня, появляющемся не позже 7 часовъ вечера. Ничего подобнаго у насъ въ Петербургѣ нѣтъ, а равно нѣтъ и такой живой хроники, которая организована въ Варшавѣ. Современемъ курьерки представятъ богатѣйшій матеріалъ для исторіи варшавской общественной жизни. Курьерки не брезгаютъ и политикой, но такъ какъ они назначены для людей средней руки, полныхъ предразсудковъ, то и политика эта ведется въ духѣ „консервативномъ“, т. е. въ духѣ рутинныхъ польскихъ воззрѣній.

Матеріальный успѣхъ „Kurier Warszáwsky'аго“ естественно вызвалъ много подражаній. Всегда пріятно подѣлиться чужими барышами. Въ настоящее время имѣются уже „Kurier Codzienny“—редакторъ Мечиславъ Оржельбрандъ, магистръ правъ и администраціи, „Kurier Poranny“, издающійся Феликсомъ Фризе, „Dziennik dla Wszystkich“, имѣющій очень большой тиражъ и напоминающій по характеру нашъ „Сынъ Отечества“, и др. Всѣ эти органы очень похожи между собою, каждый

имѣетъ своихъ сторонниковъ, каждый имѣетъ и свои спеціальныя достоинства, но въ общемъ они уступаютъ въ умѣніи и популярности „Курьеру Варшавскому". „Ежедневный Курьеръ" немногимъ уже, впрочемъ, уступаетъ послѣднему.

Искусство „Варшавскаго Курьера" особенно проявилось въ 1881 году, когда тиражъ газеты почти удвоился. Ужасное событіе 1-го марта и въ Варшавѣ поразило всѣхъ и возбудило общественное вниманіе. Редакція „Курьера" немедленно командировала въ Петербургъ одного изъ лучшихъ польскихъ публицистовъ, г. Пильца, ассигновавъ ему значительный кредитъ на телеграммы. Г. Пильцъ отлично исполнилъ свою задачу, доставляя самые полные и обстоятельные отчеты о томъ, что творилось въ Петербургѣ. Это тотъ самый г. Пильцъ, который издаетъ теперь въ Петербургѣ газету „Kraj", съумѣвшую занять довольно быстро выдающееся мѣсто среди польской печати въ Россіи.

Совершенно особнякомъ отъ прочей варшавской печати стоитъ „Варшавскій Дневникъ" — русскій офиціальный органъ въ Царствѣ Польскомъ. Роль его двоякая: съ одной стороны знакомитъ поляковъ съ воззрѣніями правительства на различныя проявленія польской жизни, съ другой — знакомить русское общество и особенно печать съ тѣмъ, что совершается въ Царствѣ Польскомъ, такъ какъ у насъ газеты на польскомъ языкѣ чрезвычайно рѣдко просматриваются. Задача эта очень трудная и такому органу приходилось держать себя съ большимъ тактомъ и искусствомъ.

Въ настоящее время редакція „Варшавскаго Дневника" поручена извѣстному писателю П. К. Щебаль-

скому, котораго „Царевна Софія“ въ свое время составила почти эпоху въ направленіи нашихъ историческихъ изслѣдованій. Какъ москвичъ, г. Щебальскій чутко относится ко всему, что касается интересовъ Россіи, съ другой стороны, довольно продолжительное пребываніе въ Царствѣ Польскомъ ознакомило его близко съ требованіями этой части имперіи. Въ его рукахъ газета чужда какого либо презрительнаго задора по отношенію къ польской національности, напротивъ, она постоянно стоитъ на точкѣ зрѣнія интересовъ самого польскаго общества, понимаемыхъ, конечно, иначе, чѣмъ понимаютъ ихъ разные „станчики“ и „змартвыхвстанцы“—іезуиты и радикалы. Поэтому „Варшавскій Дневникъ“ внимательно слѣдитъ, напримѣръ, за славянскимъ дѣломъ заграницей, а равно въ тѣхъ частяхъ бывшей Рѣчи Посполитой, которая досталась Пруссіи и Австріи и здѣсь ищетъ нравоученій и указаній для поляковъ.

Г. Щебальскому, съ которымъ я когда-то путешествовалъ въ Египетъ, помогаетъ кружокъ русскихъ литераторовъ и ученыхъ; между ними наиболѣе дѣятеленъ г. Чистяковъ, служившій въ Царствѣ Польскомъ болѣе двадцати лѣтъ, между прочимъ по крестьянскимъ учрежденіямъ, и отлично изучившій нравы и потребности польскаго общества. Въ кружкѣ этихъ почтенныхъ лицъ я провелъ въ Варшавѣ нѣсколько пріятныхъ часовъ.

ЛОНДОНЪ И ПАРИЖЪ

I.

Наружность Лондона, ея измѣненіе, дороговизна жизни. — Жиды. — Англійская кухня.—Женщины въ Лондонѣ. — Повороты общественнаго мнѣнія.—Русская колонія.

Я не былъ въ Лондонѣ слишкомъ двадцать лѣтъ и нашелъ въ немъ очень большія перемѣны. Уже на желѣзной дорогѣ замѣтно вліяніе постоянныхъ путешествій англичанъ на континентъ. Хотя станціонныя зданія весьма скромны, вагоны тѣсны и неудобны, поѣзда приходятъ и уходятъ безъ звонковъ, предоставляя публикѣ разбираться самой, но кондукторы и другіе служащіе очень вѣжливы и предупредительны. Я не разинулъ рта, а мой багажъ былъ полученъ съ бельгійскаго парохода, досмотрѣнъ въ таможнѣ и уложенъ въ поѣздъ.

Въ городѣ также огромныя перемѣны: во-первыхъ, онъ сталъ гораздо опрятнѣе; прежде чистили только траву въ скверахъ, въ настоящее время отличную мостовую на главныхъ улицахъ, деревянную или асфальтовую, метутъ безпрерывно, тротуары чисты и гладки, дома, крашенные масляною краскою, моютъ часто мыломъ. Мало того, вычистили всѣ многочисленные монументы

и начали счищать и смывать аршинный слой грязи и сажи съ собора св. Павла. Соборъ, оказывается, покрытъ бѣлымъ мраморомъ. Прежде, подъ слоемъ сажи статуи англійскихъ великихъ людей напоминали памятники трубочистамъ. Подъ вліяніемъ сохранявшихся еще традицій классической школы, монументы эти казались странными, почти забавными въ своемъ натурализмѣ, теперь послѣ очистки снаружи, да и послѣ очистки вкуса публики, они кажутся интересными. Есть, конечно, и исключенія, въ родѣ гигантскаго памятника принцу Альберту, въ Гайдъ-паркѣ. Этотъ монументъ напоминаетъ кондитерскій пирогъ.

Число монументовъ быстро ростетъ на площадяхъ; правда, Англія произвела на свѣтъ безчисленное множество великихъ и знаменитыхъ людей. Въ постановкѣ нѣкоторыхъ памятниковъ руководила иронія. Такъ, статуя извѣстнаго сифилидолога Гунтера поставлена въ углу Лейстеръ-сквера — этого центра лондонской проституціи.

Архитектура Лондона также замѣтно измѣнилась къ лучшему. Въ общественныхъ зданіяхъ неудачныя подражанія древности замѣнены готикою или англійскимъ ренессансомъ, болѣе подходящими къ англійскому климату; всѣ новыя постройки величественны. Да и новые жилые дома нерѣдко возводятся въ четырнадцать этажей! Среди прежней сплошной массы маленькихъ трехъэтажныхъ коробочекъ, въ которыхъ любятъ жить особнякомъ англійскія семейства, теперь на парижскій ладъ проломаны длинныя широкія улицы; въ послѣднихъ легко оріентироваться, хотя лондонская нумерація домовъ неудобнѣе нашей, такъ какъ номера идутъ под-

рядъ до конца улицы съ одной стороны и затѣмъ продолжаются на другой въ обратномъ направленіи. Центромъ этихъ новыхъ лучей избранъ Трафальгаръ-скверъ. Вдоль Темзы отъ парламента, осматривать который публику не пускаютъ изъ опасенія ирландскихъ нигилистовъ, до моста Блекъ-Фраіарса устроена широкая набережная королевы Викторіи, обстраивающаяся дворцами. Дворцами обзавелись разныя общества, а про музеи и говорить нечего. Знаменитый Кенсингтонскій— это рядъ дворцовъ, отданныхъ наукѣ, хотя увы! и здѣсь я замѣтилъ, что въ музеяхъ полисменовъ гораздо болѣе, чѣмъ публики. Кабакъ остается главною школою для народа, музеи же кормятъ ученый пролетаріатъ. Въ свою очередь, перестройки кормятъ представителей города: въ Строительномъ комитетѣ воровство, говорятъ, страшное.

Не смотря на расширеніе улицъ, устройство для пѣшеходовъ посреди улицъ убѣжищъ, прекрасное освѣщеніе и постоянныя указанія, что надобно держаться лѣвой стороны (въ Англіи экипажи разъѣзжаются лѣвой стороной), движеніе подчасъ очень затруднительно, тѣмъ болѣе, что ломовымъ извозчикамъ по самымъ даже узкимъ улицамъ Сити дозволяютъ ѣздить днемъ, а англійскіе извозчики двухколесные (генсомы) и четырехколесные (форвилеры) ѣздятъ во всю прыть на своихъ рѣзвыхъ лошадкахъ, съ обрубленными по-рѣпицу хвостами. Двухколесные извозчики, впрочемъ, попрежнему преобладаютъ; они устроены очень практично для защиты отъ дождя и разговора съ извозчикомъ, сидящимъ сзади, и ловко управляются; самый маленькій конецъ на наши деньги стоитъ, однако, 60 коп.; правда, къ

услугамъ бѣдныхъ людей въ Лондонѣ масса омнибусовъ, скоро ѣздящихъ городскихъ желѣзныхъ и конно-желѣзныхъ дорогъ. Послѣднія позволяютъ людямъ, ищущимъ чистаго воздуха, жить за городомъ, являясь въ Лондонъ только въ дѣловые часы.

Среди уличной суеты города съ четырьмя милліонами жителей, полисмены оказываютъ огромныя услуги. Здѣсь не машутъ руками и не кричатъ на проѣзжающихъ: скорѣе! когда ѣдешь тихо, и—тихо! если ѣдешь скоро. Но при всякой задержкѣ является полисменъ, подымаетъ палецъ, останавливаетъ движеніе и пропускаетъ кого нужно. Одинъ кардиналъ, объѣхавшій Европу, говорилъ, что его поразили только двѣ вещи: полисмены въ Лондонѣ и Эденъ-театръ въ Парижѣ. Эденъ теперь сильно упалъ, но полисмены остаются во всемъ ихъ величіи. Одна наружность чего стоитъ! По этой части истинной эмблемой англійскаго могущества можетъ служить полисменъ, стоящій близъ Лондонскаго моста. Такихъ кулаковъ не найти во всей Европѣ! Полиціи, впрочемъ, мало на улицахъ и самый костюмъ ея не бросается въ глаза.

Благодаря улучшенію полиціи, пьяныхъ и нищихъ теперь на лучшихъ улицахъ Лондона не видать, между тѣмъ въ 1867 году васъ буквально атаковывали толпы почти голыхъ женщинъ съ двумя-тремя такими же дѣтьми на рукахъ, а отъ проститутокъ вечеромъ прохода не было. За то въ другихъ отношеніяхъ на улицахъ Лондона осталась полная свобода: каждую минуту играютъ концерты странствующихъ музыкантовъ, даютъ представленія фокусники, а шарманки день и ночь пилятъ: En revenant de la Revue. Эта пѣсенка, создавшая

славу генерала Буланже, необыкновенно популярна въ Лондонѣ. Подъ звуки ея я видѣлъ даже марширующихъ серьезно blue-coats-boys — воспитанниковъ знаменитой въ Сити школы Christ's Hospital, основанной еще при Эдуардѣ VI. Ученики ея обязаны носить синій халатъ, желтые штаны и въ какую угодно погоду ходить по улицамъ безъ шляпъ. Поражаетъ въ Лондонѣ на улицахъ также изобиліе велосипедовъ. Для продажи ихъ существуетъ множество магазиновъ. Для избѣжанія столкновеній велосипеды снабжены звонками, а ночью фонарями.

Въ полночь въ Лондонѣ все стихаетъ, ибо всѣ кабаки, рестораны, театры и пр. обязательно закрываются. Для обхода закона существуютъ только маленькіе клубы, гдѣ записываютъ въ книгу для вида людей, желающихъ выпить въ неурочный часъ. Въ воскресеніе жизнь также замираетъ: не принимаютъ и не раздаютъ даже писемъ; магазины, кромѣ табачныхъ лавокъ, закрыты, а питейныя заведенія и рестораны заперты во время церковной службы. Исключеніе сдѣлано только для буфетовъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и дилижансовъ, но и туда не пускаютъ иначе, какъ по предъявленіи билетовъ. Правда, давъ на водку, можно пройти по одному билету пятерымъ. Въ Англіи вообще „на водку“ весьма распространено, такъ какъ англичане народъ въ сущности щедрый и не считаютъ мелочныхъ расходовъ.

Оригинальность Лондону придаетъ еще безчисленное множество скверовъ и парковъ съ старыми, красивыми деревьями. Отъ скверовъ пользы еще немного, ибо въ нихъ обыкновенно никого не пускаютъ, пользуются же скверами жители сосѣднихъ домовъ, имѣющіе для того

особые ключи. За то парки, занимающіе среди города десятки и сотни десятинъ, полны народомъ. Отъ самаго центра Лондона парками можно доѣхать до Ричмонда, Кью и др. прелестныхъ загородныхъ мѣстъ, почти не видя городскихъ строеній. Въ особенности же толпа велика въ паркахъ въ 10 часовъ утра, когда фешенебельная публика катается верхомъ, и въ 4 часа, когда она, уже два раза плотно позавтракавъ, катается въ экипажахъ въ ожиданіи вечерняго чая, который опять лишь предисловіе къ основательному обѣду.

Этотъ вечерній чай въ 5 часовъ составляетъ во время сезона моментъ визитовъ и каждая хозяйка назначаетъ для него день, когда ея салонъ обращается въ базаръ. Публика толпится, не обращая вниманія есть ли мѣсто или нѣтъ, идетъ усиленное истребленіе чая, кофе, шоколада и разныхъ кондитерскихъ печеній, а въ это время поютъ, играютъ или декламируютъ, такъ какъ recitations въ большой теперь модѣ въ Лондонѣ и джентельменовъ, способныхъ кричать нѣтухомъ, или, закрывъ глаза, декламировать тирады изъ Шекспира, приглашаютъ нарасхватъ. Каждая изъ свѣтскихъ барынь должна посѣщать въ сезонъ ежедневно полдюжины подобныхъ five o'clok.

Не смотря на однообразіе англійской жизни, общій train ея роскошенъ и говорятъ, что въ настоящее время люди, имѣющіе по 40,000 фунтовъ въ годъ дохода, т. е. на наши деньги болѣе 400,000 руб., не могутъ уже считаться достаточно богатыми, чтобы вести ее „приличнымъ“ образомъ. Въ особенности велики затраты во время жизни въ помѣстьяхъ, гдѣ отъ скуки господствуетъ самое широкое и разорительное гостепріимство. Жиды и

здѣсь имѣли свое разрушающее вліяніе. Въ верхнихъ слояхъ общества, какъ и во Франціи, они ввели безумное мотовство. Жизнь у Ротшильдовъ, или, какъ ихъ тутъ называютъ Ротшайльдовъ, верхъ роскоши, передъ которою жизнь большинства королевскихъ фамилій въ Европѣ сама скромность. Достаточно сказать, что для своей прислуги эти высокопоставленные жиды устроили помѣщенія, поражающія размѣрами и богатствомъ отдѣлки; кромѣ отдѣльныхъ помѣщеній для каждаго служащаго, имѣются общія гостиныя, читальня, билліарды, бальныя залы, все это освѣщенное электричествомъ. О роскоши въ конюшняхъ и говорить нечего, лошадямъ и собакамъ всегда жилось въ Англіи лучше, чѣмъ бѣднымъ людямъ.

Жиды вообще теперь пріобрѣли въ Англіи преобладающее вліяніе и на ихъ эксплоатацію раздаются всеобщія жалобы, въ особенности на такъ называемую „систему потѣнія“ The Sweating System, состоящую въ томъ, что еврейскіе антрепренеры закабаляютъ массу безпріютныхъ эмигрантовъ, по большей части бѣдныхъ евреевъ же, и, заставляя ее работать по 18 часовъ въ сутки, почти не кормя, приготовляютъ разныя издѣлія, преимущественно готовое платье. Эти вещи обходятся по цѣнамъ, съ которыми совершенно не можетъ конкуррировать англійскій рабочій, привыкшій къ извѣстному комфорту и требующій питательной пищи, воскреснаго отдыха и хорошей выпивки. Печать обратила уже вниманіе на это явленіе, а въ обществѣ началась агитація, тѣмъ болѣе, что оно является прямымъ нарушеніемъ закона, ограничивающаго фабричный и ремесленный трудъ въ Англіи извѣстнымъ числомъ часовъ въ сутки и недѣлю.

Палата лордовъ назначила слѣдственную комиссію, но дѣло, по всей вѣроятности, кончится назначеніемъ новыхъ инспекторовъ, такъ какъ Англія, создавшая школу экономическаго невмѣшательства, уже давно перешла на путь широкой регламентаціи. Нигдѣ не было придумано столько должностей разныхъ инспекторовъ, и общественное мнѣніе постоянно еще требуетъ увеличенія числа чиновниковъ. Ихъ, впрочемъ, въ Англіи, по крайней мѣрѣ въ центральныхъ администраціяхъ, и теперь гораздо болѣе, чѣмъ думаютъ.

Если французы считаютъ завтракъ и обѣдъ священнодѣйствіями и часы сидятъ за столомъ, то нигдѣ столько не ѣдятъ, какъ въ Англіи. Кромѣ извѣстныхъ трехъ repas англичане въ промежуткахъ пьютъ чай или кофе, набивая себѣ брюхо разными печеніями. Заведеній для этого безчисленное множество и они всегда полны, въ особенности женщинами и дѣтьми.

Въ Лондонѣ при мнѣ была кулинарная выставка, но ничего интереснаго не представляла, кромѣ большой кухни, гдѣ происходилъ публичный экзаменъ дѣвицъ, учившихся въ школѣ поварихъ, устроенной какими-то аристократками. Не знаю какое вліяніе должна имѣть въ будущемъ эта академія кулинарнаго искусства, но до сихъ поръ англійская кухня сохраняетъ репутацію очень скверной и неудобоваримой для европейца, репутаціей упроченной ею издавна. Еще Вольтеръ сказалъ, что въ Англіи сто религій и одинъ соусъ. И въ настоящее время въ буржуазіи обѣдъ состоитъ изъ мясныхъ, преимущественно изъ баранины, блюдъ, рыбы и зелени, сваренныхъ безъ соли и безъ приправы, и пироговъ съ вареньемъ; хлѣбъ замѣняется отварнымъ картофе-

лемъ, супа не полагается, пьютъ не во время, а послѣ обѣда.

Но если основанія англійской національной кухни не измѣнились и безъ порядочнаго количества сои, крѣпкой, какъ сѣрная кислота, англичане не обходятся, то иностранецъ въ Лондонѣ можетъ удовлетворить какимъ угодно гастрономическимъ инстинктамъ. Не говоря уже о нѣсколькихъ первоклассныхъ французскихъ ресторанахъ, ничѣмъ не отличающихся отъ парижскихъ, на Regent-street и др. главныхъ улицахъ, здѣсь очень много вполнѣ хорошихъ англійскихъ ресторановъ, устроенныхъ, какъ, напримѣръ, Holborn Restaurant въ Сити, съ замѣчательною роскошью. Масса людей предпочитаетъ обѣдать въ клубахъ, гдѣ въ лучшихъ вамъ предлагаютъ на выборъ англійскую и французскую кухню, куда вы можете приглашать поѣсть вашихъ знакомыхъ и друзей, для которыхъ всегда имѣются отдѣльныя комнаты со всѣми удобствами, а въ нѣкоторыхъ клубахъ, особенно въ лѣтній сезонъ, можно угощать завтраками и обѣдами дамъ. Лондонскіе клубы вообще представляютъ столько удобствъ, что, не смотря на дороговизну взноса, необходимаго, ибо доходъ отъ картъ здѣсь въ клубахъ ничтожный, а обстановка клубной жизни совсѣмъ барская, порядочному человѣку приходится быть членомъ нѣсколькихъ клубовъ, а холостяку или спортсмену и десятка клубовъ мало, такъ какъ каждый имѣетъ свой спеціальный характеръ, спеціальный кружокъ членовъ и даже особыхъ покровителей въ высшихъ сферахъ.

Превосходныя рыба, баранина и зелень составляютъ лучшее украшеніе англійской кухни. Въ большихъ ресторанахъ имѣются особыя залы, гдѣ бараньи чопсы и

котлеты, говяжіе антрекоты и бифштексы жарятъ передъ вашими глазами на особыхъ канфоркахъ поразительной чистоты. Цѣны въ хорошихъ ресторанахъ огромныя, шатобріанъ стоитъ, напр., 8 шиллинговъ, т. е. около 5 рублей по нынѣшнему курсу. Замѣчательно, что устрицы и омары въ ресторанахъ въ Лондонѣ продаются дороже, чѣмъ въ Петербургѣ, хотя должны обходиться вдвое дешевле. Шампанское такъ же дорого какъ у насъ. Замѣчательна еще дороговизна въ Лондонѣ конфектъ при необыкновенной дешевизнѣ сахара: самыя плохія стоютъ 3 шиллинга фунтъ, т. е. болѣе 1 руб. 80 коп., а хорошія продаются по 6 и даже по 11 шиллинговъ. Вообще въ Лондонѣ жизнь очень дорога, а сравнительно съ Россіей, дешевы только матеріи и бѣлье, конечно если ихъ покупаютъ въ благоразумныхъ магазинахъ. Цвѣты дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ; каменный уголь хотя дешевъ, но за топку въ частныхъ домахъ берутъ добавочную и довольно высокую плату.

Ѣдятъ англичане много, а пьютъ еще болѣе, шампанское дуютъ они цѣлый день. Я видѣлъ въ вагонѣ желѣзной дороги какъ вмѣсто обѣда pater familias роздалъ семейству только по куску ветчины, а запить ее откупорилъ двѣ бутылки шампанскаго. Эта ѣда не отзывается, повидимому, на здоровьѣ англичанъ, какъ не отзывается и сырой климатъ; нигдѣ нѣтъ такихъ удивительныхъ старухъ и стариковъ, какъ въ Англіи. Какому нибудь джентльмену съ пурпуровою физіономіей и бѣлыми волосами по бодрому виду нельзя дать болѣе пятидесяти лѣтъ, а ему за семьдесятъ и онъ дѣлаетъ въ день по десяти верстъ пѣшкомъ, или, что хуже, проводитъ 2 или $2^1/_2$ часа въ вагонѣ, ѣздя съ дачи въ го-

родъ и возвращаясь домой, и выпиваетъ въ сутки бутылки по три крѣпчайшаго портвейна, да для утоленія жажды кружекъ восемь эля.

Пьютъ въ Англіи не одни мужчины. Англичанки также имѣютъ страсть къ шампанскому и къ виски. Здѣсь никого не удивитъ, если дама хорошаго круга потягиваетъ цѣлый день шотландскую или ирландскую (первая лучше) виски пополамъ съ водою. За сутки это составитъ хорошую порцію спирта; нигдѣ также нѣтъ столько морфинистокъ и любительницъ сѣрнаго эѳира.

Англія — страна женщинъ, ихъ здѣсь болѣе чѣмъ мужчинъ и злые языки утверждаютъ даже, что единственный дешевый товаръ въ Лондонѣ именно женщины. Нигдѣ нѣтъ въ наружности послѣднихъ такого рѣзкаго различія, какъ между англичанками. Есть между ними просто удивительныя красавицы, особенно въ аристократіи, есть невозможныя рожи, высокія, сухія, плоскія, съ длинными зубами. Подобныя чучелы, вступая въ бракъ, поневолѣ должны напоминать мужу слова Нельсона: „Англія надѣется, что каждый исполнитъ свои обязанности“. Уродливы, впрочемъ, чаще шотландки, а въ массѣ красивѣе ирландки. Англичанки славятся гибкостью своей шеи и красотой плечъ, но замѣчательно, что какъ бы у англичанки грудь и плечи ни были бѣлы, руки непремѣнно будутъ красныя. Ноги также рѣдко красивы у англичанокъ, какъ и вообще у англосаксонской расы. Первою красавицею въ Англіи считается теперь, за смертью маркизы Дельгузи, герцогиня Лейнстеръ, дѣйствительно замѣчательно красивая женщина, имѣющая двухъ столь же миловидныхъ сестеръ. Какъ всѣ женщины, и англичанки любятъ наряжаться,

но стараются парижскія моды передѣлывать à l'anglaise. Тонъ въ этомъ случаѣ даетъ принцесса Уэльская. Одѣваться декольте англичанки большія охотницы и надѣваютъ совершенно открытыя платья не только въ театры, но даже чтобы обѣдать вечеромъ въ ресторанахъ.

По натурѣ своей, англичанки холодны, что не исключаетъ ни кокетства, ни страсти къ любовнымъ интригамъ. Кто не знаетъ геніальной характеристики женщинъ, сдѣланной лордомъ Честерфильдомъ, очевидно по наблюденіямъ надъ англійскою женщиною.

Сэръ Филиппъ Френсисъ, которому приписываютъ „Письма Юніуса", грозилъ, что оставитъ записки, которыя, если будутъ напечатаны послѣ его смерти, то погубятъ репутацію всѣхъ свѣтскихъ женщинъ Лондона его времени, доказавъ, что ни одинъ человѣкъ не сынъ своего отца. „Нельзя себѣ представить,—пишетъ въ своихъ запискахъ лордъ Мальмесбюри, бывшій два раза министромъ иностранныхъ дѣлъ, — количества любовныхъ писемъ, написанныхъ разными дамами лорду Байрону, предлагавшими себя ему на какихъ угодно условіяхъ. Графиня Гвичіоли имѣла огромный сундукъ, полный этихъ писемъ, на которыя Байронъ никогда не отвѣчалъ. Большинство ихъ было писано соотечественницами поэта". Слишкомъ 70 лѣтъ, истекшія со смерти великаго писателя, не измѣнили англичанокъ, какъ доказываютъ постоянные скандалезные процессы въ англійскихъ судахъ съ участіемъ весьма высокопоставленныхъ лицъ, а что разсказываетъ скандалезная городская хроника Лондона, такъ и повѣрить трудно. Словомъ, прапраправнуки Честерфильда не имѣютъ поводовъ измѣнять его скептическихъ воззрѣній.

Всѣ лондонскія хозяйки жалуются на прислугу, которая по преимуществу женская. Она, молъ, и дорога, и не сидитъ на мѣстѣ. Въ Лондонѣ была сочинена шутка, что пришедшая наниматься кухарка спросила хозяйку дома: „не вы ли та женщина, которой для услугъ требуется дама“. По наружности, однако, лондонскія горничныя работаютъ очень усердно и метутъ даже тротуары передъ домами, что у насъ едва ли бы согласились сдѣлать. Когда онѣ надѣваютъ свои шляпки, чтобы идти изъ дому, то напоминаютъ актрисъ изъ оперы „Марты“. Каждая изъ такихъ Мартъ влюблена въ военнаго. Англійскіе солдаты имѣютъ необыкновенно ухарскій видъ, когда гуляютъ въ городѣ съ перетянутою таліею, съ тросточкой подъ мышкою и въ фуражкѣ безъ козырька, величиною съ маленькій блинчикъ, держащійся на головѣ помощью ремешка подъ нижнею губою.

Только эти солдаты и доказываютъ, что въ Англіи существуетъ армія, ибо офицера или генерала встрѣтить въ формѣ, иначе какъ въ строю, совершенно невозможно. Таковъ обычай, да и военная форма не трогаетъ здѣсь сердецъ другихъ женщинъ, кромѣ горничныхъ, не то, что, напримѣръ, въ Берлинѣ, гдѣ одна барыня, выражая соболѣзнованіе по поводу болѣзни Фридриха, наивно замѣтила: „Какъ жаль бѣднаго императора, ему такъ идетъ военная форма!“ Англичане начинаютъ, однако, смутно сознавать опасность своего мнительнаго, почти презрительнаго отношенія ко всему военному. Выработанъ проектъ закона, дающій право мобилизировать милицію и волонтеровъ, и общественное мнѣніе начинаетъ уже требовать, чтобы во главѣ министерствъ военнаго и морского стояли не дилетанты изъ дже-

тельменовъ, любящихъ портвейнъ и охоту съ борзыми, а генералы и адмиралы. Дѣйствительно курьезно, что морскимъ министромъ могъ быть и бывалъ въ Англіи адвокатъ, банкиръ, пивоваръ, но никогда не морякъ.

Повороты общественнаго мнѣнія въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ странахъ, любопытны. Когда въ Англіи послѣ горькаго опыта требуютъ во главѣ спеціальныхъ вѣдомствъ спеціалистовъ, во Франціи не находятъ ничего умнѣе, какъ, въ видѣ „прогресса“, ставить во главѣ военнаго и морского министерства штатскихъ людей. Это примѣръ не единственный. Года два назадъ для налога съ сахара Германія ввела у себя французскую систему взиманія акциза, признавъ свою непригодною, а въ тотъ же моментъ Франція ввела у себя германскую систему, забраковавъ свою собственную. У насъ выработанъ проектъ „земскихъ начальниковъ“, который есть копія съ англійскихъ мировыхъ судей, соединяющихъ въ себѣ обязанности полиціи, мирового суда и земства, между тѣмъ въ Англіи обсуждается теперь въ парламентѣ проектъ мѣстной реформы, ограничивающей функцію мировыхъ судей и предлагающей создать въ графствахъ нѣчто весьма напоминающее наше россійское земство.

Припомнивъ Россію, кстати долженъ сказать, что былъ пораженъ малочисленностью русской колоніи въ Лондонѣ; я провѣрилъ это, присутствуя во время важнѣйшихъ церковныхъ службъ на Страстной недѣлѣ въ посольской церкви. Церковь эта, болѣе чѣмъ скромная, помѣщается въ домѣ, ничѣмъ по наружности не отличающемся отъ жилыхъ домовъ. Обстановка церкви также скромная; навѣрное даже дипломаты не выводятъ такихъ фальшивыхъ нотъ, какъ три дьячка посольства.

Въ Лондонѣ имѣется, впрочемъ, обширная православная церковь, принадлежащая богатой и вліятельной греческой колоніи. Русскихъ, исключая семейство посланника (г-жа Стааль — русская), не набралось въ церкви и полтора десятка. И это результатъ трехсотлѣтнихъ дѣятельныхъ сношеній нашихъ съ Англіей! Кромѣ присутствовавшихъ въ церкви, въ Лондонѣ и его окрестностяхъ изъ русскихъ проживаетъ еще только нѣсколько нигилистовъ, между прочимъ г. Степнякъ, авторъ извѣстныхъ апологіи покушеній 1876—1881 гг.

Отсутствію русскихъ въ Лондонѣ и въ Англіи можетъ быть отчасти приписано то постоянно недоброжелательное и почти враждебное отношеніе, которое господствуетъ противъ Россіи въ англійскомъ обществѣ и въ англійской печати. Газеты полны скверныхъ противъ насъ выходокъ, а держать сторону Россіи для политическаго человѣка считается эксцентричностью. Тѣмъ болѣе чести лорду Черчиллю, что онъ смѣло сталъ руссофиломъ и доказалъ это не только на словахъ, но и на дѣлѣ, когда былъ министромъ индійскихъ дѣлъ. Изъ лондонскихъ газетъ только одна сочувственна къ Россіи, это „Pall-Mall-Gazette“, защищающая русскую политику совершенно безкорыстно.

II.

Меломанія въ англійскомъ обществѣ, концерты. — Положеніе лондонскихъ театровъ: опера, оперетка, драма, комедія, фарсъ, балетъ.—Выдающіеся артисты.

Гейне, описывая когда-то томительную скуку Лондона, предсказывалъ, что англичане кончатъ тѣмъ, что сплетутъ гигантскую веревку и всѣ они на ней повѣсятся. Современный Лондонъ далекъ отъ исполненія этого мрачнаго предсказанія; нигдѣ относительно нѣтъ такой массы развлеченій, и если англичане не веселятся, то никакъ нельзя сказать, чтобы они скучали. Музыка и театры, конечно, на первомъ планѣ въ числѣ развлеченій, по крайней мѣрѣ для средняго и высшаго классовъ общества.

Хотя назвать англичанъ народомъ музыкальнымъ невозможно, но запросъ на музыку въ Лондонѣ чрезвычайно великъ. Кромѣ многочисленныхъ концертныхъ залъ для музыкальныхъ исполненій, устроенъ Albert-Hall, напоминающій по архитектурѣ римскій Пантеонъ и вмѣщающій до 6,000 зрителей. Въ концертахъ же въ честь Генделя въ Cristal Palace публики собирается 25,000,

музыкантовъ и пѣвцовъ 4,000 и солистами служатъ Требелли, Альбани, Нордика, Патей, Валлеріа. Кромѣ англійскихъ композиторовъ и исполнителей, здѣсь проживаетъ масса иностранныхъ артистовъ: Эрве, Тито Матеи, Тости и др. живутъ постоянно въ Лондонѣ; Гуно, также живущій тутъ подолгу, особенно когда на него находятъ припадки меланхоліи, написалъ очень много скверной музыки спеціально для англичанъ. Любители музыки говорятъ, что въ общемъ Лондонъ музыкальнѣе теперь въ десять разъ Берлина и даже Вѣны. Число концертовъ неисчислимо и каждый находитъ публику, хотя входная плата обыкновенно высока — полъ-гинеи безъ различія мѣстъ.

Сверхъ концертовъ ни одно лондонское собраніе не обходится безъ музыки и, посѣщая вечерніе чаи, нерѣдко приходится прослушать тридцать-сорокъ пьесъ въ день. Примѣръ уваженія къ музыкѣ идетъ свыше. Принцесса Уэльская—хорошая піанистка, она ученица извѣстнаго нѣмецкаго піаниста Карла Галлэ,—неоднократно играла въ пользу бѣдныхъ въ концертахъ; дочери ея также участвуютъ иногда въ благотворительныхъ концертахъ. Герцогъ Эдинбургскій—большой любитель играть на скрипкѣ, хотя и посредственный виртуозъ, аккомпанировалъ въ концертѣ Нильсонъ, когда она пѣла „Ave Maria“ Гуно.

Гансъ Бюловъ весьма популяренъ въ Лондонѣ, какъ дирижеръ оркестра; ежегодно проводитъ здѣсь также лѣто Гансъ Рихтеръ, капельмейстеръ вѣнской придворной оперы, и дирижируетъ лучшими концертами. Въ Лондонѣ имѣется даже особый персоналъ исполнителей для концертовъ свѣтскихъ и духовныхъ. Въ числѣ этихъ

лицъ одна изъ любимыхъ г-жа Марія де-Лидо, бывшая пѣвица нашей русской оперы. Страсть къ музыкѣ англичанъ не дѣлаетъ, однако, ихъ болѣе музыкальными. Здѣсь имѣется, напримѣръ, Royal Amateur Orchester Society, но музыканты сортируются тамъ не по таланту, а по чинамъ; герцогъ Эдинбургскій играетъ первую скрипку, а о слухѣ англичанъ можно судить потому, что въ одномъ изъ концертовъ этого общества въ квартетѣ герцогъ нечаянно перевернулъ ноты и игралъ все время двумя страницами впередъ, выходила нѣкоторая какофонія, но англійская публика прослушала квартетъ съ благоговѣніемъ.

Мнѣ пришлось быть въ одинъ и тотъ же день на двухъ концертахъ. Въ одномъ въ Portman Hall происходилъ благотворительный концертъ. Пѣли по большей части прескверно, но публика, среди которой преобладали дамы, весьма нарядно одѣтыя, осталась довольна. Концертъ удостоили своимъ посѣщеніемъ дочь королевы герцогиня Альбани и принцесса Фридерика. При входѣ ихъ въ оба отдѣленія концерта публика вставала со своихъ мѣстъ. Въ обществѣ уваженіе англичанъ къ высокопоставленнымъ лицамъ чрезвычайное, не то, что въ Парижѣ; когда президентъ Сади-Карно посѣтилъ при мнѣ выставку произведеній временъ Людовика XIV и XV, въ отелѣ Шимэ, двѣ трети публики не потрудились даже снять шляпы при входѣ президента республики, хотя послѣдній привѣтливо раскланивался на обѣ стороны. Въ печати, однако, англичане менѣе вѣжливы къ своимъ принцамъ и безъ церемоніи ругаютъ, напримѣръ, любимца королевы Баттенбергскаго принца, на-

зывая его нищимъ нѣмцемъ, пріѣхавшимъ въ Англію верхомъ на „деревянной лошади“.

Другой концертъ въ тотъ же день происходилъ въ „Лайрикъ клобъ“, собирающемся въ роскошномъ помѣщеніи, почти дворцѣ, общества акварелистовъ на Пикадилли. Здѣсь, кромѣ пѣнія и слушанія разныхъ recitations, гости имѣли право на довольно разнообразный холодный ужинъ съ шампанскимъ и всякими другими напитками. Лучшіе артисты, по большей части иностранцы, принимали участіе въ этомъ концертѣ, участіе добровольное, но, въ виду избраннаго общества, считавшееся за честь; поэтому не обходится тутъ безъ маленькой борьбы самолюбій, и извѣстнѣйшіе профессора музыки и пѣнія стараются провести своихъ учениковъ и ученицъ на эстраду клуба.

Въ городѣ, гдѣ четыре милліона жителей, устройство театровъ очень облегчается. Достаточно, чтобы спектакль заинтересовалъ публику или чтобы реклама протрубила о немъ въ свои громовыя трубы, и это обезпечитъ въ Лондонѣ пьесѣ сто и болѣе полныхъ сборовъ. Поэтому театровъ множество и антрепренеры не могутъ жаловаться на доходы, хотя измѣненіе вкуса и конкурренція играютъ свою роль. Но если театровъ много, то это не значитъ, что театръ процвѣтаетъ въ смыслѣ искусства. Для такого процвѣтанія два, три небольшихъ казенныхъ театра, избранный кружокъ понимающей публики, нѣсколько тонкихъ цѣнителей и добросовѣстная театральная критика гораздо полезнѣе десятка раззолоченныхъ дворцовъ, въ которые собирается толпа, ежедневно мѣняющаяся и гораздо болѣе интересующаяся клоунами и акробатами, нежели тончайшими произведеніями ума

человѣческаго. Въ Лондонѣ поэтому реклама важнѣе критики, а всего важнѣе имя артиста. Безъ какой либо „звѣзды“ нѣтъ сборовъ, хотя бы ансамбль былъ самый лучшій и талантливый. Здѣсь и газеты, для того чтобы идти въ розничную продажу, ежедневно разносятъ и расклеиваютъ афиши, содержащія напечатанныя вершковыми буквами сенсаціонныя заглавія важнѣйшихъ статей.

Сообразно съ подобнымъ настроеніемъ директоры театровъ смотрятъ на актеровъ, какъ на простыхъ мастеровыхъ; они платятъ имъ аккуратно жалованье, но и не стѣсняются дѣлать вычеты за каждое вольное или невольное отсутствіе со сцены. Достаточно заболѣть среди спектакля, чтобы съ артиста удержали дневной заработокъ, да и расплачиваются здѣсь съ артистами по недѣлямъ, какъ съ рабочими на фабрикахъ. Актеры должны платить также правительству income-tax, составляющій порядочный вычетъ изъ жалованья. Подоходный налогъ распространяется на всѣхъ, получающихъ болѣе 2-хъ фунтовъ стерлинговъ въ недѣлю.

Съ наружной стороны лондонскіе театры хорошо устроены: мѣста и проходы удобны, электрическое освѣщеніе великолѣпно. Публика по платью гораздо элегантнѣе парижской; англичанинъ въ обществѣ непремѣнно старается держаться джентельменомъ; полисмены въ театрахъ имѣются только въ райкѣ. Клакеры обязательно имѣются въ каждомъ театрѣ, потому что англичане вообще мало аплодируютъ, на верхахъ же публика свое особое удовольствіе выражаетъ обыкновенно пронзительнымъ свистомъ. Неудовольствіе игрою выражается здѣсь топаньемъ, но вообще публика весьма сдержанна, хотя въ антрактахъ буфеты усиленно торгуютъ крѣп-

кими напитками. Спектакли начинаются въ разное время: въ дешевыхъ театрахъ въ 7 часовъ, въ аристократическихъ—въ 8 1/2 часовъ вечера, бываютъ и утренніе спектакли. Наиболѣе посѣщаются театры въ субботу, ибо въ это время всѣ свободны, а въ воскресенье всѣ театры обязательно закрыты.

Всѣ лондонскіе театры, кромѣ опернаго, при мнѣ дѣйствовали, но нѣкоторыя лондонскія театральныя знаменитости отсутствовали. Такъ, не играла, по случаю поста, Мери Андерсонъ, одинаково знаменитая и своею наружностью, и своею драматическою, нѣсколько холодною игрою. Андерсонъ — американка и отличается набожностью. Красивѣйшая изъ всѣхъ англійскихъ актрисъ, Лили Лэнгтри, уѣхала въ Америку, гдѣ купила на „заработанныя" деньги въ Калифорніи 50,000 акровъ земли! Это довольно плохая jeune première, но идеальная красота ея, высокій ростъ, стройность и правильныя черты заставляютъ прощать ей многое. Въ Америку же уѣхала мистриссъ Джемсъ Браунъ Поттеръ, худая, какъ скелетъ, актриса, имѣющая здѣсь репутацію очень красивой; она прославилась наиболѣе ухаживаніемъ за ней принца Уэльскаго. Также весьма извѣстная актриса, Мэри Грей, вышедшая замужъ за офицера, играетъ рѣдко, только когда собираетъ собственную труппу.

Опера итальянская въ нынѣшній сезонъ будетъ содержаться Гаррисомъ въ театрѣ Covent Garden. Составъ труппы очень обширенъ и разнообразенъ. Тутъ и почтенныя старушки, какъ Альбани и Фуршъ Мадье, и парижскія знаменитости, Лассаль и братья Решке, и модный теперь теноръ di grazia—маленькій Равелли, и наши петербургскія знакомыя—Элла Руссель, Корнальба

и Джури; двѣ послѣднія должны танцовать въ оперныхъ дивертиссементахъ. Главною новинкою и приманкою будетъ г-жа Мельба, прелестная, говорятъ, пѣвица сопрано leger, съ небольшимъ, впрочемъ, голосомъ, имѣвшая большой успѣхъ въ Брюсселѣ. Мельба родомъ австралійка и англичанъ занимаетъ увидѣть красивую примадонну изъ страны, которая до сихъ поръ посылала къ нимъ только двуутробокъ и утконосовъ.

Любовь къ итальянской оперѣ и музыкѣ въ Англіи теперь замѣтно ослабѣла и англичане желаютъ поощрять свою національную музыку, почему носятся съ единственнымъ, довольно ничтожнымъ англійскимъ композиторомъ, Сюливаномъ, извѣстнымъ и у насъ по опереткѣ „Микадо“, шедшей въ „Ливадіи“. Въ настоящее время довольно плохая оперетка того же Сюливана: „The Pirates of Penzance“ идетъ на театрѣ Savoy. Успѣхъ ей обезпечиваетъ комическій пѣвецъ, Гросмитъ, котораго любитъ публика. Недурная по музыкѣ оперетка и идущая уже въ 1000 разъ „Dorothy“. Ее даютъ на театрѣ Prince of Wales. Приманкою служитъ пѣвецъ Гейденъ Коффинъ, нравящійся лондонскимъ дамамъ. Наибольшій же успѣхъ по части оперетки имѣетъ въ Лондонѣ дающаяся въ театрѣ Avenue оперетка „Old Guard“, интересная и по музыкѣ и по сюжету. На представленія ея трудно достать билеты. Въ труппѣ театра Avenue очень хорошъ комическій пѣвецъ Артуръ Робертъ. Затѣмъ славятся двѣ актрисы: г-жи Вайлетъ Камеронъ и Филлисъ Браутонъ. Вайлетъ Камеронъ, весьма красивая собою особа, вышла замужъ по любви, но мужъ оказался бѣднымъ, артистка безъ церемоніи прогнала его и сошлась съ лордомъ Ландсдоуномъ.

Обманутый мужъ бьетъ теперь у жены стекла въ квартирѣ и каждый мѣсяцъ судится съ нею, но лондонскіе судьи галантно до сихъ поръ принимаютъ сторону смазливой актрисы и приговариваютъ бѣднаго мужа къ штрафамъ. Филлисъ Браутонъ, хорошенькая и ловко для пѣвицы танцующая, также подцѣпила какого-то лорда и выходитъ за него замужъ.

Въ драматическихъ театрахъ Лондона удовлетворительный ансамбль, а число даровитыхъ артистовъ превосходитъ число ихъ въ Парижѣ, гдѣ на актеровъ замѣчательный неурожай, или лучшіе не играютъ; такъ, Кокленъ, со своею очень плохою труппой, игралъ всю зиму въ Лондонѣ на театрѣ Royalty и только при мнѣ прекратилъ спектакли. Серьезныя драматическія представленія шли въ Лондонѣ на слѣдующихъ театрахъ: въ „Drury-Lane“ давалась комедія Гарриса: „A Run of Luck“. Театръ этотъ имѣетъ двѣ знаменитости: хорошую и хорошенькую актрису г-жу Фортескью и г. Гарри Никольса. Фортескью была малоизвѣстною актрисою, пока какой-то лордъ не предложилъ ей свою руку и затѣмъ отказался отъ брака. Актриса подала въ судъ и судьи, соблазненные красивыми глазками Фортескью, приговорили непостояннаго лорда за breach of promise къ 10,000 фун. стерл. штрафа. Это дѣло надѣлало страшнаго шума, директоры театровъ начали приглашать героиню процесса нарасхватъ и слава Фортескью перешла океаны. Гарри Никольсъ—великолѣпный серьезный комикъ; онъ, впрочемъ, мастерски поетъ и куплеты. Въ комедіи Гарриса онъ замѣчательно создалъ роль лакея.

Въ Haymarket роскошно поставлена комедія „The

Pompadour". На этомъ театрѣ антрепренеръ, онъ же и главный актеръ, Бирбумъ Три; имѣется также отличная драматическая актриса Розъ Леклеркъ. Въ весьма посѣщаемомъ на Стрендѣ театрѣ Adelphi даютъ любопытную комедію „The Bells of Haselmere". Въ труппѣ этого театра находится лучшій въ Лондонѣ актеръ для классическихъ пьесъ, красавецъ Вильямъ Террисъ. По немъ лондонскія дамы буквально сходятъ съ ума. Затѣмъ отлично играетъ мерзавцевъ высшаго круга Картрейтъ. Театръ Princesses, гдѣ даютъ „The mistery of a Hansom Cab", большой и красивый, но труппа его неважная.

Любители высокой игры должны отправляться въ театръ Lyceum, тамъ „Фауста" Гете исполняютъ двѣ англійскія знаменитости: Ирвингъ и Элленъ Тери. Англичане ужасно высоко ставятъ Ирвинга. Онъ во многихъ роляхъ замѣчателенъ, но, какъ всѣ англійскіе актеры, не имѣетъ школы, безъ которой трагедія, драма и даже высокая комедія—невозможны. Дикція его такая, что надобно смотрѣть въ ротъ, чтобы понять артиста; онъ также очень аффектированъ. Сначала Ирвингъ былъ ничтожнымъ актерикомъ, но въ него влюбилась покойная архибогачка, старая Бертлетъ Каутсъ, и подарила ему чековую книжку in blanco съ просьбою расходовать сколько угодно, чтобы выучиться хорошо играть. Ирвингъ израсходовалъ бездѣлицу, только 40,000 фунт. стерл., т. е. около полумилліона рублей!! Правда, у Каутсъ осталось еще свыше 80 милл. рублей. Элленъ Тери, любовница Ирвинга, уже не молодая актриса съ хриплымъ голосомъ и вздернутымъ кверху длиннымъ носомъ, но съ крупнымъ драматическимъ талантомъ. У нея, какъ у насъ выражаются, много „нутра". А въ роли

Офеліи она цѣлый актъ льетъ крупныя слезы, такъ что можно нацѣдить цѣлую шайку. На нервы массы публики это очень дѣйствуетъ, а у англичанина, извѣстно, вмѣсто нервовъ мѣдная проволока и надобно ударить его, по крайней мѣрѣ, дышломъ по переносицѣ, чтобы расчувствовать.

На театрѣ Olympic даютъ драму „Christina", якобы изъ жизни русскихъ нигилистовъ. По содержанію—ахинея невозможная. Тутъ недурно играетъ Виллардъ, спеціальность котораго мелодраматическіе злодѣи, и красавецъ-брюнетъ Іоркъ Стифенсъ, въ котораго, какъ въ Терриса, влюблены всѣ дамы Лондона и одолѣваютъ любовными письмами. Террисъ, впрочемъ, имѣетъ относительно большее число поклонницъ изъ среды двухъ милліоновъ женщинъ Лондона. На театрѣ Opera Comique, вопреки его названію, даютъ также драму—„Ariane", по мнѣнію англичанъ, безнравственную. Главная роль въ драмѣ—у г-жи Бернардъ Биръ, антрепренерши театра, сильно подражающей по манерѣ игры Саррѣ Бернаръ.

Пародію на „Ariane", подъ именемъ „Airey Anni", можно видѣть на театрѣ Strand; ничего особеннаго эта пародія не представляетъ. Фарсы, впрочемъ, хорошо идутъ въ лондонскихъ театрахъ. Надняхъ уѣхала въ Австралію вся труппа театра Gaiety, имѣвшая огромный успѣхъ въ ловко написанномъ фарсѣ „Frankenstein". На прощальи труппѣ былъ данъ балъ съ ужиномъ, гдѣ однихъ цвѣтовъ было поднесено артисткамъ на 1,000 гиней! Украшеніе труппы Gaiety—Нелли Ферренъ, актриса пятидесяти лѣтъ, на сценѣ выглядывающая 18-лѣтнею барышнею, и отличный комикъ Фредъ Лесли. Онъ также фокусникъ и вентрилокъ. Такъ, съ закрытымъ

ртомъ играетъ онъ якобы цѣлую арію на скрипкѣ, со всѣми трелями и руладами.

Забавный фарсъ „The Arabian Nights“ идетъ въ театрѣ Comedy; лучшіе артисты здѣсь: В. Пенлей — комикъ и г-жа Вэнъ—мастерски изображающая кокотокъ. Такой же фарсъ „Sweet Lavender“ идетъ на театрѣ Terry. Выдающійся актеръ здѣсь Эдуардъ Терри, братъ Елены Терри, похожій на нее вздернутымъ носомъ, играетъ съ пересоломъ. Болѣе серьезенъ комикъ Тулъ, имѣющій въ Лондонѣ громадную репутацію, особенно по части созданія разныхъ типовъ: полисмена и т. д. Онъ играетъ на собственномъ театрѣ Toole въ пьесѣ „Red Rag“. Очень веселую комедію „The Wife's-secret“ даютъ на театрѣ St.-James. Антрепренеръ труппы Кенделъ — хорошій артистъ, а еще лучше играетъ его жена, преимущественно въ серьезныхъ роляхъ. Она уже пожилая и не очень красивая.

Англійскія комедіи по большей части вдаются въ мелодрамы, сироты и незаконныя дѣти часто въ нихъ фигурируютъ, клержимены обыкновенно благородны, а злодѣи и соблазнители всегда изъ военныхъ. Одна изъ подобныхъ характерныхъ англійскихъ комедій идетъ въ Globe Theatre подъ именемъ „The Golden Ladeer“. Выдающіеся актеры этого театра, Уильсонъ Берретъ и г-жа Эстлекъ, съ огромнымъ успѣхомъ играли въ Соединенныхъ Штатахъ, куда обыкновенно ради наживы и отправляются гастролировать лондонскіе артисты. На театрѣ Vaudeville въ комедіи „Joseph's Swuthart“ хвалятъ хорошую актрису, красивую Кэтъ Роркъ.

Знакомые Петербургу по гастролямъ въ нынѣшнюю зиму Чарльсъ Уиндгамъ и г-жа Муръ — оба талантли-

вые, играютъ на театрѣ Criterion въ комедіи „David Garrick“, пользующейся успѣхомъ. При мнѣ пьеса шла въ 350 разъ. Г-жа Муръ еще моложава, но игра ея слишкомъ сентиментальна. Въ Лондонѣ она прославилась тѣмъ, что въ ухаживаніяхъ за нею не имѣлъ успѣха даже принцъ Уэльскій.—„У меня трое дѣтей“, отвѣчала она съ достоинствомъ на всѣ любезныя предложенія галантнаго принца. Театры Britania, Surrey въ отдаленныхъ частяхъ города ничѣмъ не замѣчательны, труппы въ нихъ мѣняются. Имѣется въ Лондонѣ и нѣсколько загородныхъ театровъ.

Есть еще особый родъ театровъ, пользующійся огромнымъ успѣхомъ и дающій своимъ акціонерамъ баснословные дивиденды—это „Alhambra“, „Empire“ и „Pavillon“, нѣчто среднее между театромъ и кафе-шантаномъ, образчики чего въ Парижѣ театры „Eden“, „Folies Bergères“ и др.

Это настоящіе театры для демократической публики, которая, развалясь среди необычайно роскошной обстановки на великолѣпныхъ плюшевыхъ креслахъ, можетъ наполнять залу дымомъ скверныхъ сигаръ и попивать во время представленія виски и бранди съ содовою водою. Съ увеличеніемъ круга публики и съ расширеніемъ страсти къ зрѣлищамъ, надобно думать, что театры все болѣе и болѣе будутъ грубѣть и развлеченія толпы пріобрѣтать животный характеръ. Спектакли въ вышеупомянутыхъ театрахъ весьма разнообразны и замысловаты; программы по возможности чаще мѣняются, фокусники, клоуны и акробаты — первые въ Европѣ, гораздо слабѣе куплетисты и пѣвцы. При мнѣ огромный успѣхъ имѣла Ванони, распѣвавшая съ большимъ шикомъ не-

измѣнный „En revenant de la Revue“. Голосъ и дикція артистки ужасны, но ноги превосходно сложены. Главною приманкою въ каждомъ театрѣ служатъ балеты; ихъ обыкновенно два, одинъ идетъ въ 9 часовъ, другой — въ 11 часовъ; каждые четыре мѣсяца балеты мѣняются. Съ перемѣною балетовъ всѣ костюмы, хотя бы были еще свѣжи, продаются второстепеннымъ театрамъ и замѣняются новыми. Декораціи балетовъ великолѣпны; недуренъ и оркестръ, дирижируемый въ одномъ театрѣ Эрве, а въ другомъ — Джакоби — извѣстными композиторами легкой музыки. Балетмейстеръ въ „Альгамбра“ г. Казати, а въ „Эмпайръ“ г-жа Кеттъ Ланеръ, которая завѣдываетъ хореграфическою частью и въ театрахъ Covent Garden и Drury Lane и въ балетахъ, которые ставятъ на открытомъ воздухѣ въ Хрустальномъ дворцѣ. Танцуютъ въ Лондонѣ первоклассные сюжеты: въ „Альгамбрѣ“ — въ Enchantement, звѣзда прелестная Эмма Бессонэ, которую очень любитъ лондонская публика, затѣмъ идутъ г-жи Косіо, Кормани, изъ англичанокъ г-жа Тюргетъ, прехорошенькій чертенокъ; въ „Эмпайръ-театрѣ“ на первомъ планѣ г-жи Аделина Росси, Карллота Бріанца, затѣмъ г-жи Сантори, де-Сортисъ, г. Чекетти. Большинство ихъ извѣстны Петербургу, а г-жа Росси, замѣчательная красавица, была ангажирована въ 1887 году въ „Аркадію“, но по болѣзни не пріѣхала и была замѣнена г-жею Лимидо.

Въ „Эмпайръ-театрѣ“ сцена побольше, но въ „Альгамбрѣ“, давно существующей, и зала, отдѣланная въ мавританскомъ вкусѣ, обширнѣе, и постановки роскошнѣе. Даже капельдиперы и уврезы подобраны молодцоватые и одѣты въ красивые костюмы. Замѣчателенъ кордеба-

летъ не потому, что умѣлъ бы танцовать, напротивъ, но въ немъ собраны были красивѣйшія женщины Лондона, и теперь наиболѣе замѣчательныя по наружности фигурантки уже немолоды. Счетомъ сихъ дѣвицъ двѣсти пятьдесятъ, а на ихъ маневрированіи основанъ главнымъ образомъ интересъ спектакля. Костюмы роскошны чрезвычайно и каждую минуту ихъ мѣняютъ, мѣняютъ даже парики. Такъ что видишь по двѣсти брюнетокъ, по двѣсти красно-рыжихъ и т. д. Это очень эффектно.

Лондонскій кардебалетъ хотя строгою нравственностью не отличается, но въ обиду себя не даетъ. Недавно еще произвелъ большую сенсацію протестъ его противъ обвиненій лондонскаго епископа. Епископъ этотъ въ одномъ изъ своихъ духовныхъ посланій упрекнулъ лондонскихъ танцовщицъ въ томъ, что онѣ „одѣваются неприлично и безнравственно“. Представительницы хореграфическаго искусства приняли къ сердцу слова епископа и, находя упрекъ несправедливымъ, составили протестъ, который, за подписью нѣсколькихъ сотъ балеринъ, солистокъ, танцовщицъ и статистокъ послали епископу; одновременно содержаніе этого протеста опубликовано и въ газетахъ. Въ протестѣ, „вѣрныя христіанки, пропитывающіяся хореграфическимъ искусствомъ“ заявляли, что обвиненіе, брошенное прелатомъ англійской церкви, совершенно неосновательно и тенденціозно. „Мы не ожидаемъ отъ васъ, господинъ епископъ, справедливости, — заканчивается протестъ, — но рѣшили опубликовать этотъ протестъ противъ вашихъ обвиненій, дабы никто не думалъ, что мы чувствуемъ за собою вину и что молчаніе наше подтверждаетъ нашу вину“.

„Альгамбра“ и „Эмпайръ“— средоточіе лондонскаго

полусвѣта; широкій корридоръ бель-этажа совершенно напоминаетъ около 9 часовъ наши театры въ дни маскарада. Англійскіе джентльмены послѣ обѣда являются сюда во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, „флиртировать“. Самое представленіе, неизмѣнно прекращающееся въ 12 часовъ народнымъ гимномъ, хотя бы еще спектакль почему либо не кончился, оставляетъ ихъ довольно равнодушными. Даже отъ огненныхъ глазъ г-жи Росси, отъ которыхъ воспламенились бы зрители другихъ національностей, англичане, отсырѣвшіе отъ своихъ тумановъ и водки пополамъ съ водою, только слегка просыхаютъ, но не воспламеняются.

III.

Парижъ.—Генералъ Буланже.—Башня Эйфеля.—Выставки.—Упадокъ Парижа, безумство моды.—Литература, театры, кафе-шантаны.—Циркъ Молье.—Русскіе горы и пантомима „Скобелевъ".

Въ мартѣ парижане сходили съ ума по генералу Буланже. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы онъ захотѣлъ сдѣлать попытку переворота въ моментъ своего увольненія изъ Клермонъ-Ферана, то она имѣла бы очень много шансовъ на успѣхъ. Вотъ курьезное доказательство популярности въ Парижѣ brav'general'я. Одинъ мой знакомый, нашъ извѣстный желѣзнодорожный дѣятель г. Голубевъ, осматривалъ La Salpêtrière—съумасшедшій домъ для женщинъ. Его поразило, что съумасшедшія на каждомъ шагу кричали: „Vive le general Boulanger!" и пѣли „En revenant de la Revue".

Въ апрѣлѣ я засталъ еще моду на Буланже, но въ кружкахъ вліятельныхъ и въ высшей буржуазіи о немъ не говорили иначе, какъ съ пѣною у рта, или съ притворнымъ презрѣніемъ. Все-таки во всѣхъ газетахъ былъ заведенъ особый отдѣлъ: Le Boulangisme и каждый шагъ генерала внимательно комментировался печатью. Въ іюнѣ

фонды Буланже я нашелъ, по крайней мѣрѣ, на 90% ниже прежняго, интересовались имъ только въ политическихъ кружкахъ, да и вообще интересовались потому, что его продолжалъ поддерживать Рошфоръ, газета котораго, расходящаяся въ двухъ стахъ тысячахъ экземплярахъ, въ Парижѣ крупная сила.

Таковъ французскій характеръ, таковы отношенія французовъ къ политикѣ. Недаромъ съ 1790 года Франція перемѣнила семь разъ форму правительства; средняя продолжительность каждой изъ нихъ была 14 лѣтъ. За это время произведено четырнадцать коренныхъ измѣненій конституціи, т. е. каждая изъ нихъ просуществовала въ среднемъ семь лѣтъ; за тотъ же періодъ пятнадцать лицъ стояло во главѣ французскаго правительства, одно изъ нихъ — Наполеонъ I — два раза, и изъ пятнадцати только одинъ, Людовикъ XVIII, умеръ спокойно у власти, хотя и прогулялся дважды въ изгнаніе; изъ остальныхъ двое (Людовикъ XVI и Робеспьеръ) погибли насильственною смертью, прочіе были изгнаны или принуждены подать въ отставку до истеченія срока своихъ полномочій. Съ такою же быстротою мѣнялись и министры и эта быстрота постоянно и прогрессивно возрастаетъ. Министръ финансовъ сидѣлъ во Франціи среднимъ числомъ на своемъ мѣстѣ при первой имперіи 18 лѣтъ, при реставраціи — 9 лѣтъ, при Луи-Филиппѣ — 7 лѣтъ, при второй имперіи — $8^1/_2$ лѣтъ, при третьей республикѣ до 1877 г. — $2^1/_2$ года, съ 1877 года только $1^1/_4$ годъ!

Правда, популярность Буланже была вздута, какъ пузырь, случайными обстоятельствами: красивою вороною лошадью изъ цирка Франкони, взятою для фигурирова-

нія на парадѣ 14-го іюля 1886 г. и пѣсенкою Шаулюса и, какъ пузырь, должна была разлетѣться отъ укола булавкою. Но, кто знаетъ, пузырь можетъ еще вновь наполниться газомъ и взлетѣть очень высоко.

Французы не могутъ, однако, обойтись безъ кумира. Въ настоящій моментъ у нихъ въ должности такового состоитъ Эйфель, строющій для всемірной выставки желѣзную башню въ два раза выше Хеопсовой пирамиды. Уже треть башни по высотѣ и половина по количеству матеріаловъ и работы готовы. Эйфелю пятьдесятъ лѣтъ отъ роду, онъ исполнилъ нѣсколько серьезныхъ инженерныхъ работъ и никакой извѣстности не получилъ, но стоило ему сочинить проектъ нелѣпаго новаго вавилонскаго столпотворенія и сразу явилась слава и громкая извѣстность. Окончательно же популярность упрочилась, когда Эйфель втащилъ за собою на постройку нѣсколько актеровъ и вліятельныхъ хроникеровъ и затѣмъ какъ слѣдуетъ угостилъ ихъ.

Въ Парижѣ все оплачивается и все можно имѣть за деньги. Желаете вы убѣдиться въ вѣрности вашей жены, сейчасъ является господинъ, который за 20 франковъ въ день будетъ слѣдить за нею повсюду и давать вамъ отчеты *); желаете, чтобы вашу книгу расхвалили,—имѣются и для этого господа, берущіе цѣну опредѣленную и всѣмъ извѣстную—1,200 франковъ; желаете сообщить, что у васъ обѣдала или пѣла такая-то знаменитость,—можете, уплативъ 40 франковъ за строчку; хотите попасть въ академію, и на это есть свой тарифъ—если вѣрить Додэ.

*) Въ Лондонѣ, гдѣ все дороже, та же операція стоитъ въ день фунтъ стерлинговъ (25 франковъ).

Эйфелевская башня въ особенности нуждается въ оплаченныхъ рекламахъ, потому что на ней основываютъ теперь почти весь успѣхъ будущей всемірной выставки. Сама же по себѣ башня — дичь невозможная. Бросить 6 милліоновъ франковъ на сооруженіе, не имѣющее ни художественнаго, ни практическаго значенія, надобно имѣть много лишнихъ денегъ. Башня будетъ служить, и то на время выставки, для поднятія на нѣкоторую высоту зѣвакъ. Послѣдніе увидятъ, впрочемъ, Парижъ почти въ томъ же видѣ, какъ виденъ онъ и съ башенъ Трокадеро или Notre Dame. Да и надобно еще найти 6 милліоновъ такихъ охотниковъ подыматься, чтобы окупить расходы, тѣмъ болѣе, что, не смотря на элеваторъ, едва ли найдутся желающіе совершить путешествіе два или три раза.

Инженеры увѣряютъ, будто башня имѣетъ цѣлью доказать торжество механики, но послѣ американскихъ мостовъ въ семь верстъ длиною черезъ рѣки и морскіе проливы, желѣзными сооруженіями никого не удивишь. Вопросъ въ деньгахъ. Вотъ куполъ собора св. Петра въ Римѣ — вещь удивительная: всѣ профессора строительнаго искусства вычислили, что онъ дурно разсчитанъ Микель-Анджело, что долженъ провалиться, а куполъ стоитъ да стоитъ.

Башня Эйфеля навѣрно, впрочемъ, привлечетъ не малую толпу; французы, а въ особенности парижане,—„зѣваки“ по натурѣ, имъ подавай всякаго рода предметы для осмотра. Одновременно при мнѣ въ Парижѣ публика ходила въ Салонъ (годичная художественная выставка), на выставку рисунковъ Виктора Гюго, на выставку пастельной живописи, на выставку каррикатури-

стовъ, на выставку изящныхъ произведеній временъ Людовиковъ XIV и XV, наконецъ, продолжала ходить, хотя и менѣе прежняго, на выставку всякой белиберды въ Chat Noir. Первая и предпослѣдняя выставки особенно много привлекали народа. Не нужно думать, однако, что парижане—имѣющіе, впрочемъ, тонкій вкусъ—дѣйствительно обожали искусство, какъ любили его, напримѣръ, итальянскіе аристократы и духовныя лица временъ Возрожденія. Даже и платежъ по сто и двѣсти тысячъ франковъ за какую нибудь картину или фарфоровую чашку ровно ничего не доказываетъ. Искусство обратилось здѣсь въ игру, какъ обратились въ игру помѣщеніе капиталовъ въ процентныя бумаги или содержаніе заводскихъ лошадей.

Клика знатоковъ пускаетъ въ моду извѣстную эпоху, положимъ, Луи Сезъ, или извѣстнаго артиста: Миллэ, Коро и т. п.; начинается покупка произведеній этой эпохи или этого артиста, цѣны подымаютъ до безумія, рядомъ за отличныя такія же вещи не даютъ и десятой части; затѣмъ, когда цѣны набиты, начинается спусканіе скупленнаго добра, когда все продано и размѣщено и масса богатыхъ людей одурачена, происходитъ исканіе новаго предмета для ажіотажа. Эти поиски — цѣлая профессія. Въ нынѣшнемъ Салонѣ все, что было мало-мальски страннаго или новаго, сейчасъ же было отмѣчено и закуплено для дальнѣйшей спекуляціи и такимъ путемъ молодой художникъ, сегодня вовсе неизвѣстный, можетъ нежданно-негаданно стать на пути къ богатству. Само собою онъ за это долженъ потомъ платить и платить кому слѣдуетъ, платить деньгами или картинами.

Къ числу развлеченій для парижскихъ зѣвакъ принадлежала устроенная на Марсовомъ полѣ копія Бастиліи и улицы Сентъ-Антуантскаго предмѣстья въ томъ видѣ, какъ онѣ существовали въ 1789 году. Внутренность Бастиліи, впрочемъ, обращена въ пивную залу и только въ одной части устроена была тюрьма, яко бы подобная той, въ которую сажали по прихотямъ фаворитовъ и фаворитокъ. Вся выставка и собираемыя на каждомъ шагу „на водку“ за показываніе вещей, мало интересныхъ, производили впечатлѣніе довольно невыгодное. Да и Бастилія показалась весьма мизерною среди громадъ новаго Парижа. Смѣшно даже думать, что взятіе и разореніе подобнаго сооруженія, назначеннаго почти исключительно для знати и придворныхъ, французы въ свое время прославили безсмертнымъ гражданскимъ подвигомъ. Я убѣжденъ, что разсматриваніе этой картонной копіи должно производить такое же охлаждающее впечатлѣніе, какъ чтеніе книги Тена о революціи и первой республикѣ.

Впрочемъ, не только фонды первой республики очень пали, но и фонды третьей республики далеко не стоятъ твердо. „Il faut que la politique cesse d'être bête!“— слова, сказанныя однимъ журналистомъ, довольно вѣрно изображаютъ мнѣніе образованнаго меньшинства.—„Это просто непонятно, говорилъ мнѣ одинъ почтенный либеральный сенаторъ, что дѣлается у насъ. То есть, кажется, еслибы назначить конкурсъ, чтобы указать, кто наиболѣе во Франціи бездарные и ничтожные люди, то они оказались бы именно тѣ, которые стоятъ во главѣ правительства“.

По-моему, впрочемъ, отъ правительства, выражаю-

щаго собою мнѣніе массы, огромное большинство которой совершенно невѣжественно и вотируетъ по указаніямъ сельскихъ кабатчиковъ и мелкихъ адвокатовъ, трудно и ожидать другого выбора. Даже въ самой республиканской партіи замѣчается теперь расколъ. Старыя „бороды“ 1848 года, узколобые, но честные фанатики, презираютъ новыхъ республиканцевъ, которые поставили себѣ исключительною задачею набиваніе кармановъ и пристраиваніе родственниковъ. Замѣчательно, что молодежь во Франціи бо̀льшею частью враждебна республикѣ, да и въ другихъ странахъ радикализмъ укрывается теперь болѣе въ высокихъ чинахъ.

Даже г-жа Жюльета Аданъ — нимфа Эгерія третьей республики, нѣсколько сконфужена поведеніемъ своего дѣтища. — „Это вина Гамбетты, нѣсколько разъ повторяла она мнѣ, зачѣмъ онъ не слушалъ, зачѣмъ затѣвалъ безсмысленную войну противъ клерикализма и отталкивалъ отъ республики вліятельные классы“. Г-жа Аданъ противъ того, что была въ Петербургѣ, значительно постарѣла, но сохранила прежнія бодрость, словоохотливость и увѣренность въ сужденіяхъ. Журналъ ея, впрочемъ, имѣетъ, гораздо менѣе значенія, чѣмъ прежде. Такова, впрочемъ, участь всей оппортунистской прессы.

Парламентъ изъ пустомелей не такъ еще возбуждаетъ негодованіе толковыхъ парижанъ, какъ городская дума, состоящая изъ вернувшихся изъ каторги коммунистовъ, докторовъ безъ практики и всякаго рода неудачниковъ. Это собраніе, копирующее комунну 1793 года, постоянно вмѣшивается въ политику, а Парижъ остается безъ городской желѣзной дороги и достаточнаго количества воды; лѣтомъ изъ водостоковъ невыносимая вонь и даже улицы,

и тротуары стали мести хуже въ послѣднее время. Жалуются также на многочисленность преступленій. Полиція, запуганная частыми увольненіями, сдѣлалась вялою и боится мщенія толпы.

Политика на американскій ладъ быстро переходитъ въ руки дѣльцовъ, высшіе же классы и богатая буржуазія не только устраняются отъ нея, но начинаютъ все болѣе и болѣе сторониться отъ парижской жизни. Отсутствіе двора и вообще какого либо центра весьма замѣтно. Французское изящное „общество“ вѣдь и создалось изъ бывшаго двора или „компаніи“ короля. Ротшильды въ свѣтскомъ отношеніи не могутъ, хотя и желаютъ, замѣнить королей Франціи. Богатые люди поэтому являются теперь въ Парижѣ только на весенній сезонъ скачекъ, никогда не ранѣе января; въ іюнѣ всѣ разъѣзжаются; другой сезонъ—три, четыре недѣли—купальный, въ сентябрѣ, въ Трувилѣ или въ Біарицѣ. Затѣмъ, если кто и остается въ Парижѣ, то прячется, запираетъ ставни и, встрѣчая знакомыхъ, увѣряетъ, будто прибылъ въ столицу на нѣсколько дней.

Это замираніе жизни дурно вліяетъ на торговлю и дѣла; Парижъ все-таки продолжаетъ строиться, хотя и тише прежняго. Кокотки, а ихъ тысячи, подъ вліяніемъ политическихъ кризисовъ и удешевленія поземельной собственности, обращаютъ свои заграничные фонды въ дома. Ежегодно въ Парижѣ строится еще 3,000 домовъ, половина ихъ имѣетъ болѣе 4 этажей, обыкновенно шесть или семь.

Кокотки—главные представители парижскаго „трудолюбія“, потому что истые парижане не работаютъ, а заставляютъ за себя работать провинціаловъ или ино-

странцевъ. Всѣ подметальщики улицъ въ Парижѣ изъ Люксамбурга, каменотесы—изъ Піемонта, бельгійцы исполняютъ работы, требующія усидчивости, нѣмцы—грязные. Зато парижане никому не уступаютъ обязанностей „сутенеровъ", „альфонсовъ" и „зебровъ". Это выгодная профессія кормитъ, по исчисленіямъ полицейской статистики, до ста тысячъ человѣкъ и въ рукахъ сутенеровъ, проводящихъ время въ праздной болтовнѣ,—выборы. Впрочемъ, только въ низшихъ классахъ женщины очень щедры, въ остальныхъ то, что называется poser un lapin, считается въ Парижѣ восьмымъ смертнымъ грѣхомъ, превосходящимъ всѣ остальные въ общей сложности.

Общественная жизнь замираетъ и по другимъ причинамъ, а именно отъ нелѣпой роскоши. Надобно обладать грубымъ краснорѣчіемъ Тертуліана, чтобы громить достойно безумства Парижа по этой части. Роскошь отдѣлки квартиръ и экипажей нѣсколько уменьшилась въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ англійскихъ модъ, но за то по англійской же модѣ увеличилась роскошь въ деревенскихъ пріемахъ. Затѣмъ роскошь нарядовъ все усиливается; дѣвушки теперь такъ же великолѣпно одѣваются, какъ и дамы, а замужняя женщина не можетъ имѣть „порядочнаго" платья дешевле 600—1,000 франковъ, зонтика 100—200 франковъ и т. д. Но это только фонъ, платье само по себѣ мало стоитъ, къ нему требуются кружева, вышивки и необходимы дорогое бѣлье, стоющее иногда цѣлаго состоянія, вышитые шелками корсеты, подвязки и т. д. Впрочемъ, и платьевъ „порядочная" женщина не можетъ сдѣлать въ годъ менѣе чѣмъ на 20,000 франковъ. Само собою, что платить по-

добныя суммы въ состояніи немногія; но модистки Rue de la Paix и Avenue de l'Opéra, если только женщина красива (молодость не нужна, французы предпочитаютъ даже любовницами пожилыхъ женщинъ, какъ болѣе развратныхъ), охотно открываютъ кредитъ, въ убѣжденіи, что судьба рано или поздно пошлетъ кого либо, кто ликвидируетъ счеты замотавшейся барыни.

Въ эту зиму въ Парижѣ американскими дамами введена новая безумная роскошь на подарки во время котильона. Прежде въ котильонѣ раздавались цвѣты, ленты, звѣзды изъ золоченой бумаги, теперь требуются брилліантовыя и золотыя вещи. Въ „порядочномъ" домѣ нельзя дать бала, не купивъ для котильона тысячъ на двадцать или двадцать-пять франковъ подарковъ. Конечно, это подъ силу двумъ десяткамъ американскихъ „растакуэровъ" или жидовскихъ банкировъ, а потому баловъ даютъ все менѣе и менѣе; парижане предпочитаютъ сидѣть дома и скучать лучше, чѣмъ срамиться, не слѣдуя глупой и разорительной модѣ.

Къ нашему счастью, мы стали теперь сильно отставать отъ парижскихъ модъ, даже въ туалетахъ. Кромѣ трехъ-четырехъ франтихъ, моды въ Петербургѣ опаздываютъ противъ Парижа почти на годъ. Такъ, нынче свирѣпствовалъ зеленый цвѣтъ во всѣхъ оттѣнкахъ, а его въ Петербургѣ совсѣмъ незамѣтно. У насъ также дамы не знаютъ спеціальныхъ туалетовъ для скачекъ, купаній, верховой ѣзды и т. д.

Парижъ—этотъ „мозгъ вселенной"—по изреченію Виктора Гюго—очень плохо сталъ работать и по умственной части, хотя типографіи печатаютъ чрезвычайную массу книгъ. Каждый годъ выборы въ академію

дѣлаются все затруднительнѣе и затруднительнѣе. Во Франціи появилось множество мелкихъ поэтовъ, что всегда указываетъ на паденіе литературы. Въ наукѣ, въ философіи давно уже рѣшительно нѣтъ ничего выдающагося, шарлатанскія открытія Пастера были послѣднею пробою обратить на себя вниманіе со стороны европейскихъ ученыхъ. Въ романѣ, кромѣ фабричной рутины и Зола, стоящаго какъ гигантскій волканъ среди тысячи низкихъ посредственностей, образовались двѣ школы, обѣ одинаково вычурныя и безсодержательныя. А слогъ! Языкъ Вольтера устарѣлъ теперь, какъ языкъ Остромірова Евангелія, вся литература и общество употребляютъ argot.

Для того, чтобы показать образецъ современнаго романо-писанія, беру отрывокъ изъ книги, признанной за оригинальную:

„Хорошій голосъ у женщины доказываетъ здоровое состояніе яичниковъ, равнодушіе ко всему — ослабленіе orchides, болтовня — растяженія желѣзъ. Для физіолога лѣнивый работникъ имѣетъ мускулы таза слишкомъ жирные, отважность есть раздраженія солнечнаго сплетенія, а вялость характера зависитъ отъ большаго или меньшаго количества извести въ костяхъ. Что такое упрямство? Это отвердѣніе тканей мозга. Скромность и тщеславіе зависятъ отъ здоровія копчика, а разслабленная плевра вызываетъ уничиженіе св. Лабра. Когда сердечное отверстіе здорово, человѣкъ услужливъ; большія и меньшія претензіи зависятъ отъ функціонированія лимфатическихъ сосудовъ. Толщина сердечной сумки даетъ безчувственность ростовщика, ипохондрическое состояніе влечетъ къ общественности. Двуличіе зависитъ отъ съуживанія отверстія сердца, а болтовня отъ его расширенія. Щедрость связана съ аортой, вѣжливость зависитъ отъ хорошаго состоянія гортанной щели и глотки. Скаредство не бываетъ безъ тугости сфинктера. Человѣкъ справедливъ или несправедливъ, сообразно тому, заслонки сердца закрываются ли хорошо или дурно. Распухшая щитовидная желѣза со-

впадаетъ съ хвастовствомъ, а разслабленіе воротной вены вызываетъ неповоротливость. Храбрость и трусость сидятъ въ кишкахъ, спокойствіе и гнѣвъ—въ желчномъ пузырѣ, грусть и веселіе—въ почкахъ. Кто имѣетъ здоровую селезенку, тотъ аккуратенъ"...

Неизвѣстно только, избытокъ или недостатокъ чего заставилъ автора написать эти курьезныя строки.

Театръ, слѣдуя за общимъ ухудшеніемъ, также въ большомъ упадкѣ. Въ Парижѣ нынѣшній сезонъ былъ особенно бѣденъ и по части репертуара и по части талантовъ. Самою замѣтною пьесою была въ Vaudeville комедія „Les suprises du divorce", уморительный фарсъ, гдѣ отличался игрою комикъ Жоли, а наружностью m-lle Caron. Парижане бѣгали смотрѣть „La fille de m-me Angot", возобновленную въ Эденѣ, но на меня она произвела удручающее впечатлѣніе: Жюдикъ невозможно растолстѣла и совершенно потеряла голосъ, Жанъ-Гранье немного лучше сохранилась, она даже бойко танцовала sabotière. „Decoré" въ Varietés шелъ хуже, чѣмъ у насъ на Михайловскомъ театрѣ, хотя, впрочемъ, г-жѣ Лоди до г-жи Режанъ, какъ до звѣзды небесной. „Decoré" смѣнила оффенбаховская „Трепизондская принцесса", здѣсь имѣла обычный успѣхъ г-жа Мили Мейеръ. Расхваленный въ газетахъ „Le docteur Jojo" въ Cluni оказалась пошлымъ фарсомъ, въ придачу скверно съиграннымъ. Весь интересъ оперетки „Le puits qui parle" въ Nouveautés заключался въ хорошенькой г-жѣ Дебрюэжъ, которая являлась буквально въ одномъ трико. Зачѣмъ, молъ, скрывать хорошія вещи! Въ Парижѣ, впрочемъ, по тѣлосложенію первая актриса г-жа Бойе, въ Одеонѣ.

Большая опера въ плохомъ положеніи, поддерживаютъ ее Лассаль и братья Решке, вмѣсто пѣвицъ же какія-то кухарки. Въ „Opéra-Comique", временно дающей свои

представленія въ бывшемъ Лирическомъ театрѣ, принадлежащемъ городу и переименованномъ въ Théâtre des nations, имѣла огромный успѣхъ опера Лало „Le roi d'Ys", лежавшая въ портфеляхъ дирекціи лѣтъ пятнадцать, если не болѣе. Это довольно ничтожное произведеніе, оригинальное развѣ тѣмъ, что въ немъ фигурируетъ на сценѣ и поетъ святой. Парижанамъ, однако, музыка Лало, почитаемаго ими серьезнымъ композиторомъ, ибо онъ написалъ скучную музыку къ балету, пришлась по вкусу, театръ былъ вѣчно полонъ. Впрочемъ, исполненіе оперы недурно. Въ числѣ исполнителей выдавалась, между прочимъ, г-жа Дешанъ, примадонна „Аркадіи".

По части пѣнія едвали не первый теперь талантъ въ Парижѣ наша соотечественница г-жа Бенардаки, принимающая иногда участіе въ благотворительныхъ концертахъ. Въ музыкальныхъ кружкахъ Парижа она чрезвычайно популярна, и такъ какъ г-жа Бенардаки имѣетъ еще весьма заслуженно репутацію красивѣйшей женщины столицы Франціи, то восторженный пріемъ, оказываемый ей всегда публикою, безъ труда объясняется.

Балетъ въ „Grand Opéra" совсѣмъ расклеился, всѣ сюжеты старые и тощіе, обстановка плохая. Новые директоры Оперы балету не покровительствуютъ. Въ „Эденѣ", пользуясь этимъ, поставили съ огромною роскошью новый балетъ Манцотти: „Rolla" — сюжетъ не Мюссе, а изъ итальянской исторіи. Не смотря на превосходную постановку, блестящіе костюмы и искусное освѣщеніе, а также на участіе двухъ превосходныхъ балеринъ: старой, чрезвычайно сильной Коппини и юной, легкой, какъ пухъ, Леньяно (только что выпущенной изъ миланскаго учи-

лища) и удивительнаго по силѣ танцовщика Винченти, балетъ сборовъ не дѣлалъ и уже черезъ мѣсяцъ его сократили и половину труппы отпустили съ миромъ въ страну макаронъ. Только первое представленіе было полно, платили барышникамъ и агентствамъ пятерныя цѣны. Во время представленія, въ бель-этажѣ какіе-то господа дрались между собою и колотили какую-то даму. Въ Парижѣ подобный способъ оканчивать семейныя драмы не рѣдокъ.

Паденіе театровъ приписываютъ системѣ постановки пьесъ. Никто объ отысканіи новыхъ талантовъ и новыхъ пьесъ не заботится. Провинціальные театры угасли и провинціальная публика ходитъ смотрѣть только парижскихъ гастролеровъ. Для парижскихъ директоровъ одна забота—поставить съ роскошною обстановкою пьесу, которая могла бы по возможности даваться долѣе; для этого хлопочутъ они не о пьесѣ, а о рекламѣ, т. е., попросту говоря, подкупаютъ театральныхъ хроникеровъ. Но послѣдніе сдѣлались весьма требовательными и не довольствуются уже простыми взятками и даровыми билетами,—они ставятъ условіемъ, чтобы ихъ имена стояли въ числѣ именъ авторовъ, и чтобы на ихъ долю шла соотвѣтственная доля въ авторскомъ гонорарѣ, а это доходъ не малый. „Les Surprises du divorce“, напримѣръ, доставилъ авторамъ (одинъ изъ нихъ мелкій служащій на Сѣверной желѣзной дорогѣ) 100,000 франковъ!

Да не только комедія, самая пустая шансонетка, разъ она пріобрѣтаетъ успѣхъ въ Парижѣ, оплачивается великолѣпно. Глупѣйшая пѣсенка „L'amant de l'Amanda“ доставила автору 12,000 франковъ, а „En revenant de la Revue“, пожалуй, сдѣлаетъ ея автора милліонеромъ.

Исполнители этой ерунды становятся въ Парижѣ особами, газеты печатаютъ ихъ faits et gestes, даже мнѣнія о политикѣ! Такъ, Паулюсъ, толсторожій каботэнъ, съ широкою глоткою, своимъ крикомъ способный заглушить шумъ тысячной толпы, сталъ знаменитостью и никакого нѣтъ сомнѣнія, что ему обязанъ Буланже значительною долею своей популярности. Соперникъ Паулюса, подвизающагося нынче въ лѣтнемъ Альказарѣ, по части шансонетокъ въ конкуррирующихъ заведеніяхъ (кафе-шантаны тоже ангажируютъ исполнителей на сезоны, какъ оперные театры) — Боргесъ, пустившій въ моду шансонетку „Les piou-piou d'Auvergne". Въ „Folies-Bergères" отличаются извѣстныя сестры Мартенсъ; Александрина — prix de beauté, имѣетъ въ Парижѣ громадный успѣхъ и нельзя поручиться, чтобы она не кончила карьеру герцогиней или маркизой. По части канкана „мозгъ вселенной" также имѣетъ знаменитостей: Grille d'Egout и La Goulu — двѣ безстыдныя и довольно уродливыя дѣвки занимаютъ то высокое положеніе, которое когда-то занимала Ригольбошъ.

Но кто помнитъ Ригольбошъ, кто помнитъ парижскіе кафе-шантаны при имперіи, тотъ долженъ сознаться, что веселость изъ нихъ исчезла. Мантегацца въ своей „Физіологіи удовольствія" пишетъ, что „французы имѣютъ въ высокой степени свойство — чувствительность къ воспріятію удовольствія, оно увеличиваетъ въ сто разъ наслажденіе и дѣлаетъ жизнь счастливою". Это было писано въ 1854 году; при третьей республикѣ Мантегацца не написалъ бы этого. Характеръ французскаго веселья сильно измѣнился.

При имперіи канканъ и шансонетки были стѣснены

полиціей и цензурой, поэтому подымать кверху ноги и пѣть веселый вздоръ считалось своего рода оппозиціей правительству, демократическимъ подвигомъ; всѣ гулянья были переполнены студентами и гризетками, упражнявшимися для собственной потѣхи. Теперь не то. Я посѣтилъ Баль-Бюлье, или такъ называемое „Closerie des Lilas“, а въ прошломъ году присутствовалъ въ Гренульеръ около Буживаля на балѣ канотьеровъ, но ничего, кромѣ ординарнаго пьянства мелкихъ приказчиковъ и публичныхъ женщинъ, не видалъ. Танцовали исключительно спеціалисты, нанятые для того содержателями баловъ. Той поэзіи, которую находилъ въ этихъ шумныхъ сборищахъ Мюрже, нѣтъ и слѣдовъ. А упомянутыя заведенія еще своего рода аристократія публичныхъ баловъ; каковы же тѣ сотни танцовальныхъ собраній, гдѣ собираются рабочіе?

Это не мѣшаетъ, впрочемъ, парижскому муниципалитету писать, что „скандальныя и развращающія при деспотизмѣ (т. е. при Наполеонѣ III) народныя развлеченія въ свободномъ обществѣ стали здоровыми и освѣжающими“.

Даже въ лучшемъ обществѣ наиболѣе популярное теперь въ Парижѣ зрѣлище—цирки. Съ развитіемъ демократіи всегда шло одичаніе искусства. Верхнія сословія увлекаются музыкой, искусствомъ наиболѣе психопатическимъ, которое въ концѣ концовъ доведетъ до съумасшествія цѣлыя поколѣнія. Масса же публики предпочитаетъ туръ де форсы, акробатовъ, головоломныя скачки и т. д. То же самое замѣчалось и въ Римѣ, гдѣ съ развитіемъ демократіи комедія Плавта и Теренція замѣнилась исключительно циркомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и

Европа дойдетъ еще, въ той или другой формѣ, до боевъ гладіаторовъ.

Чѣмъ забавляется парижское лучшее общество, надобно видѣть въ циркѣ Молье. Молье-де-Бенувиль, богатый человѣкъ, искусный наѣздникъ, въ домѣ своемъ около Булонскаго лѣса устроилъ обширный циркъ, гдѣ аристократія упражняется въ гимнастикѣ и верховой ѣздѣ. Каждый годъ Молье даетъ два публичныя представленія, одно для кокотокъ, другое — для dames du monde. Приглашенія, конечно, именныя и даровыя, наиболѣе интимныхъ знакомыхъ угощаютъ даже послѣ представленія ужиномъ. Попасть къ Молье очень трудно, требуется особая протекція. Я, въ качествѣ русскаго, имѣлъ приглашеніе въ прошломъ году въ день „порядочныхъ женщинъ“. Представленіе нынѣшняго года, судя по отчету „Figaro“, мало отличалось отъ предъидущаго, прибавлены были только пантомима „Les Ereintés de la vie“, сочиненіе извѣстнаго романиста Ф. Шансора, и китайскія тѣни: контуры нагихъ женщинъ являлись въ темнотѣ — на бѣломъ полотнѣ. Proh pudor! Надобно прибавить поскорѣе, что женскій персоналъ у Молье набирается изъ актрисъ и наѣздницъ, наоборотъ мужской: наѣздники, гимнасты, клоуны, танцовщики, даже прислуга цирка—все представители общества, многіе съ громкими титулами.

Виконтъ Гюберъ-де-Ларошфуко, напримѣръ, выдѣлываетъ на трапеціи штуки не хуже любого акробата.— „Voilà un monsieur qui porte bien haut son nom!“ сказалъ мнѣ съ легкимъ презрѣніемъ одинъ еврейскій банкиръ, глядя на потомка автора геніальныхъ „Maximes“,

перелетавшаго подъ крышею цирка съ одной палки на другую, перекувыркиваясь по дорогѣ.

Нѣкоторые увѣряютъ, что это кувырканіе имѣетъ политическое значеніе. Французская аристократія желаетъ-де показать правительству, что при нынѣшнемъ порядкѣ вещей она не имѣетъ никакой роли въ дѣлахъ Франціи и ей остается заниматься пустяками. Само собою, что подобная оппозиція республикѣ только глупа, аристократія владѣетъ еще огромными имѣніями, и еслибы серьезно занялась ими, то имѣла бы огромное и политическое, и общественное вліяніе. Помѣщики Бретани и Пуату до сихъ поръ сохранили его.

Все русское въ Парижѣ въ модѣ или было въ модѣ, такъ какъ при перемѣнчивости французовъ нельзя ручаться за столь же быстрое охлажденіе, какъ быстро явилось увлеченіе. Долгое время только печи Шуберскаго — доставлявшія, говорятъ, ихъ изобрѣтателю до 600 тысячъ франковъ въ годъ, популяризировали русское имя, согрѣвая мерзнувшихъ парижанъ; теперь все, что изъ Россіи и русское, имѣетъ право разсчитывать на успѣхъ, а иногда достаточно быть русскимъ и по названію. Этимъ объясняется, между прочимъ, успѣхъ Montagnes russes и пантомимы „Skobeleff“.

„Русскія горы“ изобрѣтены англичаниномъ и первоначально устроились на Boulevard des Capucines во дворѣ, обращенномъ помощью крыши въ громадную залу. Теперь уже горы дѣйствуютъ въ разныхъ мѣстахъ Парижа, а изобрѣтатель взялъ привиллегію и въ другихъ странахъ. Парижскія русскія горы остроумнѣе нашихъ, потому что силою паденія сани, идущія по рельсамъ на колесахъ, подымаются сами собою кверху. При этомъ

путь устроенъ волнообразно и сани то подымаются, то опускаются. Это даетъ поводъ публикѣ, сидящей въ саняхъ, хвататься отъ страху, или притворно, другъ за друга, а дамамъ при этомъ неистово визжать. Этотъ крикъ и составляетъ главное развлеченіе сидящей около горъ и попивающей пиво публики; въ числѣ послѣдней преобладаютъ уличныя феи, старыя, уродливыя и наштукатуренныя; порядочныя женщины въ Montagnes russes не показываются. Входъ стоитъ франкъ, а катанье отдѣльно въ два конца полфранка.

„Skobeleff“, идущій ежедневно въ Ипподромѣ, долженъ льстить нашему самолюбію: русскимъ здѣсь отведена самая почетная роль. Пантомима начинается увертюрой, составленной изъ „Дубинушки“ и національнаго гимна. Затѣмъ сцена: кабакъ на большой дорогѣ, дымится самоваръ, русскіе пейзане гуляютъ обнявшись, а помѣщики и военные катаются на лошадяхъ. Скобелевъ проѣзжаетъ въ бѣговыхъ дрожкахъ. Артистъ, его изображающій, загримированъ недурно. Вторая картина на войнѣ. Русскій патруль попадается туркамъ въ плѣнъ, турки хотятъ разстрѣлять плѣнныхъ, русскіе съ презрѣніемъ отталкиваютъ желающихъ завязать имъ при этомъ глаза; является выручка, летятъ казаки, спѣшиваются, валятъ лошадей, отстрѣливаются, является на бѣломъ конѣ Скобелевъ съ отрядомъ пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи и освобождаетъ плѣнныхъ. Послѣдняя картина—Нева, по ней русскіе мужики въ рубашкахъ катаются на конькахъ! Хоръ русскихъ пѣсенниковъ поетъ русскія пѣсни; Скобелевъ проѣзжаетъ на тройкѣ. „Славься“ заключаетъ спектакль; французы растроганы; имъ грезится, что въ то время, когда они на бульва-

рахъ пьютъ мазагранъ и гоняются за женщинами, русскіе, потерявъ сто тысячъ и выпустивъ милліардъ кредитныхъ билетовъ, разбили нѣмцевъ, отняли у нихъ Эльзасъ-Лотарингію и возвращаютъ господамъ Карно и Флокэ.

Поставленъ „Скобелевъ“ хотя и недурно, но, очевидно, по рисункамъ; въ костюмахъ и формахъ допущено не мало ошибокъ; такъ, русскія бабы ходятъ съ распущенными волосами, военные въ послѣднюю войну одѣты въ современныя формы, да и относительно послѣднихъ много курьезовъ; напримѣръ, наша пѣхота идетъ постоянно въ атаку безъ штыковъ, артиллерійская прислуга вооружена ружьями. Не мало и другихъ промаховъ, возбуждающихъ въ русскомъ улыбку.

Я, впрочемъ, видѣлъ въ Парижѣ вещь болѣе комическую, чѣмъ „Skobeleff“—это визитную карточку одного попа, семинарская фамилія котораго была написана по-французски съ предлогомъ de.

ВЪ ИСПАНІИ И МАРОККО

Красота и грязь!

Мнѣніе князя Бисмарка объ
Испаніи въ письмѣ къ женѣ.

I.

Барселона. — Торжества по случаю пріѣзда королевы-регентши. — Политическія интриги. — Открытіе всемірной выставки. — Король и Марія-Христина. — Retreta Militara, церковная процессія. — Посѣщеніе королевою-регентшею русскаго военнаго судна.

Я пріѣхалъ въ Барселону какъ разъ къ открытію всемірной выставки, въ то время, когда въ городъ прибылъ король Альфонсъ XIII, королева-регентша, а для ихъ привѣтствія собрались эскадры почти всѣхъ державъ. Морскія торжества по этому случаю напомнили мнѣ живо открытіе Суэзскаго канала въ 1869 году. Болѣе пятидесяти судовъ, стоявшихъ въ гавани и на рейдѣ (въ томъ числѣ 17 французскихъ, 16 итальянскихъ, 8 австро-венгерскихъ, 6 англійскихъ, 2 русскихъ, по одному германскому, португальскому, голландскому, сѣверо-американскому и т. д.), ежедневно обмѣнивались салютами по уставу. Вычислено, что за недѣлю сдѣлано было около 25,000 выстрѣловъ, отъ которыхъ пострадали окна въ нѣкоторыхъ домахъ, страдала барабанная перепонка, но радовалось сердце каталонцевъ, забывшихъ на-время свои республиканскія убѣжденія и вражду къ „кастильскому“ правительству.

Не нужно думать, что эта морская демонстрація была мирнымъ торжествомъ съ цѣлью трогательнаго сближенія народовъ. Наоборотъ, какъ въ мѣшкѣ, наполненномъ змѣями, интриги кипѣли въ Барселонѣ по поводу самыхъ мелочныхъ случаевъ и хотя все съ виду окончилось благополучно и безъ международныхъ скандаловъ, но не мало осталось уязвленныхъ самолюбій. Нѣмцы, австрійцы и итальянцы всюду выставляли на видъ свою тѣсную дружбу и кокетничали съ испанцами; французы, представляемые Камбономъ, устроителемъ Туниса, а ранѣе прославившимся своею коровою, были по возможности предупредительны къ русскимъ. Первый министръ Сагаста произнесъ, правда, на обѣдѣ, даннomъ иностраннымъ морякамъ, на испанскомъ броненосцѣ „Нумансія“, пышную рѣчь, гдѣ сказалъ, что Испанія желаетъ мира и будетъ только въ дружбѣ съ тѣми державами, которыя стоятъ за миръ. Но извѣстно, что воинственныя державы, ведущія задирательную политику, и именуютъ себя теперь „лигою мира“, а затѣмъ извѣстна вертлявость Сагасты, который, хотя человѣкъ чрезвычайно умный, но и чрезвычайно безхарактерный.

Впрочемъ, высказаться положительно Сагаста едва ли могъ бы на сдѣланныя ему лигою псевдо-мира предложенія, такъ какъ во время празднествъ со дня на день ждали въ Испаніи министерскаго кризиса. Дипломаты лиги мира, какъ я сказалъ, фигурировали на первомъ планѣ, пользуясь отчасти тѣмъ, что, какъ послы, а не посланники, они и безъ того имѣли преимущества. Пресловутую лигу представляли: посолъ германскій Штуммъ—креатура князя Бисмарка, еще молодой человѣкъ, талантливый, но очень возмнившій о себѣ, послѣ назна-

ченія посломъ, итальянскій графъ Торьелли, человѣкъ умный, но въ обществѣ замѣчательно скучный, и австровенгерскій, графъ Дубскій, весьма ординарный дипломатикъ, ничѣмъ не примѣчательный.

Россію могло утѣшить лишь то, что пушки ея двухъ крейсеровъ „Вѣстника“ и „Забіяки“ палили громче всѣхъ. Это зависѣло отъ того, что наши военныя суда стояли ближе другихъ къ городу; оно все-таки производило на публику внушительное впечатлѣніе, равно какъ и большой ростъ нашихъ матросовъ. Самые же деревянные крейсера, небольшихъ размѣровъ, не шли, конечно, ни въ какое сравненіе съ броненосными страшилищами, присланными сюда Франціей и Италіей. Даже англійская эскадра отошла на второй планъ по качеству кораблей.

Приходъ иностранныхъ эскадръ въ Барселону болѣе всего интересовалъ печать и Европу и льстилъ самолюбію испанцевъ, которые продолжаютъ пребывать въ блаженномъ убѣжденіи, что они—первый народъ въ мірѣ; но съ точки зрѣнія туриста прочія торжества были гораздо интереснѣе. Ихъ, впрочемъ, всѣхъ и не опишешь, такъ какъ королева-регентша и маленькій король жили въ Барселонѣ болѣе двухъ недѣль, а празднества происходили каждый день, даже по нѣсколько разъ въ день. Устраивались они со вкусомъ, дѣлающимъ большую честь испанцамъ, а также съ роскошью, почти удивительною для такого города, какъ Барселона, который, по величинѣ и по обороту торговли, немногимъ превосходитъ, напримѣръ, Одессу. Городъ не только устроилъ на свой счетъ всемірную выставку, получивъ лишь отъ правительства ссуду въ 2 милл. песетъ (франковъ), но выстроилъ въ ожиданіи выставки и сопровождавшихъ ее

торжествъ, огромныя каменныя зданія, провелъ бульвары, насадилъ пальмы, цвѣтники, содержалъ все время пословъ и депутаціи, платилъ за мѣста въ спектакли, наконецъ устроилъ рядъ праздниковъ. Правда, говорили, что алькадъ или президентъ города энергическій донъ-Ріусъ-и-Таулетъ, подастъ въ отставку послѣ окончанія выставки, предоставляя расхлебывать финансовые результаты другимъ, но и устроить все требовалось энергіи чрезвычайной, тѣмъ болѣе, что сначала очень запоздали; зато со времени пріѣзда королевы упущенное время было наверстано; работы шли такъ быстро, что нѣкоторыя сооруженія созидались точно волшебствомъ въ одну ночь.

Для описанія всѣхъ праздниковъ надобны томы, не говоря уже о слогѣ, по крайней мѣрѣ, редактора губернскихъ вѣдомостей. Торжества начались съ въѣзда королевы въ городъ черезъ устроенныя въ разныхъ мѣстахъ тріумфальныя арки, затѣмъ происходило представленіе гостей и депутаціи въ ея помѣщеніи, которое находилось въ зданіи думы или Ayuntamiento, старинномъ дворцѣ, нѣсколько испорченномъ дальнѣйшими перестройками. Въ день представленія извозчикамъ платили по 15 песетъ за конецъ, ибо понадобилось перевезти нѣсколько тысячъ депутатовъ, офицеровъ, гостей и проч. въ парадныхъ мундирахъ. Впрочемъ, при здѣшнихъ разстояніяхъ и чудной погодѣ большинство не стѣснялось въ однихъ мундирахъ и фракахъ гулять по городу по образу пѣшаго хожденія.

Торжество открытія выставки происходило въ зданіи, выстроенномъ для помѣщенія художественныхъ произведеній. Зданіе монументальное, а его концертная зала съ двумя органами, по крайней мѣрѣ, въ два раза болѣе

залы нашего Дворянскаго собранія. Когда-то Петербургъ дождется чего либо подобнаго для своей консерваторіи? Правда, по нашему климату для отопленія такой залы потребуется сжигать ежедневно по десятинѣ лѣса. Концертный залъ былъ обращенъ въ тронный залъ. Малолѣтній Альфонсъ XIII сидѣлъ на тронѣ, направо отъ него стояла кормилица — красивая галиційская крестьянка. Хотя королю уже два года, но, по испанскому обычаю, его еще не отымаютъ отъ груди. Налѣво отъ короля сидѣла въ креслѣ королева-регентша, ступенькою ниже, на креслахъ же, сидѣли двѣ принцессы, сестры короля. Сзади и сбоку размѣстились принцы, министры, послы, придворные и другія выдающіяся лица. Торжество состояло въ томъ, что послѣ привѣтственныхъ рѣчей Сагаста объявилъ выставку открытою.

Королева на открытіи выставки, какъ и на всѣхъ празднествахъ, была одѣта весьма просто въ полутраурѣ. По наружности ее нельзя назвать красивою. Марія-Христина худощава, имѣетъ темные бѣлокурые волосы, на щекахъ ямочки, носъ съ горбомъ, губы большія, зубы также и выдающіеся впередъ. Украшаютъ королеву глаза, имѣющіе пронзительный видъ, хотя королева часто прибѣгаетъ къ лорнету. Эти глаза обличаютъ женщину большого ума и твердаго характера. Общее мнѣніе, что Марія-Христина необыкновенно замѣчательная женщина. Отъ своего дѣда, знаменитаго полководца-побѣдителя при Аспернѣ эрцъ-герцога Карла, она унаслѣдовала стойкость и отвагу, необходимую для управленія испанцами, а по мужскому складу ума и дѣловитости она напоминаетъ свою прабабушку, импера-

трицу Марію-Терезію, но отличается отъ послѣдней веселымъ характеромъ.

Королева-регентша изучаетъ все въ подробности, читаетъ много и буквально удивляетъ министровъ своими спеціальными по всѣмъ предметамъ познаніями. Въ то время, когда покойнаго короля, болѣзненнаго Альфонса XII, двѣ капли дождя загоняли домой, королева цѣлые часы верхомъ на лошади проводитъ на смотрахъ войскъ и лично очень часто объѣзжаетъ казармы, которыя осматриваетъ во всей подробности. Испанцы хвалятъ ее за желаніе управлять внѣ вліянія придворной камарильи и настойчивость ея въ этомъ случаѣ, особенно въ дѣлѣ помилованія генерала Вилакампы и назначеніи толедскаго архіепископа, заслужила одобреніе всѣхъ партій безъ различія. Такимъ образомъ, перемиріе и тишина, наступившія въ Испаніи и позволяющія послѣдней улучшить свои финансы (испанскія бумаги стоятъ теперь въ Парижѣ немногимъ хуже русскихъ) и устраивать всемірныя выставки, обязаны не случаю, а во многомъ ихъ умной королевѣ. Скоро испанцамъ нельзя ужъ будетъ острить, что конституціонная монархія основана sur la foi de leurs pères et celle de leurs créanciers.

Маленькій король на торжествѣ велъ себя также съ замѣчательнымъ для ребенка терпѣніемъ. Онъ сидѣлъ смирно, и только разъ заплакалъ, причемъ маленькая сестра, принцесса Астурійская, встала и поиграла съ нимъ, трогая за щечки. Это былъ второй дебютъ Альфонса XIII,—въ первый, въ Мадридѣ, онъ такъ разревѣлся, что кормилица унесла его съ трона въ спальню.

За открытіемъ выставки шли морскія празднества, при чемъ королева посѣтила суда: итальянское, французское,

австрійское и германское; были также регаты, затѣмъ флоральныя игры: присужденіе премій каталонскимъ поэтамъ. Королева дипломатично обѣщала черезъ годъ выучиться каталонскому языку, чѣмъ окончательно очаровала каталонцевъ. Послѣдніе уже такъ обрадовались что подали королевѣ адресъ, справедливо названный Сагастою въ кортесахъ „шутовскимъ“, съ просьбою отдѣлить Каталонію отъ Испаніи и создать нѣчто вродѣ испанской Австро-Венгріи. Въ адресѣ говорилось, что королева, какъ австріячка, должна лучше другихъ оцѣнивать прелести дуализма!!

Одинъ день королева-регентша посвятила поѣздкѣ въ знаменитый монастырь Монсераттъ, гдѣ два епископа и аббатъ монастыря служили съ необычайнымъ торжествомъ обѣдню. Въ театрахъ было два спектакля-гала, одинъ въ Liceo — едва ли не самомъ большомъ театрѣ въ Европѣ, другой въ Teatro Lirico; въ обоихъ съ итальянской оперной труппой при участіи Гайяра, котораго, какъ каталонца и барселонскаго уроженца, здѣсь просто боготворятъ, считая понятно первѣйшимъ теноромъ въ мірѣ. Teatro Lirico — громадный и роскошно отдѣланный, среди прекраснаго сада, принадлежитъ мѣстному богачу, бывшему маклеру, а теперь сенатору г. Арпусу, который иногда отдаетъ его въ эксплоатацію даромъ тѣмъ труппамъ, которыхъ желаетъ поощрить. Спектакль-гала онъ устроилъ на свой счетъ и устроилъ блистательно. Королева просидѣла все представленіе, затянувшееся до часа ночи, и въ антрактѣ гуляла по саду среди публики. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что по городу безъ конвоя королева и король не ѣздятъ. Давали „Пуританъ“ и въ ложахъ возсѣдалъ весь барселонскій beau-

monde. Туалеты дамъ были роскошны, много красивыхъ лицъ, красивыхъ глазъ, бровей и волосъ, но особенныхъ красавицъ я не замѣтилъ, ихъ мѣсто не въ Барселонѣ. Тутъ и народный типъ некрасивъ, женщины маленькія, коренастыя, но бойкія, какъ и мужчины. Послѣдніе славятся также лукавствомъ. Гюго обезсмертилъ типъ каталонца въ своемъ Донъ-Сезаръ де-Базанѣ.

Однимъ изъ самыхъ удачныхъ празднествъ въ честь королевы-регентши была такъ называемая Retreta Militar или факельцугъ, устроенный испанскими арміей и флотомъ. Для успѣха этого зрѣлища, надобно бы поискать сочетанія тѣхъ благопріятныхъ условій, которыя представлялись въ Барселонѣ: берегъ моря, высокія скалы около самаго моря и огромное живое населеніе. Я имѣлъ приглашеніе въ королевскую ложу, которая была устроена съ большою роскошью на углу главной въ Барселонѣ улицы Рамблы и бульвара Колумба, близь королевской пристани. Передъ пріѣздомъ Маріи-Христины, вдоль лѣстницы выстроились алебардисты или тѣлохранители короля. Это единственная гвардія въ Испаніи; всѣ нижніе чины ея, переходя въ армію, имѣютъ право на офицерскій чинъ, а офицеры, почти исключительно гранды, переходятъ въ армію двумя чинами выше. Алебардисты носятъ наполеоновскія треуголки, мундиры съ фалдами и красными отворотами и въ рукахъ имѣютъ пертюизаны съ шифромъ короля. Королева пріѣхала въ сопровожденіи маркизы Монистроль, министровъ военнаго и морскаго и генералъ-капитана Валенсіи, генерала Бланко, одного изъ дѣльнѣйшихъ генераловъ Испаніи. Въ ложѣ или, вѣрнѣе, трехъ ложахъ (королева занимала среднюю), преобладали генералы, адмиралы и ихъ адъютанты.

Видъ изъ ложи былъ прекрасный: внизу море головъ, вдали въ гавани эскадра, украшенная фонарями, транспарантами и освѣщенная электричествомъ. Факельцугъ открыла гражданская гвардія, съ трудомъ прочищая для войскъ проходъ, такъ какъ полиція тонула какъ капля въ морѣ среди десятковъ тысячъ зрителей, которые сидѣли даже на пальмахъ бульвара, въ вазахъ, на газовыхъ фонаряхъ и т. п. За жандармами шли кадеты, потомъ моряки, а далѣе, въ перемежку, пѣхота и кавалерія, все это съ факелами, съ огромными фонарями и съ оркестрами музыки. Около ложи королевы каждая часть кричала ура. Проходя бульваръ, войска выстраивались затѣмъ на площади, не туша факеловъ. Въ концѣ процессіи провезли на колесницѣ, запряженной восемью роскошно убранными и съ фонарями на головахъ мулами, цѣлый замокъ, освѣщенный электричествомъ, съ алегорическими аттрибутами. Un vrai chateau en Espagne, сказалъ бы острякъ. Торжество, длившееся болѣе двухъ часовъ, окончилось освѣщеніемъ бенгальскими огнями защищающаго барселонскій портъ форта Montchuich, стоящаго на высокой горѣ. Такъ какъ ночь была хотя лунная, но южная, темная, то ярко освѣщенный фортъ казался совершенно волшебнымъ замкомъ, висящимъ въ воздухѣ. Никакая декорація не могла сравниться съ этимъ восхитительнымъ зрѣлищемъ.

Старые генералы, при видѣ проходившихъ полковъ, приходили въ восторгъ и съ гордостью перечисляли ихъ названія. Я съ удовольствіемъ увидѣлъ драгуновъ Алькала, полкъ, гдѣ служилъ Донъ-Хозе, возлюбленный „Карменъ“. Кромѣ алебардистовъ и саперъ, всѣ испанскія войска малорослы и состоятъ изъ молодыхъ солдатъ

Народъ, впрочемъ, съ виду бравый и красивый, а одѣты испанскія войска съ излишнею даже роскошью: сукно тонкое, цвѣтное, много разныхъ нашивокъ и украшеній, у всѣхъ солдатъ нитяныя перчатки и рубашки съ крахмаленными воротничками, въ каждомъ полку огромные хоры музыки; между тѣмъ, вооруженіе арміи нѣсколько отсталое. Въ артиллеріи, запряженной мулами, орудія бронзовыя. Кавалерія, посаженная на русскихъ лошадяхъ, одѣта еще щеголеватѣе пѣхоты и артиллеріи, и это щегольство не должно дешево стоить пустующей испанской казнѣ. Въ испанской арміи есть свои особенности; команда здѣсь подается не голосомъ, а горнистомъ даже въ обыкновенномъ строю; имѣется полкъ ветерановъ, замѣняющій наши инвалидные дома; въ придворномъ званіи, въ предупрежденіе фаворитизма, ни одинъ генералъ или офицеръ не можетъ пробыть долѣе двухъ лѣтъ; лѣтней формы и кителей, не смотря на жаркій климатъ, для офицеровъ не существуетъ; на ленточки медалей надѣваются серебряная полоски съ надписями сраженій, такъ что сразу видно, гдѣ кто дрался. Здѣсь также сохранилась трость, какъ символъ командованія. У котораго въ рукахъ палка, тотъ, значитъ, и распоряжается въ данномъ случаѣ. Даже на конѣ въ рукахъ держатъ палку. Такимъ образомъ, пословица: „кто палку взялъ, тотъ и капралъ“, примѣняется въ Испаніи еще буквально.

Курьезное и чисто испанское зрѣлище представлялъ крестный ходъ, устроенный городомъ въ праздникъ Божьяго Тѣла, изъ собора, великолѣпнаго образчика, чисто готическаго стиля, по главнымъ улицамъ Барселоны. Процессія должна была пройти мимо королевы,

стоявшей на балконѣ думы, въ 5 часовъ, но по испанской неаккуратности процессія прошла только въ восьмомъ. Эти три часа пробѣжали не скучно для публики. Всѣ главныя улицы, очень узкія въ старой части Барселоны, и въ особенности шикарная улица Фердинанда VII, обратились на время церковной процессіи какъ бы въ театральныя залы; на всѣхъ балконахъ—а въ Испаніи у каждаго окна балконъ — сидѣли разряженныя дамы и дѣвицы, вдоль тротуаровъ также стояли въ три ряда стулья, занятыя дамами; передъ стульями расположились войска шпалерами, а въ серединѣ улицы, оставленной для прохода процессіи, въ ожиданіи гуляла публика. Вотъ тутъ-то и происходили развлеченія: въ каждомъ домѣ были заранѣе заготовлены корзины съ оборванными цвѣтами желтой акаціи и ими, какъ дождемъ, подбѣленныя сеньоры и сеньориты осыпали проходящихъ. Чѣмъ сильнѣе сыпался градъ цвѣтовъ, чѣмъ громче раздавался хохотъ, тѣмъ, значитъ, жертва бомбардировки была красивѣе въ глазахъ барселонокъ. Торговки шныряли съ корзинами цвѣтовъ и живо продавали послѣдніе для отвѣтнаго бросанія. Гдѣ не было цвѣтовъ, тамъ оружіемъ служила разрѣзанная на мелкіе кусочки цвѣтная бумага. Черезъ нѣсколько часовъ мостовая буквально стала желтая, а у всѣхъ дамъ и мужчинъ волосы на головахъ, усахъ и бородѣ были разноцвѣтные. Когда я говорю—усахъ, то это относится отчасти и до женщинъ, потому что не только черный пушекъ на губахъ, но нерѣдко и порядочная растительность у прекрасныхъ сеньоритъ, увы, не рѣдкость.

Церковную процессію, которая представилась передъ нашими глазами, можно встрѣтить только въ Испаніи. Это какая-то невѣроятная смѣсь языческихъ и христі-

анскихъ обрядовъ. Открылась процессія, послѣ неизбѣжныхъ гражданскихъ гвардейцевъ верхомъ, несеніемъ рыбаками гигантскихъ куколъ, отлично сдѣланныхъ: мужчины въ костюмѣ XVI столѣтія и дамы въ современномъ нарядѣ съ вѣеромъ въ рукахъ и въ турнюрѣ. Дама все время кружилась какъ бы въ вальсѣ. За куклами ѣхали литаврщики въ костюмахъ XVIII столѣтія. Затѣмъ танцовщики танцовали, кружась въ grand rond, какой-то народный танецъ съ палками, подъ музыку кларнетовъ и флейтъ. За кларнетами шелъ сейчасъ же одинъ изъ епископовъ; затѣмъ безконечною линіею, верстъ въ пять длиною, растянулась процессія, дефилировавшая около двухъ часовъ. Шли священники съ хоругвями, мощами и чудотворными изображеніями Мадонны и святыхъ отъ каждаго прихода города по десятку и по два; шли клерики съ кадильницами, распространявшими запахъ ладана, хоры музыки, войска съ киверами, прицѣпленными на спинѣ, депутаціи съ огромными свѣчами; все это прерывалось танцами и пушечною пальбою. Около важнѣйшихъ священныхъ изображеній шли алебардисты королевы. Публика относилась довольно равнодушно къ святынѣ, только изрѣдка снимая шляпы. Масса монаховъ и лицъ духовнаго званія, а также число постороннихъ лицъ всѣхъ сословій, даже изъ высокопоставленныхъ, принимавшихъ участіе въ процессіи, не какъ зрители, а какъ фигуранты, показываютъ, однако, что Испанія еще весьма и весьма католическая страна и что, не смотря на конфискацію имуществъ, духовенство сохранило средства для своего содержанія и роскошныхъ представленій. И мнѣ, какъ получившему особое приглашеніе, предлагали

нести свѣчу, но я, понятно, отказался. Женщины въ церковныхъ процессіяхъ не участвуютъ, но бросаютъ съ балконовъ цвѣты на проносимыя священныя изображенія.

День коронаціи Государя Императора не обошелся также въ Барселонѣ безъ нѣкотораго торжества. Наши суда, а равно и всѣ другія, стоявшія въ гавани, украсились флагами, затѣмъ мы въ 12 часовъ салютовали, на салютъ отвѣчали французскія и другія военныя суда, а испанцы пріѣхали съ поздравленіемъ. За королевскимъ обѣдомъ всѣ, кто имѣлъ русскія ленты, были въ нихъ; тостъ за здоровье Государя Императора предложилъ шведскій король. На русскихъ судахъ хотя не было священниковъ, но происходила церковная служба, справляемая самими матросами и состоящая въ чтеніи молитвъ и въ пѣніи ихъ хоромъ. Пѣли на „Вѣстникѣ“, гдѣ былъ русскій посланникъ, наши матросики, возвращавшіеся изъ Тихаго Океана, весьма удовлетворительно. Послѣ молитвы команда получила по двойной чаркѣ водки и была спущена на берегъ погулять.

Королева Марія-Христина не покинула Барселону безъ того, чтобы не посѣтить отрядъ русскихъ судовъ, пришедшихъ нарочно привѣтствовать ее. Возвращаясь съ осмотра пріюта для дѣтей моряковъ, помѣщающагося на старомъ парусномъ суднѣ, королева-регентша заѣхала на „Вѣстникъ“. Хотя она поручила морскому министру еще съ вечера увѣдомить нашихъ командировъ, но, передаваясь по порядку, съ извѣстною испанскою лѣнью, приказаніе достигло нашего судна только за часъ до пріѣзда королевы, когда половина команды, по случаю праздника, была спущена на берегъ. Не смотря на это, наши моряки представились молодцами.

Королева-регентша, принявъ рапортъ командира клипера, капитана 1-го ранга Ланга, осмотрѣла судно, причемъ поинтересовалась обезьяной, выскочившей изъ угольнаго ящика, и собачкой, купленной въ Японіи; затѣмъ королева спустилась въ каютъ-компанію, гдѣ пила за-просто русскій чай. Марія-Христина зашла также въ каюту капитана, гдѣ разсматривала портреты Императорскаго дома и альбомъ видовъ, снятыхъ однимъ изъ офицеровъ г. Игнаціусомъ во время трехлѣтняго почти кругосвѣтнаго плаванія „Вѣстника“. Рисунокъ на жести, изображающій матроса, въ которомъ королева узнала того, что показывалъ ей обезьяну, ея величество любезно приняла въ подарокъ. При осмотрѣ „Вѣстника“ присутствовали нашъ посланникъ, свѣтлѣйшій князь М. А. Горчаковъ, едва успѣвшій прибыть на судно. Поблагодаривъ всѣхъ весьма любезно, королева-регентша уѣхала, напутствуемая криками „ура!“ матросовъ, разставленныхъ по реямъ и салютомъ по 21 выстрѣлу какъ съ „Вѣстника“, такъ и съ стоявшаго рядомъ „Забіяки“ (командиръ — капитанъ 2-го ранга Бауэръ). Судно это пришло изъ Пирея, гдѣ занимало должность станціонера. Любопытно, что въ числѣ его команды было 50 рекрутъ изъ бессарабскихъ молдаванъ. По словамъ командира, это плохой матеріалъ для моряковъ. Объясняться съ рекрутами приходилось болѣе по-итальянски, такъ какъ по-русски они, что называется, ни бельмеса.

II.

Торжество открытія памятника Колумбу, размышленія по этому поводу.— Барселонская выставка, воздвигнутыя ей препятствія.— Испанскій отдѣлъ, иностранные отдѣлы. — Русскій отдѣлъ.

Одними изъ послѣднихъ офиціальныхъ празднествъ въ Барселонѣ были: открытіе памятника Христофору Колумбу, воздвигнутаго городомъ на берегу моря, на бульварѣ имени знаменитаго мореплавателя, морской праздникъ, состоявшій въ иллюминаціи всѣхъ судовъ въ портѣ и роскошнѣйшемъ фейерверкѣ, и освященіе новой улицы, Маріи-Христины, которую проломаютъ отъ площади Лопеса, гдѣ стоитъ монументъ Антоніо Лопеса, основателя испанскаго транс-атлантическаго пароходнаго общества, т. е. возродителя испанскаго торговаго флота. Это нѣчто въ родѣ нашего Н. А. Новосельскаго, но съ тою разницею, что Лопесъ составилъ 15 мил. руб. состоянія.

Для русскаго, привыкшаго къ широчайшимъ улицамъ и безконечнымъ разстояніямъ даже въ уѣздныхъ городахъ, нѣтъ ничего пріятнѣе старинныхъ городовъ съ узкими, прекрасно вымощенными улицами, гдѣ всегда тѣнь и все подъ рукою, гдѣ не думаешь объ экипажѣ

и безъ утомленія проводишь время на воздухѣ. На Западѣ теперь только и мечтаютъ о просторѣ и не жалѣютъ милліоновъ, а особенно чужихъ, чтобы проводить широкіе бульвары, гдѣ печетъ солнце, свободно свищетъ вѣтеръ, гуляетъ пыль и не встрѣчается ни одного экипажа. Такъ, молъ-де, требуетъ гигіена, и какой нибудь Бузулукъ сталъ идеаломъ города. Барселона находится въ періодѣ архитектурной горячки. Не довольствуясь ломкою стараго города, муниципалитетъ по-американски провелъ улицы будущаго города и освѣтилъ ихъ газомъ. Этотъ городъ, распланированный, точно Филадельфія, квадратами, въ четыре раза болѣе настоящаго. Такая затѣя въ концѣ концовъ приводитъ къ тому, что Барселона, заключая въ три раза менѣе жителей, чѣмъ Петербургъ, имѣетъ городской бюджетъ значительнѣе нашей столицы.

Городъ не останавливается даже передъ такими затратами, какъ сооруженіе колоссальнаго памятника Колумбу, который не былъ каталонцемъ, но изъ Барселоны отправился открывать Новый Свѣтъ. Памятникъ этотъ, цѣликомъ сдѣланный въ Барселонѣ и испанскими мастерами и художниками на заводѣ Ф. Виделя, замѣчателенъ. На пьедесталѣ, украшенномъ барельефами (къ сожалѣнію, гальванопластическими), статуями, портретами, находится гигантская чугунная колонна, на ней позолоченная земная сфера и сверху статуя Колумба, указывающая рукой на западъ. Все это довольно вычурно въ деталяхъ, но производитъ хорошее впечатлѣніе въ ансамблѣ. Памятникъ замѣчателенъ и дешевизною; онъ обошелся въ 700 тысячъ песетъ; у насъ бы его не сдѣлали и за милліонъ рублей. Открытіе монумента, же-

лѣзные лѣса около котораго не успѣли, однако, снять, происходило весьма торжественно.

Выстроили, конечно, павильонъ для королевы-регентши и гостей. Военныя суда въ гавани расцвѣтились флагами. Марія-Христина пріѣхала скромно въ черномъ шелковомъ платьѣ и черной шляпкѣ, въ сопровожденіи своихъ штатсъдамъ: маркизы Монистроль и герцогини Фернанъ Нуньесъ. Ее встрѣтили алькадъ города, Сагаста, первый министръ, маленькій человѣчекъ съ умнымъ морщиноватымъ лицомъ и съ низко подстриженною сѣдою бородкою, Наварро-Родриго, министръ del fomento, т. е. просвѣщенія, исповѣданій, торговли, промышленности и путей сообщенія, ничего не выражающая фигура съ длинною эспаньолкою, Родригесъ Аріасъ, морской министръ, размягченный, молодящійся старикъ, герцогъ Медина-Сидонія, по званію оберъ-шталмейстеръ, de facto управляющій всѣмъ придворнымъ вѣдомствомъ, епископъ Мексики и другія лица. Нѣсколько минутъ ранѣе, карета, запряженная шестью лошадьми, привезла вѣнокъ, присланный городомъ Генуей, родиною Колумба; въ другой такой же каретѣ сидѣлъ синдикъ (городской голова) Генуи Кастаньола, мужчина „значительной наружности“, сѣдой, во фракѣ, въ лентѣ, съ трехцвѣтнымъ шарфомъ вокругъ брюха; два герольда въ средневѣковыхъ костюмахъ, съ булавами и съ шапками съ надписями Cita di Genova, привезенные синдикомъ съ собою, предшествовали ему; сзади шла депутація генуэзскаго муниципалитета.

Религіозной церемоніи не было. Испанцы забыли, что францисканскіе монахи монастыря Рабида, около Хуэльвы, пріютили умиравшаго съ голоду Колумба и дали ему часть средствъ на его безсмертную экспедицію. Торже-

ство состояло въ томъ, что алькадъ Барселоны донъ-Ріусъ произнесъ небольшую рѣчь. Затѣмъ Кастаньола сказалъ очень недурную рѣчь по-итальянски. Это была не рѣчь, а пѣніе, такъ благозвученъ итальянскій языкъ въ устахъ хорошаго оратора. Рѣчь произвела прекрасное впечатлѣніе, но принесенный на глазетовой подушкѣ вѣнокъ охладилъ восторгъ. Оказалось, что итальянцы изъ скупости прислали вѣнокъ бронзовый! Послѣ нѣсколькихъ словъ отвѣта отъ имени королевы, сказанныхъ Сагастою, испанскіе флаги, закрывавшіе статую Колумба, были спущены и раздался салютъ. Привѣтствія публики были жидкія, да и при видѣ монумента Колумбу испанцамъ слѣдовало не радоваться, а плакать, за то, что они такъ безтолково растеряли свои чудныя американскія владѣнія. И если итальянцы о Колумбѣ могутъ повторить великую евангельскую истину, что „нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ“, то испанцамъ слѣдовало бы написать золотыми буквами на монументѣ: „Глупому сыну не въ помощь богатство“. У испанцевъ еще остались недурныя колоніальныя владѣнія, которыя въ другихъ рукахъ были бы золотымъ дномъ, но для испанцевъ эти владѣнія служатъ только тягостью для бюджета. Они просто-на-просто ничего для нихъ не дѣлаютъ, кромѣ перемѣны отъ времени до времени чиновниковъ и солдатъ. На Филиппинскихъ островахъ они выучили туземцевъ музыкѣ, къ которой тагалы имѣютъ большія способности, но никакому труду, кромѣ плетенія пеньки. Торговля Филиппинскихъ острововъ вся уже въ рукахъ нѣмцевъ, Куба также вѣроятно недолго будетъ эксплоатироваться испанцами. На бѣду еще всѣ

испанскія колоніи страдаютъ отъ жестокаго сахарнаго кризиса.

Среди безконечнаго ряда празднествъ о всемірной выставкѣ барселонцы совсѣмъ забыли. Устроить эту выставку было смѣлостью въ то время, когда не однѣ колоніи, но и вся испанская промышленность, главнымъ образомъ сосредоточенная въ Каталоніи, страдаетъ отъ кризиса, вызваннаго уменьшеніемъ сбыта отъ обѣднѣнія сельскаго населенія, въ свою очередь страдающаго отъ сокращенія цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ. Для устройства выставки были и другія препятствія. Каталонцы, не имѣющіе ничего общаго съ испанцами, мечтающіе о своей автономіи, уничтоженной еще Филиппомъ V, говорящіе и пишущіе языкомъ какъ нельзя болѣе сходнымъ съ южно-французскимъ, постоянно въ оппозиціи съ мадридскимъ правительствомъ. Они признаютъ единство въ лицѣ короля и королевы, которую, впрочемъ, даже въ офиціальныхъ адресахъ называли графинею Барселонскою, но знать не хотятъ министерства. Послѣднее, въ свою очередь, жаловалось, что выставка есть только предлогъ для наводненія Испаніи черезъ Барселону контрабандою и что таможенные доходы отъ выставки падаютъ. А доходы очень нужны Испаніи, гдѣ съ 1437 года всего два раза бюджетъ заключился безъ дефицита и гдѣ хотя казначейства помѣщаются въ дворцахъ съ толстѣйшими рѣшетками въ окнахъ, но за этими рѣшетками хранятся пустые сундуки. Ссора властей дошла до того, что начальникъ таможни, въ разгаръ открытія выставки, на три дня заперъ таможню, приведя въ отчаяніе запоздавшихъ экспонентовъ.

Правительство не оказало городу для устройства вы-

ставки надлежащаго пособія, но барселонцы не такой народъ, чтобы останавливаться передъ препятствіями. Надобно сказать, что Барселона городъ богатый, который въ двадцать лѣтъ выросъ вдвое, вслѣдствіе стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ. Это богатство, кромѣ бережливаго характера каталонцевъ, сдѣлавшаго изъ Барселоны денежный рынокъ Испаніи, зависѣло отъ кубанскаго возстанія, которое заставило каталонцевъ, имѣвшихъ большія состоянія на о. Кубѣ, вернуться въ свое отечество; карлистская война также вынудила многихъ помѣщиковъ искать прибѣжища въ Барселонѣ. Болѣе же всего помогъ городу протекціонный таможенный тарифъ. Изъ благодарности барселонцы поставили прекрасный памятникъ, открытый также королевой, покойному сенатору Гюэль-и-Ферреро, болѣе всѣхъ писавшему и говорившему въ пользу покровительственнаго тарифа и основавшему на средства, нажитыя въ колоніяхъ, въ окрестностяхъ города нѣсколько фабрикъ, процвѣтающихъ и до сихъ поръ.

Тарифъ обогатилъ Барселону, но имѣлъ и свои обыкновенныя дурныя послѣдствія: заработная плата здѣсь высока, даже прислуга въ Барселонѣ очень дорога, а отъ высокихъ пошлинъ фабрики возникли и въ другихъ мѣстахъ Испаніи; барселонцы жалуются уже на конкурренцію фабрикъ въ провинціи Мурсіи, гдѣ заработная плата очень низка, почему конкурренція легка. Во всякомъ случаѣ, въ Барселонѣ можно что угодно говорить противъ Бога, королевы и министровъ, но опасно сомнѣваться вслухъ въ прелестяхъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ. Послѣднія въ Испаніи должны быть непремѣнно высоки, ибо таможни устроены такъ, что то-

вароприводители платятъ гораздо менѣе назначеннаго по тарифу, вознаграждая за недоданную въ пользу правительства разницу чиновниковъ.

Для устройства всемірной выставки барселонцы воспользовались городскимъ паркомъ. Задуманная въ очень широкихъ размѣрахъ, она и мѣсяцъ послѣ открытія еще не была окончена, всюду не снимались рельсы, лежали нераскупоренные ящики, суетились обойщики, хотя выставка давала понятіе, что въ окончательномъ видѣ сдѣлается интересною, по крайней мѣрѣ для спеціалистовъ. У главнаго входа красовались два большіе павильона, назначенные одинъ для администраціи, другой для колоніальныхъ продуктовъ. Пройдя ихъ, открывалась площадь, гдѣ стоитъ монументъ, поставленный Барселоною извѣстному дѣятелю революціи 1868 года генералу Приму, родомъ каталонцу. Налѣво находится постоянный городской музей художественныхъ произведеній, устроенный на пожертвованія кого-то изъ жителей (въ Барселонѣ все дѣлается частной иниціативой), далѣе виднѣлись огромный средневѣковый замокъ для кафе, разныя постройки, цѣль коихъ мнѣ неизвѣстна, и, наконецъ, зданіе художественнаго и археологическаго отдѣла, съ залою для концертовъ, гдѣ происходило 8-го мая торжество открытія выставки.

Прямо противъ монумента генерала Прима помѣщалась „нормальная“ католическая церковь. Выставить церковь—чисто испанская идея. Затѣмъ шелъ павильонъ, подаренный городомъ королевѣ, почта, гдѣ съ большимъ сожалѣніемъ выдавались письма, адресованныя на выставку, черезъ недѣлю послѣ ихъ прибытія, и два кафе. Въ одномъ изъ нихъ служили дѣвушки въ валенсійскихъ національныхъ костюмахъ. На всѣхъ всемірныхъ

выставкахъ отдѣлъ ресторановъ казался самымъ интереснымъ и наиболѣе посѣщаемымъ. Въ Барселонѣ онъ незамѣтенъ по извѣстной воздержанности испанцевъ. Только въ холодной водѣ для питья дозволяютъ они себѣ излишество. Двѣ недѣли обѣдалъ и завтракалъ я за табльд'отомъ, гдѣ ѣло, по крайней мѣрѣ, двѣсти человѣкъ, въ томъ числѣ много молодыхъ гвардейцевъ изъ свиты королевы, и за это время никто ни разу не спросилъ себѣ ни блюда, ни рюмки вина сверхъ назначеннаго по росписанію. Хозяинъ отеля*), разсчитывавшій нажить золотые горы, понятно былъ въ отчаяніи.

Неприхотливость испанцевъ по кулинарной части идетъ издревле. Полибій описываетъ, что въ его время желуди были любимымъ дессертомъ для испанцевъ. Впрочемъ успѣхи кулинарнаго искусства повсюду сдѣланы въ послѣднее лишь время, и если испанцы отстали въ своей кухнѣ, то потому, что отстали они отъ Европы и въ другихъ отношеніяхъ. Кухня вообще можетъ служить отличнымъ мѣриломъ развитія и нравовъ страны, а также большей или меньшей зажиточности населенія.

Влѣво отъ валенсійскаго кафе находился на главной площади выставки огромный фонтанъ, гдѣ, впрочемъ, не было воды, что служило темою для глумленія всѣхъ сатирическихъ газетъ, а затѣмъ полукругомъ расположилось огромное зданіе выставки, состоявшее изъ средняго

*) Гостинница эта „Gran Hotel Nacional“ своего рода чудо современной техники. Она была выстроена въ громадныхъ размѣрахъ въ три мѣсяца и на срокъ всего шести мѣсяцевъ. Снаружи гостинница была прекрасно расписана al fresco аллегорическими изображеніями разныхъ странъ. Республика Гватемальская изображена почему-то женщиною, стоящею на рукахъ кверху ногами.

большого корпуса, занятаго казенными выставками разныхъ министерствъ, и двѣнадцати корпусовъ, по шести съ каждой стороны. Большимъ желѣзнымъ мостомъ главный корпусъ соединялся съ морскою пристанью, гдѣ былъ павильонъ морскаго отдѣла. Боковые корпуса отдали частной промышленности, испанской посрединѣ и другихъ странъ—по краямъ. Южныя государства съ правой стороны, сѣверныя — съ лѣвой. Система, однако, строго не выдерживалась, потому что экспоненты нѣкоторыхъ государствъ явились въ бо̀льшемъ числѣ, чѣмъ ихъ ждали, напримѣръ изъ Франціи и Бельгіи, экспоненты другихъ странъ въ мѐньшемъ. Вовсе не явились Голландія и Португалія. Въ первой, какъ бывшей испанской провинціи, до сихъ поръ, вѣроятно, слишкомъ жива ненависть, хотя трудно сказать, что̀ соленыя селедки и ликеръ-кирассо имѣютъ общаго съ герцогомъ Альбою. Португальцы же всегда чувствовали къ испанцамъ сильную зависть, смѣшанную со страхомъ. Это гаденькое чувство проявилось и въ уклоненіи отъ участія въ выставкѣ. Португальскій генеральный консулъ объяснялъ мнѣ это уклоненіе другимъ образомъ, а именно сходствомъ въ производительности двухъ государствъ, почему имъ и выставлять другъ у друга-де нечего. Объясненіе, едва ли заслуживающее вниманія. Нѣтъ еще одной великой державы—Румыніи, между тѣмъ ее не забыли въ Барселонѣ. На фрескахъ, украшающихъ Gran-Hotel, она изображена женщиною съ королевской короною, которая смотритъ на луну и пишетъ стихи. Для „Карменъ Сильва“ это вѣрно, но едва ли въ полудикой Румыніи найдутся еще другіе охотники смотрѣть на луну и писать стихи.

Не одни празднества, салюты и поѣздки королевы были

причиною малолюдства на выставкѣ. Въ городѣ съ относительно малымъ населеніемъ, которое при томъ цѣлый день думаетъ только о развлеченіяхъ, охотниковъ платить деньги для нагляднаго изученія успѣховъ техники не могло быть много, развѣ кто нибудь шелъ посмотрѣть на выставку какъ на курьезъ. Иностранцевъ на краю Европы также ждать было нечего. Поэтому и въ первые дни, не смотря на неостывшее еще впечатлѣніе новизны, число посѣтителей на выставкѣ не превосходило трехъ тысячъ въ день и болѣе рьяные официальные, къ сожалѣнію, малочисленные представители рады были поймать кого либо для объясненій. Проходя мимо выставки республики Урагвай, я вынулъ почему-то изъ кармана записную книгу. Замѣтивъ это движеніе, представитель республики повлекъ меня почти силою и черезъ часъ я ушелъ нагруженный полупудомъ книгъ на испанскомъ языкѣ и массою вовсе ненужныхъ мнѣ свѣдѣній. Даже классная мебель Урагвая не имѣетъ для меня болѣе тайнъ.

Любопытная черта народной гордости. Народы, какъ и люди, не любятъ быть „маленькими“. Съ нѣкоторымъ торжествомъ урагвайскій уполномоченный передалъ мнѣ большой томъ официальной статистики, ибо эта наука мороченія публики подтасовкою цифръ проникла и въ Южную Америку. Я раскрылъ книгу на графическомъ изображеніи движенія населенія и увидѣлъ, что въ славной республикѣ всего 630,000 жителей.—„У насъ гораздо болѣе, официальныя цифры совсѣмъ невѣрны“, поспѣшилъ замѣтить сконфуженный урагваецъ.—„Зачѣмъ же вы издаете невѣрныя цифры, да еще съ такою роскошью“, возразилъ я ему.

Другія государства печатныхъ книгъ и спеціальныхъ

сочиненій прислали мало, зная, что испанцы интересоваться чтеніемъ таковыхъ едва ли станутъ. Впрочемъ, обширный центральный павильонъ испанскаго офиціальнаго отдѣла давалъ понятіе, что положеніе, по крайней мѣрѣ, казенной науки и техники въ Испаніи не такъ низко, какъ можно бы подумать. Все у испанцевъ есть, хотя по большей части и второстепеннаго достоинства.

Выставка военнаго министерства была особенно обширна и разнообразна. Тутъ выставили и многотомныя описанія карлистской войны, въ подражаніе трудамъ германскаго генеральнаго штаба, и военно-учебный отдѣлъ, и искусно сдѣланную модель военной мины въ натуральную величину, и военно-почтовыхъ голубей. Публика интересовалась болѣе манекенами, одѣтыми въ испанскія военныя формы, начиная съ древнихъ временъ. Много разныхъ манекеновъ разставили въ колоніальной выставкѣ Филиппинскихъ острововъ, сдѣланной министерствомъ колоній. Знаменитая толедская фабрика выставила большую коллекцію холоднаго оружія. Морское министерство явилось съ моделями судовъ, портовъ и проч.; между прочимъ, оно выставило рядъ трудовъ по лоціи и гидрографіи Испаніи, но злые языки увѣряли, что это одни переплеты, ибо означенныхъ трудовъ ни въ продажѣ, ни въ употребленіи на испанскихъ судахъ найти невозможно. Лѣсное управленіе представило ботаническія коллекціи и лѣсохозяйственныя карты и поставило на дворѣ модель перевозокъ лѣса по рельсамъ въ крутыхъ горахъ. Горное управленіе выставило много работъ своего геологическаго бюро, весьма почтенныхъ, но рядомъ модели и планы знаменитыхъ казенныхъ Альмаденскихъ ртутныхъ рудниковъ показывали, что металлургическія

печи и система обработки не измѣнилась въ Альмаденѣ съ половины XVII столѣтія!

Казенная королевская фабрика въ Мадридѣ выставила ковры и гобелены, ничѣмъ не примѣчательные. Новая Compania arrendataria de Tabacos, имѣющая по всей Испаніи табачный откупъ, который заставляетъ испанцевъ, имѣющихъ Гаванну и Маниллу, курить сквернѣйшія сигары, явилась съ коллекціей своихъ издѣлій. Табачная монополія, впрочемъ, въ Испаніи дѣло не новое. Почты, телеграфы, монетный дворъ, управленія публичныхъ работъ, народнаго просвѣщенія, даже министерство иностранныхъ дѣлъ, каждое, словомъ, вѣдомство выставило что нибудь напоказъ. Изъ печатныхъ изданій много было трудовъ центральнаго статистическаго комитета (Instituto Geografico y Estadistico) и сельскохозяйственнаго совѣта (Commission agronomica).

Частная промышленность Испаніи на выставкѣ также представилась весьма выгодно, что тѣмъ важнѣе, что на другихъ международныхъ выставкахъ Испанія являлась обыкновенно въ весьма скромномъ видѣ. Въ особенности поражалъ своимъ богатствомъ и разнообразіемъ мануфактурный отдѣлъ: испанскіе ситцы, полубархаты, сукна и смѣшанныя шерстяныя матеріи по качеству и цѣнѣ немногимъ уступаютъ соотвѣтствующимъ произведеніямъ другихъ государствъ. Выдавались и отличные образчики выдѣланныхъ кожъ. Мануфактурный отдѣлъ былъ такъ хорошъ потому, что Каталонія — центръ мануфактуръ въ Испаніи, другіе же отдѣлы слабѣе. По извѣстной розни и зависти прочія провинціи старались уклониться отъ участія въ выставкѣ, особенно сѣверныя, очень промышленныя, и Мадридъ. Горное дѣло, весьма важное въ

Испаніи, представлено было весьма скудно; за то другая важная отрасль производительности—винодѣліе явилась въ надлежащемъ видѣ. Фальсификація и здѣсь приняла ужасающіе размѣры и испанское правительство для противодѣйствія ей рѣшилось устроить казенныя агентства для продажи вина въ Лондонѣ, Парижѣ и Гамбургѣ. Меня поразили успѣхи мыловаренной промышленности. Одна барселонская фабрика выставила кусокъ мыла пудовъ въ пятьсотъ вѣсу. А недавно еще въ Испаніи никто не умывался и навѣрно испанскому философу принадлежитъ извѣстное изреченіе: „какъ странно созданъ свѣтъ: люди должны каждый день мыть руки и никогда ноги".

Испанскіе художники теперь по численности, да и по таланту занимаютъ и въ Римѣ, и въ Парижѣ одно изъ первыхъ мѣстъ, почему можно было ожидать въ Барселонѣ гораздо болѣе богатаго художественнаго отдѣла. Знаменитѣйшіе современные испанскіе живописцы, однако, не явились, не думая, вѣроятно, найти здѣсь покупателей своимъ произведеніямъ. Картинъ, впрочемъ, развѣсили въ прекрасно освѣщенныхъ залахъ павильона не мало; отличительною чертою испанскихъ художниковъ всегда былъ и остается реализмъ; они превосходные также колористы. Лучшія изъ выставленныхъ картинъ оказались—жанры Рибера; есть также недурныя вещи Ферне Миро, Мемада, Галоффе и др. Франція и Бельгія прислали на выставку не мало картинъ, уже фигурировавшихъ въ парижскихъ „салонахъ". Очень любопытны были вещи, привезенныя изъ мадридской Armeria; кромѣ того, изъ королевскихъ дворцовъ прислали замѣчательные гобелены XVI столѣтія, портреты и другія вещи.

Выставки другихъ государствъ въ общемъ были менѣе интересны испанской; можно сказать даже, что въ техническомъ отношеніи едва ли Барселона представила что либо совершенно новое. Я уже не говорю о такихъ отдѣлахъ, какъ турецкій, китайскій, японскій, которые представляли не болѣе какъ магазины восточныхъ, китайскихъ и японскихъ вещей и гдѣ тутъ же производилась продажа выставленныхъ издѣлій. Отдѣлы сѣверо-американскій, швейцарскій, даже англійскій имѣли характеръ чисто случайный. Имѣлись, наконецъ, отдѣлы, въ родѣ парагвайскаго, гдѣ ничего не выставили, кромѣ сушеныхъ обезьянъ и какихъ-то кружевъ.

Можно бы, конечно, кое-что отмѣтить и въ этихъ отдѣлахъ, но каталогъ выставки, кромѣ весьма безтолковаго каталога офиціальнаго отдѣла, вышелъ уже послѣ моего отъѣзда, да и не могъ выйти ранѣе, такъ какъ треть ящиковъ не была раскупорена и черезъ мѣсяцъ по открытіи выставки, а записывать что либо на выставкѣ запрещалось; даже если вы писали адресъ фабриканта, то сторожа бросались и запрещали писать, предлагая обращаться за справками къ комиссарамъ; тѣхъ же обыкновенно не было на своихъ мѣстахъ и мой усердный урагваецъ былъ счастливымъ исключеніемъ, именно, можетъ быть, потому, что его никому не требовалось.

Послѣ испанскаго наиболѣе успѣха имѣлъ отдѣлъ французскій. Одни коньяки занимали въ немъ огромное помѣщеніе. Изъ вещей, обращавшихъ здѣсь на себя вниманіе, укажу на огромную бронзовую вазу фабрики Тьебо, замѣчательную по сложности рисунка: отливка ея сдѣлала бы честь и Японіи. Затѣмъ одна фабрика выставила витрину bijoux pour les chiens. Вотъ до чего до-

ходитъ современная роскошь! Здѣсь для собакъ и собачекъ приготовляются всякія украшенія изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней. Любопытна была выставка шоколаднаго фабриканта Менье. Онъ прислалъ между прочимъ плитку шоколада пудовъ въ десять. Домъ этотъ продаетъ шоколада болѣе 2,600 пудовъ въ день, а въ годъ на 20 милл. рублей! И все это богатство достигнуто газетной рекламой. У дѣда нынѣшнихъ владѣльцевъ, второстепеннаго шоколаднаго фабриканта, образовался, отъ дурной торговли, складъ засахаривавшагося шоколада. Менье не зналъ, что дѣлать, пока не нашелъ какого-то аферіста, который за деньги преподалъ ему геніальный совѣтъ публиковать: Chocolat Menier—le seul qui blanchit en vieillissant. Весь Парижъ захотѣлъ видѣть такой необыкновенный шоколадъ, запасъ старой дряни былъ распроданъ, фирма получила громкую извѣстность, а теперь она первая по оборотамъ шоколада въ мірѣ; при помощи капиталовъ дома Менье упрочилась даже во Франціи третья республика.

Бельгійскій отдѣлъ былъ обширенъ, но, по обыкновенію, не блестящъ. Зеркала и хрусталь Val St. Lambert занимали въ ней видное мѣсто. Бельгія производитъ съ Испаніей очень выгодные торговые обороты. Одинъ изъ первыхъ поспѣлъ отдѣлъ австрійско-венгерскій. Каждая часть имперіи имѣла, впрочемъ, особый отдѣлъ и особаго комиссара, хотя эта рознь болѣе кажущаяся; такъ извѣстный мебельный фабрикантъ Конъ въ австрійскомъ отдѣлѣ фигурировалъ подъ именемъ Iosef Kohn, а въ венгерскомъ уже подъ именемъ: Kohn Iakab es József. Такимъ образомъ это одинъ и тотъ же жидъ, а можно подумать, что два жида. Затѣмъ, конечно, въ австрій-

скомъ отдѣлѣ фигурировали, по обыкновенію, въ разныхъ мѣстахъ изображенія полногрудыхъ вѣнскихъ мамзелей, а въ венгерскомъ — едва ли не самое почетное мѣсто занимало знаменитое слабительное Huniadi Ianos. Австрія подарила испанской королевѣ цѣлую комнатную обстановку съ разными картинками, напоминающими замокъ въ Прагѣ, гдѣ Марія-Христина воспитывалась.

Въ германскомъ отдѣлѣ на выставкѣ хирургическихъ инструментовъ какой-то нѣмецъ показывалъ наглядно всю операцію съ горломъ императора Фридриха III. Итальянцы явились со своими венеціанскими стеклами, мозаиками, мраморными вещами (довольно плохими) и вермишелью. Обращали на себя вниманіе майолики генуэзскихъ фабрикъ, превосходныя и дешевыя, и колбасы. Фабрика Fiescho приготовляетъ ихъ, съ употребленіемъ паровой силы, по 280,000 килогр. въ годъ. Въ шведскомъ отдѣлѣ, пріютившемъ и норвежцевъ и датчанъ, половину мѣста занимала выставка Карльсгамскаго водочнаго завода, того самаго, что, благодаря торговому трактату, а также подкупу испанскихъ газетъ и депутатовъ, наводняетъ Испанію очищеннымъ русскимъ спиртомъ, изъ котораго нѣмцы, при помощи воды, патоки и краски, приготовляютъ здѣсь красное вино, въ свою очередь вывозимое во Францію. Англійскій отдѣлъ, по незначительности, пришлось сдвинуть, отдавъ часть площади русскому отдѣлу, при этомъ витрина одного англичанина осталась было среди русскихъ вещей и съ великимъ трудомъ удалось прогнать британца.—„Тѣмъ лучше, говорилъ онъ, что я не въ своемъ отдѣлѣ, меня скорѣе замѣтятъ!“ Замѣчательно, что англійскихъ туристовъ совсѣмъ не было замѣтно въ

Барселонѣ. По новой модѣ лѣтомъ они шатаются болѣе по прохладнымъ странамъ: въ Норвегіи, Шотландіи, Исландіи и т. п.

Какъ водится, русскій отдѣлъ была изъ наиболѣе печальныхъ на выставкѣ. Даже имя Россіи надъ нашимъ отдѣломъ написано было долгое время по-испански безграмотно: Russia вмѣсто Rusia. Хотя о необходимости дѣятельныхъ прямыхъ торговыхъ сношеній Россіи съ Испаніей у насъ много говорятъ и пишутъ, но министерство финансовъ, расщедрившееся для выставки въ Копенгагенѣ, на барселонскую выставку не отпустило ни копѣйки. Оно уполномочило только агентство Русскаго Общества пароходства и торговли принимать наши издѣлія. Русскіе экспоненты всетаки нашлись, но на добровольныя даянія нигдѣ многаго не подѣлаешь. Въ день открытія въ русскомъ отдѣлѣ не было ничего и нашъ посланникъ вынужденъ былъ сказать королевѣ, пожелавшей пройти въ русскій отдѣлъ, что изъ русскихъ произведеній онъ, къ сожалѣнію, можетъ пока показать только самого себя. Посланныя на Одессу вещи запоздали отчасти изъ-за снѣжныхъ заносовъ на южныхъ желѣзныхъ дорогахъ, а затѣмъ, отъ медленнаго движенія моремъ съ перегрузкою въ Смирнѣ и Марсели, особенно же отъ необыкновенной неповоротливости и формалистики испанской таможни. Долгое время въ витринахъ русскаго отдѣла ничего не было, кромѣ водокъ и семеновскихъ липовыхъ чашекъ. Отъ насъ, главнымъ образомъ, и наслали сюда водокъ, хотя въ Испаніи водки не пьютъ, а если напиваются, то лимонадомъ и оршадомъ. Въ нераскупоренныхъ ящикахъ преобладалъ спиртъ, но съ нимъ большая возня; его прислали въ боченкахъ, а по правиламъ выставки спиртъ,

какъ горючее вещество, допускался только въ стеклянной запечатанной посудѣ.

Общее впечатлѣніе отъ русскаго отдѣла таково, что, пожалуй, лучше совсѣмъ было уклониться отъ участія въ барселонской выставкѣ, чѣмъ великой державѣ явиться такъ скромно передъ народомъ, который по болѣе или менѣе представительной внѣшности судитъ обо всемъ. И безъ того Россія даже для образованной части испанскаго общества представляется смутно, совершенно какъ для нашего общества Японія. Непріятно поражала также безурядица, господствовавшая въ русскомъ отдѣлѣ; никто имъ не завѣдывалъ и никому до него не было дѣла.

Королева-регентша наканунѣ отъѣзда пожелала все-таки видѣть еще разъ русскій отдѣлъ. Очень жаль, что серебряныя и малахитовыя вещи еще не были раскупорены и поставлены на мѣсто; королева ограничилась покупкою нѣсколькихъ липовыхъ чашекъ „для дѣтей“, какъ она выразилась. Гг. Баранцевичи (отецъ и сынъ), представители московскихъ фабрикантовъ, энергическими усиліями которыхъ русскій отдѣлъ и привелся въ сколько нибудь приличный видъ, поднесли Маріи-Христинѣ, отъ имени русскихъ экспонентовъ, бѣлый платокъ изъ козьяго пуха, который очень понравился королевѣ, и она нѣсколько разъ за него любезно благодарила. Бѣдная оренбургская казачка въ киргизской степи, вязавшая своими руками этотъ платокъ, и не подозрѣвала, что онъ будетъ украшать плечи королевы самаго гордаго народа въ мірѣ!

Русское имя было представлено на барселонской выставкѣ еще косвенно, именно здѣсь устроились Montagnes russes, подражаніе нашимъ ледянымъ горамъ, при-

думанное англичаниномъ Томсономъ. Въ Парижѣ это изобрѣтеніе производитъ фуроръ и окупило себя въ шесть дней. Въ Барселонѣ русскія горы далеко не имѣли такой популярности. Правда, часть выставки, гдѣ онѣ были расположены, долгое время находилась въ хаотическомъ состояніи.

III.

Развлеченія въ Барселонѣ.—Театры.—Бой быковъ, его значеніе въ Испаніи.—Геррита.—Поѣздка въ Монсерратскій монастырь.—Путешествіе на мулахъ.—Монастырскія рѣдкости.

У испанцевъ каталонцы имѣютъ репутацію необыкновеннаго трудолюбія, но, очевидно, только по пословицѣ „у слѣпыхъ кривой царь“; по крайней мѣрѣ въ Барселонѣ этого трудолюбія совсѣмъ незамѣтно; цѣлый день и ночь населеніе прогуливается взадъ и впередъ по улицамъ, ночью гуляютъ даже маленькія дѣти. Вся эта толпа ищетъ развлеченій и ихъ довольно на каждомъ шагу. Главный же центръ всѣхъ развлеченій—Plaza de Cataluna, напоминающая по вечерамъ ярмарку. Для образованной публики по части развлеченій на первомъ планѣ стоятъ, конечно, театры. Объ оперныхъ театрахъ Барселоны я уже говорилъ; затѣмъ идутъ драматическіе: Principal, Cataluna и Espanol, балетный—Novedades, гдѣ поставлена „Excelsior“ съ г-жами Полини и Милонъ; для оперетокъ, шансонетокъ, цыганскихъ танцевъ имѣются театры: Calvo-Via, Eden, Eldorado; работаетъ хорошій конный циркъ, нѣсколько панорамъ, звѣринцевъ и т. д.,

и т. д. Словомъ, чего хочешь, того просишь и что удивительнѣе всего, что всѣ эти театры ежедневно переполнены публикою. Этимъ объясняется, почему тутъ и сенаторы содержатъ оперетки. Времена перемѣнчивы: императоръ Августъ казнилъ сенатора за то, что онъ дерзнулъ содержать фабрику!

Я не стану, конечно, описывать барселонскихъ тенноровъ и балерйнъ, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстныхъ, а скажу только нѣсколько словъ о боѣ быковъ, зрѣлищѣ настолько въ Испаніи важномъ, что даже шведскій король, серьезный Оскаръ II, въ первый же день своего пріѣзда въ Барселону отправился смотрѣть на бой. Plaza de toros въ Барселонѣ одна изъ наибольшихъ въ Испаніи, она свободно вмѣщаетъ десять тысячъ человѣкъ публики. Бои быковъ популярны здѣсь во всѣхъ слояхъ общества, потому и публика безконечно разнообразна — отъ накрашенныхъ сеньоритъ съ черными какъ смоль волосами, начесанными на виски, черными глазами и вѣчно скучающимъ видомъ, пріѣзжающихъ въ собственныхъ экипажахъ, до послѣднихъ бродягъ, съ трудомъ скопившихъ деньги для уплаты за мѣсто въ циркѣ. Въ Испаніи бой быковъ не только развлеченіе, но и высокое искусство. При королѣ Фердинандѣ VII, когда были закрыты всѣ университеты, правительство основало казенную школу тавромахіи. Теперь этой школы не существуетъ, но любовь осталась и тореросы серьезно воспитываются для своего ремесла. Портреты и фотографіи знаменитыхъ быкобойцевъ продаются на каждомъ шагу и на всѣ цѣны; эспады тянутъ въ судъ „за клевету“ газетныхъ критиковъ, осмѣливающихся сомнѣваться въ ихъ искусствѣ; есть цѣлый словарь тер-

миновъ тавромахіи и популярныя руководства къ ея уразумѣнію, а въ Мадридѣ вышла въ прошломъ году основательная книга, сочиненіе Pena y Gon: „Лахартиха и Фраскуэло и ихъ время“. Вѣкъ двухъ мясниковъ, точно—вѣкъ Людовика XIV! Въ Мадридѣ на бои быковъ имѣется абонементъ, какъ въ другихъ мѣстахъ на оперу, и аристократія участвуетъ въ этомъ абонементѣ. Цѣны мѣстамъ различаются по близости къ барьеру и большей или меньшей защитѣ отъ солнца. Самыя дорогія стоютъ 9 песетъ, т. е. 4 руб., онѣ все-таки очень неудобны, приходится сидѣть на деревянной скамьѣ и толпа шагаетъ черезъ васъ.

Не взирая на любовь публики, искусство боя быковъ нѣсколько падаетъ. Хотя на представленіи, на которомъ я былъ, по случаю присутствія шведскаго короля, троекратно горячо привѣтствованнаго публикою, предсѣдательствовалъ самъ алькадъ города, но бой шелъ плохо и напоминалъ живодерню. Изъ шести быковъ только два были горячіе, между тѣмъ эспада Рафаэль Герра, по прозванію Геррита, ни одного быка не убилъ менѣе какъ съ трехъ или четырехъ ударовъ, а для большинства быковъ потребовался coup de grace, т. е. удары кинжаломъ между черепомъ и первымъ позвонкомъ. Убить же быка сразу возможно только, вонзивъ шпагу между лопатокъ прямо въ сердце, что, конечно, сдѣлать не легко, когда быкъ выше человѣка ростомъ и имѣетъ аршинные рога, между которыми и требуется по правиламъ сдѣлать ударъ, притомъ въ моментъ, когда быкъ скачетъ на эспаду. За то если быкъ убитъ моментально, особый фигурантъ отрѣзываетъ у быка ухо и подаетъ эспадѣ при аплодисментѣ публики. Это вели-

чайшая честь. Для раздраженія быковъ въ бандерильи кладется теперь гремучая ртуть и быки отъ взрывовъ такъ пугаются, что какъ козлы перепрыгиваютъ по нѣсколько разъ саженные барьеры, отдѣляющіе арену отъ публики. Въ этомъ случаѣ испанцы не чужды успѣхамъ химіи.

Не смотря на меньшее искусство тореросовъ, публика и даже цѣнители высоко ставятъ Геррита, лицомъ ужасно напоминающаго одного извѣстнаго въ Петербургѣ адвоката-сердцеѣда. Я сидѣлъ, повидимому, среди самыхъ ярыхъ аматеровъ, ибо имъ быкобойцы, выйдя на арену, бросали небрежно свои плащи на храненіе; эти любители все время поощряли Геррита криками, подавали ему совѣты и просили не обращать вниманія на мнѣніе невѣжественнаго большинства. Въ боѣ быковъ всѣ испанцы, впрочемъ, понимаютъ толкъ, поэтому было интересно видѣть, какъ раза два или три во время представленія вся масса зрителей единодушно требовала или удаленія трусливаго быка или не дозволяла убивать быка, находя, что онъ еще не довольно разсвирѣпѣлъ. Тысячи народу вставали съ мѣстъ, махали бѣлыми платками, показывали кулаки алькаду и, не обращая вниманія на присутствіе шведскаго короля, осыпали алькада отборнѣйшими ругательствами, которыхъ въ испанскомъ и каталонскомъ языкахъ изобиліе. Донъ Франциско Ріусъ-и-Таулетъ сидѣлъ смирно и глазомъ не моргнулъ, зная нравъ испанцевъ. Впрочемъ, взводъ жандармовъ съ заряженными ружьями всегда имѣется на всякій случай въ циркѣ.

Испанскій циркъ даетъ довольно вѣрное понятіе о томъ, что такое были римскія арены. Та же жажда

крови, тѣ же восторги массы. Только находясь на боѣ быковъ понимаешь, почему какой нибудь эспада дѣлается знаменитостью и прикоснуться къ его рукѣ считаютъ за честь даже знатныя дамы. Есть что-то положительно увлекательное въ проявленіи беззавѣтной храбрости, а какъ не подѣйствуетъ на нервы, напримѣръ, сцена въ родѣ слѣдующей. Разъяренный быкъ, выворотивъ кишки двухъ-трехъ лошадей, скачетъ какъ съумасшедшій по аренѣ, чулосы прячутся отъ него, ловко перепрыгивая черезъ барьеръ, а Геррита, статный, красивый мужчина, въ раззолоченной курткѣ, атласныхъ штанахъ и розовыхъ чулкахъ, безъ оружія и безъ краснаго плаща идетъ прямо навстрѣчу быку и становится на колѣно. Быкъ въ изумленіи фыркаетъ и останавливается, какъ вкопаный, наклонивъ рога книзу. Десять тысячъ человѣкъ неистово апплодируютъ, швыряютъ на арену шапки, а эспада ловко встаетъ и, какъ бы забывъ о быкѣ, граціозно кланяется, дѣлая жестъ рукою и обводя глазами публику, наполовину состоящую изъ женщинъ. Въ этакій моментъ, я увѣренъ, что и профессоръ трансцедентальной философіи пожелалъ бы быть эспадою. Участь послѣдняго не всегда, однако, завидна. Фраскуэло, нажившій милліоны, былъ здѣсь такъ серьезно раненъ на первомъ представленіи быкомъ, который разорвалъ ему рогомъ мускулы отъ кисти до локтя, что едва не умеръ. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ Фраскуэло былъ при смерти, раненый въ Мадридѣ быкомъ въ грудь, но страсть, а можетъ быть жадность къ деньгамъ, беретъ свое. Настоящее имя Фраскуэло, почитаемаго первою „шпагою“ въ Испаніи, Сальвадоръ Санчесъ и Поведано; ему 44 года.

Быки для боевъ разводятся въ провинціи Чіудадъ-Реаль, знаменитѣйшія теперь стада (Ganaderias) у г. Висенте Мартинесъ и графа де ла Патилья. Знаменитость извѣстнаго стада пріобрѣтается числомъ раненыхъ и убитыхъ быками тореросовъ.

Барселона городъ настолько уже „цивилизованный“, что онъ скорѣе похожъ на Марсель, Бордо и не даетъ понятія объ Испаніи, о той стереотипной Испаніи, которая извѣстна каждому. Но стоитъ ли ѣхать 4500 верстъ, чтобы любоваться деревянной мостовой, электрическими фонарями и вѣнскимъ пивомъ? Цивилизація такъ насъ одолѣваетъ, что я начинаю понимать знаменитаго англійскаго путешественника въ среднюю Африку Бертона, пресерьезно увѣрявшаго меня, что онъ не можетъ жить въ городѣ, гдѣ не убиваютъ людей на улицахъ. И мнѣ одного боя быковъ было мало, чтобы окунуться въ испанскую жизнь, и захотѣлось чего-либо еще менѣе современнаго, я рѣшился съѣздить въ Монсерратъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ монастырей католическаго міра.

Поѣздка въ обществѣ корреспондента „Новаго Времени“ въ Парижѣ г. Яковлева, очень хорошо знающаго Испанію и свободно объясняющагося по-испански, удалась вполнѣ, но увы! не удовлетворила меня. И Монсерратскій монастырь идетъ въ уровень съ вѣкомъ, и когда мы спросили: четки, образки и др. священные предметы, продающіеся въ лавочкѣ монастыря, дѣлаются ли въ Монсерратѣ, то продавецъ, обидѣвшись, сказалъ: „Помилуйте, мы все выписываемъ изъ Барселоны и Парижа!“ Только одно производство закрѣпилось за Монсерратомъ—это ликера, вкусомъ напоминаю-

щаго ликеръ-бенедиктинъ и продающагося по 4 песеты за бутылку. Знаменитые католическіе монастыри теперь всѣ обзавелись водочными и ликерными заводами, а Монсеррату это тѣмъ удобнѣе, что акцизные чиновники навѣрно посѣщаютъ его рѣдко, чтобы не таскаться по такимъ ужаснымъ горамъ.

Впрочемъ, поѣздка въ монастырь, недавно еще по своей трудности напоминавшая поѣздку въ Черногорію, теперь весьма облегчилась и удешевилась. За 12 песетъ вы получаете право проѣхать взадъ и впередъ и остановиться въ монастырской гостинницѣ. Сюда включается и проѣздъ по желѣзной дорогѣ отъ Барселоны до станціи Монистроль. Желѣзнодорожный путь идетъ все время крутыми горами и, между прочимъ, пересѣкаетъ городъ Сабадель—каталонскій Манчестеръ, весь состоящій изъ фабрикъ, преимущественно суконныхъ и ситцевыхъ. Почему мануфактуры пріютились тамъ, гдѣ приличествовало бы жить хищнымъ птицамъ, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Каталоніи, какъ въ Швейцаріи и въ Саксоніи, промышленность издавна явилась сама собою въ мѣстахъ, гдѣ находила даровой водяной двигатель, т. е. преимущественно въ горахъ съ крутопадающими ручьями; таможенный тарифъ только расширилъ существовавшія производства. Отъ Монистроля до Монсеррата 14 верстъ, но это разстояніе кажется короткимъ для летающихъ воронъ. Даже очень легкій дилижансъ безъ клади, запряженный шестью мулами, требуетъ шесть часовъ времени и трехъ остановокъ, чтобы взобраться на почти отвѣсныя скалы.

Монастырь, еще въ VI вѣкѣ основанный на бывшемъ храмѣ Венеры, пріютился въ разсѣлинѣ гребня горъ,

поперегъ пересѣкающихъ Каталонію. Гребень состоитъ изъ конгломерата, довольно твердаго, но принявшаго прихотливыя очертанія отъ дѣйствія атмосферическихъ водъ въ теченіе милліоновъ лѣтъ. Одинъ оригинальный утесъ называется лошадью Берната, хотя напоминаетъ болѣе носъ болгарскаго принца Фердинанда. По уступамъ горъ проведена зигзагомъ хорошая дорога, которая, по случаю проѣзда королевы-регентши въ Монсерратъ за нѣсколько дней до нашей поѣздки, была въ совершенно исправномъ видѣ. Въ Испаніи я замѣтилъ, что вообще шоссе въ исправности; это, можетъ быть, оттого, что по нимъ мало ѣздятъ, а отъ копытъ вьючныхъословъ щебенка много не испортится, дождей и морозовъ также нѣтъ.

Дилижансъ живо напомнилъ мнѣ почтовое сообщеніе по Испаніи еще въ очень недавнюю пору, когда было мало желѣзныхъ дорогъ. Тѣ же бритые мулы, тотъ же ямщикъ, все время разговаривающій съ ними, тотъ же почтальонъ, сидящій сзади съ мушкетомъ въ рукахъ, тотъ же загалъ, каждую минуту соскакивающій съ облучка для погони муловъ и для наблюденія за ними въ мѣстахъ, гдѣ дорога криво поворачиваетъ надъ пропастью безъ барьера; но есть и прогрессъ: у загала въ рукахъ кнутъ. Онъ, впрочемъ, мало пользуется этимъ орудіемъ ослиной цивилизаціи, а предпочитаетъ погонять муловъ камнями, которыхъ по испанскимъ дорогамъ сколько угодно. Занятія загала нисколько не утомляютъ, онъ еще успѣваетъ влѣзать по горнымъ тропинкамъ, чтобы воровать неспѣлыя вишни съ растущихъ мѣстами чужихъ деревьевъ. Ямщикъ и почтальонъ громко подаютъ ему на этотъ счетъ совѣты, показывая

наглядно, каковы воззрѣнія испанцевъ на частную собственность.

Мы сидѣли, какъ я сказалъ, на козлахъ, мѣсто, которое очень цѣнится изъ-за меньшей жары. Тутъ же пріютились двѣ старыя крестьянскія бабы, босыя, но съ вѣерами, которыми онѣ управляли съ ловкостью маркизъ. Видно, что вѣеръ здѣсь въ своемъ отечествѣ, равно какъ холодная вода и чеснокъ. Я замѣтилъ, что испанцы и испанки, даже самыя молодыя и хорошенькія, никогда не цѣлуются между собою въ губы, а въ изъявленіе нѣжной дружбы трутся щеками; навѣрное чеснокъ причиною этого обычая. На станціяхъ публика пила воду съ сахаромъ и сасапарелью. Можно было получать и болѣе существенные напитки и монастырскій ликеръ, а также прѣсный хлѣбъ съ анисомъ и кое-что съѣстное. Муламъ пить не давали, а ямщикъ раздѣлилъ между ними одинъ разъ за весь путь маленькую горсточку травы. Ужъ еслибы кому слѣдовало произвести въ Испаніи революцію, такъ это муламъ. Они болѣе всѣхъ имѣютъ право быть недовольны существующимъ порядкомъ вещей.

Я замѣтилъ, что мулы на длинные разговоры ямщика отвѣчали отъ времени до времени потряхиваніемъ ушей, какъ бы въ знакъ согласія. Ободренный этимъ, я заговорилъ съ ямщикомъ по-русски. Онъ посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ. Я просилъ объяснить ему, что не понимаю, отчего онъ затрудняется понимать меня по-русски, когда ослы не затрудняются понимать его по-испански, который вовсе не ихъ природный языкъ.

По пріѣздѣ въ монастырь предложенія со всѣхъ сторонъ подняться еще четыре часа верхомъ на ослѣ,

чтобы увидѣть будто бы самые лучшіе виды, показались намъ ироніей. Мы отвергли предложеніе и поспѣшили искать убѣжища. Монастырь раздаетъ комнаты, такъ сказать, по чинамъ; всѣ онѣ очень скромны, тюфяки набиты стружками, подушки шерстью, вмѣсто умывальника глиняный горшокъ въ видѣ амфоры, стеариновая свѣчка тоньше нашей восковой; но все это очень опрятно. За квартиру ничего не платится, для продовольствія же надобно обращаться въ монастырскую гостинницу, гдѣ кормятъ относительно сносно и по цѣнамъ не противоестественнымъ. О постной пищѣ нѣтъ, разумѣется, рѣчи, такъ какъ папа разрѣшилъ испанцамъ не держать постовъ за побѣду надъ турками при Лепантѣ.

По этому поводу я замѣчу, что относительно продовольствія путешественниковъ Испанія за семнадцать лѣтъ, что я съ нею познакомился, сдѣлала, по части буфетовъ на желѣзныхъ дорогахъ и въ гостинницахъ, значительный прогрессъ. О вкусахъ, впрочемъ, трудно спорить. Я видѣлъ, какъ одинъ французъ отказался ѣсть пилавъ по-валенсійски, состоящій изъ смѣси риса, гороха, артишокъ, бобовъ, томатовъ, кусочковъ колбасъ, курицы и садовыхъ улитокъ, но я, котораго какъ-то въ Смирнѣ угощали пилавомъ изъ риса съ бараниной, кусками дыни и розовымъ масломъ, нахожу испанскій пилавъ весьма сноснымъ.

Развлеченій въ монастырѣ немного: днемъ разглядываніе видовъ съ горъ, цѣлый рядъ церковныхъ службъ, а ночью звѣздное небо. Такого чистаго неба, такихъ яркихъ звѣздъ я никогда не видалъ, даже подъ тропиками. Въ Петербургѣ публика и не подозрѣваетъ,

что есть столько звѣздъ на небѣ. Послѣднее горитъ какъ колье модной актрисы. Вотъ бы куда пулковскимъ астрономамъ ѣхать наблюдать, въ Россіи же на обсерваторіяхъ приходится поневолѣ играть на билліардѣ въ тщетномъ ожиданіи ясной погоды. Съ „Балкона монаховъ“—площадки на утесѣ—открываются рѣка Льобрегатъ, вьющаяся среди горъ, городъ Монистроль, кажущійся муравейникомъ, и вдали снѣговая цѣпь Пиренеевъ. Панорама великолѣпная. О видахъ я, впрочемъ, ничего не скажу. Описывать ихъ нужно перомъ восторженнымъ, съ душою поэтическою; замѣчу только, что мои впечатлѣнія не были слишкомъ сильны, такъ какъ я видѣлъ уже ранѣе поразительныя перспективы горныхъ цѣпей и въ Швейцаріи, и въ Тиролѣ, и на Кавказѣ, и въ Сѣверной Америкѣ, и даже въ Остъ-Индіи.

Зданія монастыря довольно новыя. Отъ древняго монастыря не осталось слѣдовъ, сохранилось только нѣсколько стѣнъ, не очень еще старыхъ, отъ монастыря XV столѣтія. Монастырь же, какъ учрежденіе, одинъ изъ старѣйшихъ въ Европѣ. Святыня его—чудотворная бронзовая Мадонна съ младенцемъ Іисусомъ на рукахъ, отыскана еще въ IX столѣтіи и съ тѣхъ поръ пріобрѣла громкую извѣстность. Мадонна помѣщается, одѣтая въ роскошное платье съ длиннымъ трэномъ, въ главномъ алтарѣ грандіознаго собора. Чтобы приложиться къ Мадоннѣ, надобно взбираться сзади алтаря по высокой лѣстницѣ, куда пропускаютъ по одному человѣку. Всюду толстѣйшія бронзовыя рѣшетки, потому что и Мадонна и другія святыни собора содержатъ множество драгоцѣнныхъ камней; часть ихъ была похищена французами при Наполеонѣ I.

Католическая служба въ роскошныхъ соборахъ производитъ всегда впечатлѣніе; къ сожалѣнію, маленькій органъ, акомпанировавшій пѣвчимъ близъ алтаря, отъ порчи нѣсколькихъ трубъ, свистѣлъ и производилъ комическое впечатлѣніе. Эти пѣвчіе—воспитанники миссіонерской коллегіи, обязанные въ будущемъ просвѣщать дикихъ въ испанскихъ колоніяхъ. Ихъ человѣкъ сорокъ; монаховъ въ монастырѣ 16 или 17. Публика ихъ не видитъ, они заперты у себя въ монастырѣ во избѣжаніе соблазна, а соблазниться есть чѣмъ, ибо монастырь посѣщаетъ ежегодно болѣе 60,000 богомольцевъ, по преимуществу женщинъ. Главный мѣсяцъ пелеринажей—сентябрь. Надобно замѣтить, что и слава монастыря пошла вслѣдствіе раскаянія одного отшельника, изнасиловавшаго здѣсь женщину и потомъ покаявшагося.

Для того, чтобы прослушать всѣ монастырскія легенды, влѣзть во всѣ сталактитовые гроты около монастыря и взобраться на всѣ доступныя однимъ осламъ высоты, требуется не менѣе трехъ дней, но почти всѣ посѣтители послѣ суточнаго толканія на узкой площадкѣ, занимаемой монастыремъ, предпочитаютъ возвратиться домой. Это путешествіе совершается вдвое быстрѣе, и ямщикъ невольно вынужденъ пропускать нѣсколькихъ кумовьевъ, къ которымъ онъ завозитъ въ первый путь пассажировъ подъ предлогомъ дать отдохнуть муламъ.

IV.

Дорога до Валенсіи.—Сагунтъ.—Валенсія.—Тартаны.—Свободная торговля.—Грао.—Севилья.—Кадиксъ, его паденіе.—Женщины въ Кадиксѣ и вопросъ о румянахъ.

Переѣздъ изъ Барселоны въ Валенсію требуетъ всего одной ночи, но какую ночь приходится провести, благодаря порядкамъ, существующимъ на испанскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Эти дороги строили французы, они же остались и главными владѣльцами акцій; поэтому все, что есть сквернаго въ эксплоатаціи французскихъ дорогъ, примѣнено здѣсь еще съ прибавкою, такъ какъ безбожная система эксплоатаціи является отчасти послѣдствіемъ необыкновенной дороговизны постройки дорогъ въ Испаніи, по весьма пересѣченной мѣстности, ворами-строителями. Во всякомъ случаѣ и этимъ ворамъ Испанія должна быть признательна: безъ желѣзныхъ дорогъ она немного отличалась бы отъ лежащаго по другую сторону Гибралтарскаго пролива Марокко. Но отъ такой признательности бѣднымъ пассажирамъ, играющимъ роль барановъ—не легче. Вагоны неудобны, а въ нихъ пассажировъ буквально начиняютъ какъ барановъ,

даже не давая себѣ труда отыскивать имъ мѣста. Начальникъ станціи знаетъ число мѣстъ и имъ проданныхъ билетовъ, онъ и спокоенъ, но такъ какъ есть всегда охотники занимать по два и по три мѣста, то начинаются споры. Да и что бы безъ споровъ дѣлать, такъ какъ о снѣ въ тѣснотѣ, грязи и духотѣ и думать нечего.

Темная ночь не позволяла еще развлекаться видами, открывающимися изъ оконъ вагоновъ; только къ 5 часамъ разсвѣло окончательно; мы находились около Торребланка, въ мѣстности, которая даетъ понятіе о богатствѣ края, окружающаго Валенсію. Поля превосходно обработаны, а климатъ такой, что пшеница уже сжата*), а апельсины созрѣли на деревьяхъ; этихъ деревьевъ здѣсь цѣлыя десятины; такое же изобиліе деревьевъ сладкаго рожка; въ то время, когда плодами его у насъ лакомится народъ, въ Испаніи имъ откармливаютъ свиней. Къ сожалѣнію, такой благодатной земли, дающей урожаи самъ 90 и самъ 100, немного. Желѣзная дорога все время идетъ вдоль моря у подошвы горъ. На одной изъ высотъ видны остатки огромной крѣпости—это Сагунтъ, извѣстный каждому гимназисту по роковому его значенію въ исторіи Аннибала и Рима, а въ настоящее время—прославившійся тѣмъ, что здѣсь маршалъ Мартинесъ Кампосъ сдѣлалъ pronunciamiento для возстановленія короля Альфонса XII на престолѣ. Мѣсто это было даже украшено флагомъ во время проѣзда Маріи-Христины, какъ бы для напоминанія ей объ источ-

*) Это былъ конецъ нашего мая и погода для Испаніи стояла еще относительно холодная.

никѣ происхожденія ея власти. Отъ Сагунта уже рукой подать до Валенсіи.

У въѣзда въ послѣднюю обычный циркъ для боя быковъ, обычное въ Испаніи развязываніе чемодановъ для осмотра агентами, взимающими consumo—заставныя пошлины. На этомъ мытарства и мученія не кончаются; въ Валенсіи, не смотря на сто тысячъ жителей, десять газетъ и республиканскій образъ мыслей жителей, вмѣсто извозчиковъ, ѣздятъ тартаны. Это тѣ же двухколесныя татарскія арбы безъ рессоръ, крытыя крашеной парусиной и со скамейками вдоль экипажа. Кучеръ сидитъ, свѣсивъ ноги. Послѣ безсонной ночи быть измолотымъ въ подобной посудинкѣ не великое счастье!

Быть можетъ отъ „тартанья“, хваленый почти всѣми „городъ цвѣтовъ“—Валенсія не произвелъ на меня поэтическаго впечатлѣнія, а показался обыкновеннымъ испанскимъ провинціальнымъ городомъ, съ узкими, кривыми улицами, гдѣ испанцы ухитрились провести конныя дороги. Городъ не очень опрятенъ; онъ не вычистился какъ слѣдуетъ даже для торжественнаго пріема королевы-регентши, пробывшей здѣсь два дня.

Городъ на это время совсѣмъ забылъ свое республиканство и старался отличиться роскошью пріема. Публика испанская холодна, она горячится только на боѣ быковъ, поэтому и здѣсь криковъ не было, но денегъ на тріумфальныя арки, роскошные павильоны, каруселя и иллюминаціи не жалѣли. Отъ излишняго усердія подожгли даже пальмы въ городскомъ саду. Пальмы горѣли какъ солома. Я намекнулъ одному валенсійцу, что въ Барселонѣ пріемъ былъ еще щедрѣе.

— Имъ легко каталонцамъ,— воскликнулъ онъ съ

горячностью: — они вѣдь со своимъ тарифомъ грабятъ всю Испанію. Вы думаете, что въ Каталоніи есть фабрики,— продолжалъ онъ.— Великое заблужденіе! Фабрики есть, но онѣ всегда стоятъ подъ разными предлогами, а на самомъ дѣлѣ на этихъ фабрикахъ только ставятъ испанскія клейма на товары, привезенные изъ Франціи и Германіи, конечно, стакнувшись предварительно съ таможней!

Сейчасъ изъ этого разсужденія видишь, что попалъ въ страну сторонниковъ свободной торговли. Я осматривалъ барселонскія фабрики и видѣлъ, что онѣ не миѳъ, а работаютъ; правда, работа шла въ половину, подъ предлогомъ кризиса. А испанскую таможню можно ли подозрѣвать, когда она даже съ подарка, поднесеннаго экспонентами русскаго отдѣла барселонской выставки королевѣ-регентшѣ, заставила заплатить таможенную пошлину въ 50 песетъ, увѣряя, что въ Испаніи такіе строгіе порядки, что даже для королевъ не дѣлается никакихъ исключеній!

Въ Валенсіи нѣтъ недостатка въ лицахъ, желающихъ пріобрѣтать имущество еще болѣе свободнымъ путемъ, чѣмъ допускаютъ фритредеры-профессора политической экономіи. Кромѣ множества нищихъ, свободно пристающихъ къ проходящимъ, по ночамъ здѣсь происходятъ на улицахъ грабежи и жители изъ благоразумія никогда вечеромъ не носятъ при себѣ часовъ и денегъ. Между тѣмъ въ Валенсіи устроена образцовая каторжная тюрьма на 3000 человѣкъ, гдѣ по новымъ либеральнымъ методамъ совершенствуютъ преступниковъ помощью труда. Испанцы съ гордостью показываютъ это заведеніе иностранцамъ, а остряки увѣряютъ, что послѣдніе и на-

учаются здѣсь примѣру трудолюбія, такъ какъ на испанцевъ, повидимому, этотъ примѣръ нисколько не дѣйствуетъ. Къ „образцовымъ“ тюрьмамъ Испаніи надобно относиться вообще скептически. Убійство въ улицѣ Fuencaral—уголовное дѣло, надѣлавшее столько шума, показало, что въ Мадридѣ изъ такой же образцовой тюрьмы арестанты выпускались по ночамъ для грабежа и затѣмъ дѣлились награбленнымъ добромъ съ тюремной администраціей!

Въ прекрасной huerta Валенсіи, среди апельсинныхъ рощъ, городскіе жители изъ опасенія грабежа не живутъ, предпочитая жариться въ городѣ. — „Ѣхать въ деревню не опасно, говорилъ мнѣ одинъ валенсіецъ,— но неосторожно“. Частыя убійства приписываются необыкновенно вспыльчивому характеру жителей. — „Нашъ характеръ, говорилъ мнѣ тотъ же валенсіецъ, — справедливо сравниваютъ съ рѣкою (Турія), окружающей нашъ городъ. Два-три раза въ годъ она шумитъ, рветъ мосты, а черезъ нѣсколько часовъ въ ней нѣтъ ни капли воды“.

Эта малая настойчивость при ширинѣ размаха сказалась въ устройствѣ порта. Въ Валенсіи, какъ и въ Петербургѣ, одна изъ лучшихъ улицъ — Морская, но море отъ города въ пяти верстахъ и портъ города, называемый Грао, представляетъ отличную иллюстрацію испанскихъ порядковъ. При большомъ вывозѣ изъ Валенсіи, особенно свѣжихъ фруктовъ, когда цѣлые корабли уходятъ нагруженные апельсинами, ей нуженъ благоустроенный портъ. Послѣдній началъ строить казенный инженеръ, скопировавшій откуда-то чертежъ; портъ занесло, для очистки его ассигновали деньги, но большая часть денегъ была сейчасъ же украдена, на

остальныя купили старыя заржавѣвшія землечерпательныя машины, оказавшіяся негодными. Тогда начали устраивать новую набережную, пользуясь отмелями, т. е. ограничили и безъ того узкій портъ. Торговцы возмущаются, а портъ заноситъ и заноситъ. Теперь думаютъ, отвести устье рѣки Туріи на другую сторону порта по теченію—работа гигантская, на которую, конечно, нѣтъ денегъ. Что было — ушло на иллюминаціи.

Въ Грао ведетъ шоссе, конная и желѣзная дороги. Вторая—наиболѣе удобный путь сообщенія; она минуетъ памятникъ Рибейрѣ, знаменитому живописцу, на монументѣ похожему на мушкатера, и пересѣкаетъ Аламеду и Глоріету — два гулянья на берегу Туріи, гдѣ часовъ въ шесть собирается гулять и кататься валенсійское общество. Большинство экипажей—это тѣ же тартаны, но поставленныя на четыре колеса; такимъ образомъ, катающіеся сидятъ спинами къ гуляющимъ. Я обратилъ вниманіе, что почти всѣ дамы катались въ закрытыхъ экипажахъ. Одни мнѣ объясняли, что это дѣлается изъ опасенія пыли и солнца; другіе, повидимому, болѣе справедливо,— лѣностью испанскихъ дамъ, которыя въ закрытыхъ экипажахъ надѣваютъ только модныя шляпки и накидки, о платьѣ же не заботятся, а въ экипажи садятся прямо въ широкихъ туфляхъ.

Уже въ Валенсіи, городѣ во всякомъ случаѣ провинціальномъ, видишь, что французскія моды окончательно овладѣли Испаніей. Мантильи носятъ только представительницы мелкой буржуазіи; послѣдняя также сохранила еще любовь къ черному цвѣту. Низшіе классы въ городахъ одѣваются также по модѣ и только любовь къ яркимъ цвѣтамъ, желтому и красному, указываетъ на прежній

костюмъ испанокъ. Замѣчательно, что въ то время, когда французскія моды распространяются, французскій языкъ все болѣе и болѣе вытѣсняется въ Испаніи изъ употребленія.

Если для торговцевъ Валенсія привлекательна своими рисомъ и апельсинами, для туристовъ красивыми женщинами съ тонкими чертами лица, то для поэтовъ, любителей легендъ — это городъ Сида. По словамъ гидовъ, Химена, вдова Сида, жила около рынка въ домѣ, на мѣстѣ котораго воздвигнута Lonja de la Seda, интереснѣйшее въ архитектурномъ отношеніи зданіе Валенсіи, вообще не богатой по этой части. Шелка, впрочемъ, въ „шелковой биржѣ“ продается теперь очень мало, вслѣдствіе болѣзни, уничтожившей червя въ Испаніи и Франціи еще тридцать лѣтъ назадъ. По обычаю, впрочемъ, крестьяне приносятъ сюда образчики своего шелка на продажу.

Другой еще болѣе похвальный обычай можно видѣть въ Валенсіи по четвергамъ у главныхъ дверей собора, величественнаго зданія, весьма смѣшаннаго стиля. Все плодородіе окрестностей Валенсіи основано на искусственномъ орошеніи. Споровъ изъ-за каждой капли воды, понятно, множество. Вотъ для рѣшенія этихъ-то споровъ и собирается выборный судъ старѣйшинъ въ присутствіи правительственнаго чиновника у дверей древняго собора. Судьи приносятъ присягу и рѣшеніе ихъ всегда такъ справедливо, что хотя на этотъ импровизированный судъ можно апеллировать въ обыкновенные гражданскіе суды, но таковыхъ апелляцій, къ горести адвокатовъ, въ Валенсіи, какъ и во всей Испаніи, безчисленныхъ, не бываетъ. Испанскіе крестьяне издавна отличаются здраво-

мысліемъ и хотя лѣнивы, но ничего не имѣютъ общаго съ развращеннымъ городскимъ населеніемъ.

Кромѣ адвокатовъ, фабрикуемыхъ мѣстнымъ университетомъ*), въ Валенсіи еще поражаетъ изобиліе мухъ. По всей вѣроятности, это происходитъ отъ употребленія гуано на окрестныхъ рисовыхъ поляхъ, но валенсійцы объясняютъ это иначе. „Помилуйте, у насъ столько деревьевъ“, говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ. Для испанца, когда онъ видитъ десятка два пальмъ и сотню оливковыхъ деревьевъ, это кажется цѣлымъ лѣсомъ.

Въ Валенсіи я узналъ, что изъ Испаніи нельзя отправить въ Россію почтовой посылки. Хорошее начало для установленія прямыхъ торговыхъ сношеній! Почтовый чиновникъ предупреждалъ меня также быть осторожнымъ при покупкѣ почтовыхъ марокъ—ихъ много поддѣльныхъ. Замѣчательно, что въ одномъ проявляютъ горожане-испанцы замѣчательное трудолюбіе—это во всякаго рода поддѣлкахъ. Поддѣлываютъ не только вина, но и бюллетени на выборахъ, и министры первые занимаются этимъ, съ простодушной откровенностью ссылаясь на то, что такъ всѣ дѣлали, не они первые, не они послѣдніе! Фальсификація здѣсь—злоба дня, и огромный успѣхъ имѣетъ басня о трехъ мухахъ, изъ которыхъ одна ничего не ѣла и, конечно, околѣла; другая поѣла хлѣба и околѣла, такъ какъ хлѣбъ былъ съ примѣсями, а третья, болѣе умная, поѣла бумаги для истребленія мухъ, бумага была также поддѣльная, а потому на здоровье мухи не дѣйствовала вредно.

*) Въ Испаніи очень много университетовъ; отъ этого народъ нисколько не дѣлается образованнѣе, а плодится лишь умственный пролетаріатъ, наиболѣе вредная, паразитная часть общества.

Въ то время, когда испанцы изощряютъ свои силы въ поддѣлкахъ, серьезную торговлю въ испанскихъ портахъ прибираютъ къ рукамъ нѣмцы. Испанцевъ это, впрочемъ, мало безпокоитъ. Студенты валенсійскаго университета не нашли даже ничего умнѣе, какъ подать королевѣ-регентшѣ, во время ея пребыванія здѣсь, адресъ съ просьбою исключить нѣмецкій языкъ изъ программы преподаванія. И объ этомъ они просили Марію-Христину, для которой, какъ для австрійской принцессы, разговаривать по-нѣмецки—первое удовольствіе!

Путешественникамъ въ Испаніи надоѣдаетъ постоянное открываніе чемодановъ и саковъ для досмотра агентами городскихъ заставныхъ пошлинъ; но въ Кадиксѣ по этой части превзошли всѣ другіе города. Со станціи вамъ приходится тащить сундуки за полверсты для осмотра, подвергаясь всякимъ поборамъ носильщиковъ; хорошо еще, что дождь идетъ здѣсь рѣдко, а то раскупоривать чемоданы приходится на открытомъ воздухѣ. Маленькія непріятности не должны, однако, мѣшать большимъ удовольствіямъ, а отдохнуть въ Кадиксѣ послѣ продолжительной ѣзды по желѣзной дорогѣ изъ Валенсіи на Энсину, Алькасаръ и Кордову было своего рода наслажденіемъ.

Меня не облегчило даже суточное пребываніе въ Севильѣ въ роскошномъ Hôtel de Madrid. Въ этой испанской Москвѣ было очень жарко и не помогали крашеные холсты, которыми закрываютъ улицы отъ солнца. По улицѣ Sierpes гуляла вечеромъ самая мизерная публика. Ни дивный соборъ, теперь реставрируемый внутри, ни св. Антоній Мурильо, прекрасно заштопанный, послѣ кражи его англійскимъ матросомъ, ни уди-

вительныя картины того же великаго мастера въ городскомъ музеѣ не производили при жарѣ должнаго впечатлѣнія. Меня болѣе занимало, что у меня по дорогѣ украли ящикъ со шляпою. Что, впрочемъ, удивительнаго, если въ томъ же поѣздѣ украли брилліанты у ѣхавшей одновременно со мною отъ Энсины до Алькасара герцогини Эдинбургской. Я замѣтилъ, что, не смотря на развитіе своей торговли и сосредоточеніе андалузскаго транзита, Севилья мало измѣнилась съ 1872 года, когда я видѣлъ ее въ послѣдній разъ; новыхъ построекъ немного. Андалузскій транзитъ же измѣнилъ свое направленіе не потому, что такъ требовала природа вещей, а потому, что такъ угодно двумъ парижскимъ жидамъ. Желѣзныя дороги сѣверной Испаніи принадлежатъ Ротшильду — жиду нѣмецкому, а дороги южной Испаніи Камондо—жиду итальянскому; жиды между собою ссорятся и ведутъ борьбу на жизнь и на смерть, но Ротшильдъ сильнѣе, поэтому Севилья — конечный пунктъ его линій — развивается въ ущербъ Кадиксу, Малагѣ и др. андалузскимъ портамъ.

По своему мѣстоположенію и по наружности Кадиксъ одинъ изъ оригинальнѣйшихъ и красивѣйшихъ городовъ Европы. Онъ занимаетъ небольшую каменистую площадку, окруженную съ одной стороны океаномъ, съ другой—заливомъ, куда впадаетъ Гвадалквивиръ. Узенькій, песчаный перешеекъ, мѣстами саженей въ двадцать пять, соединяетъ площадку съ материкомъ, который въ этомъ мѣстѣ состоитъ изъ сплошной сѣти соляныхъ промысловъ, гдѣ въ бассейнахъ выпаривается морской разсолъ. Городъ окруженъ крѣпостными верками, разваливающимися, да и которые не имѣютъ значенія при

современной артиллеріи. Весь городъ разрѣзанъ правильными прямыми узкими улицами, превосходно вымощенными плитами, окружность его вдоль верковъ образуетъ непрерывный бульваръ; часть бульвара, неподалеку отъ дома генералъ-капитана, т. е. по-нашему генералъ-губернатора, обращена въ садъ въ итальянскомъ вкусѣ, называющійся los Delicias; здѣсь публика гуляетъ зимою. Всѣ улицы Кадикса очень похожи одна на другую: онѣ застроены одинаково бѣлыми трехэтажными домами, съ балконами, и имѣютъ веселый видъ. Все это остается безъ измѣненія съ прошлаго столѣтія, какъ остались и тѣ чугунныя орудія и ядра, которыя, неизвѣстно для устрашенія кого, украшаютъ стѣны Кадикса. Онѣ, т. е. пушки, не напугали своими выстрѣлами даже двухъ китовъ, прогуливавшихся въ прошломъ году на рейдѣ Кадикса.

Только необыкновенную чистоту своихъ улицъ Кадиксъ едва ли унаслѣдовалъ съ XVIII столѣтія; по крайней мѣрѣ въ Мадридѣ, когда король Карлъ III, великій, по мнѣнію испанцевъ, реформаторъ, запретилъ бросать на улицахъ навозъ, то муниципалитетъ возмутился и подалъ королю длинную петицію, гдѣ доказывалъ, что чистый воздухъ слишкомъ рѣзокъ для легкихъ, а что испанская уличная грязь будто бы смягчаетъ его. Этотъ курьезный документъ сохранился, а предразсудки мадридскихъ эдиловъ сохранились до сихъ поръ у крестьянъ во Франціи, да, вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ.

Но и красота зданій, и чистота улицъ, и общій нарядный видъ города, пріятно поражающій путника, только красивая декорація. Кадиксъ — городъ совер-

шенно умирающій, безъ торговли, съ огромнымъ портомъ, гдѣ никогда нѣтъ кораблей и съ населеніемъ, ежегодно бѣднѣющимъ. На самомъ лучшемъ мѣстѣ, на берегу моря, за полторы тысячи песетъ можно нанять цѣлый этажъ въ домѣ, хозяинъ котораго не имѣетъ средствъ содержать даже дворника или швейцара; въ иныхъ домахъ, роскошныхъ съ виду, живетъ всякій сбродъ, а многіе дома стоятъ и вовсе пустыми.

Въ XVIII столѣтіи, когда Кадиксъ разбогатѣлъ и разукрасился, онъ имѣлъ монополію торговли съ Америкою; правда, торговля эта была не велика и состояла въ посылкѣ нѣсколькихъ кораблей и въ полученіи обратно галіоновъ съ серебромъ, но барыши сравнительно были велики. Обогащалъ, впрочемъ, Кадиксъ не этотъ полуказенный транзитъ, а то обстоятельство, что Испанія эксплоатировала тогда свои обширныя колоніи. Масса людей ѣхала служить за моремъ и, накравъ малую толику, а иногда и очень большую, возвращалась домой, строила дома и сидѣла на кадикскихъ бульварахъ, дожидаясь новостей изъ мѣстъ своихъ бывшихъ административныхъ и судебныхъ подвиговъ. Въ настоящее время этого источника легкой наживы нѣтъ; дѣти испанцевъ, оставшихся въ Мексикѣ и Южной Америкѣ, хотя продолжаютъ воровать на службѣ, но наворованное предпочитаютъ проживать не въ Кадиксѣ, а въ Парижѣ и Монте-Карло. Поэтому-то, хотя „Улица Дублоновъ“ и продолжаетъ существовать, но наивно было бы искать тамъ малѣйшихъ признаковъ драгоцѣнныхъ металловъ, какъ искать золота въ „Золотой башнѣ“ Севильи, имѣвшей ранѣе Кадикса монополію американской торговли.

Отъ бывшихъ своихъ монополій Кадиксъ удерживаетъ случайно еще одну—именно приготовленіе игральныхъ картъ особыхъ рисунковъ, которыми, по привычкѣ, снабжается Южная и Средняя Америка. Сбытъ этого товара немаловажный, потому что испанцы, имѣющіе съ нами много общаго, напр. въ кормленіи „завтраками“ въ присутственныхъ мѣстахъ, въ разведеніи въ гостинницахъ клоповъ и т. д., точно такъ же, какъ и мы, игрою въ карты, подъ всѣми широтами и долготами, наполняютъ свое безцѣльное существованіе.

Погубили Кадиксъ идеи французской революціи; распространеніе ихъ въ колоніяхъ, брошенныхъ на произволъ судьбы во время наполеоновскихъ войнъ, было причиною эмансипаціи, хотя интриги Англіи играли, конечно, свою роль. Кадиксъ, въ свою очередь, отомстилъ прочей Испаніи тѣмъ же оружіемъ философіи XVIII столѣтія. Здѣсь была сочинена знаменитая конституція 1812 года—верхъ либеральнаго верхоглядства и политической неопытности, послѣдствій которой до сихъ поръ не можетъ переварить Испанія и которая стала для нея источникомъ безчисленныхъ бѣдствій.

И въ настоящее время, будь въ Испаніи серьезное правительство, думающее не о политическихъ интригахъ, а о нуждахъ страны, Кадиксъ, занимающій необыкновенно выгодное географическое положеніе на краю Европы, не говоря уже о богатствѣ окружающей мѣстности въ лучшихъ въ мірѣ винахъ и соли, могъ бы сдѣлаться центромъ торговли съ Африкою, Америкою и Австраліею и отнять у Гибралтара его значеніе перепутья для пароходовъ. Кадиксъ могъ бы также привлекать людей, ищущихъ вѣчной весны, такъ какъ кли-

матъ его необыкновенно мягокъ и пріятенъ. Онъ и очень здоровъ, ибо морскіе вѣтры постоянно продуваютъ городъ, очищая и освѣжая воздухъ. Наконецъ, Кадиксъ имѣетъ еще одну притягательную силу — своихъ женщинъ.

Въ своихъ письмахъ я частенько возвращаюсь къ описанію женщинъ: но въ Испаніи оно весьма естественно. Это все равно, какъ еслибы описывать Тулу и не говорить ничего о ея самоварахъ и гармоникахъ. Сами испанцы „женскому вопросу“ придаютъ огромное значеніе и волокитство одно изъ главныхъ занятій ихъ буржуазіи. Только куреніе и болтовня о политикѣ поспорятъ съ нимъ.

Гадитанки, т. е. жительницы Кадикса, издревле славятся красотою, граціозностью, живостью и кокетствомъ. Въ особенности хороши у нихъ глаза. Все, что въ семитской расѣ у карѳагенянъ, мавровъ, евреевъ было огня и страсти въ глазахъ, соединилось здѣсь. Эти взгляды, дѣйствительно, жгутъ васъ. Выраженіе глазъ усиливается красотой бровей. Затѣмъ женщины Кадикса очень стройны и имѣютъ маленькія ножки; напрасно только портятъ онѣ себя турнюрами и высокими каблуками. Какъ всѣ андалузянки, онѣ, однако, красивы лишь въ молодости; отъ сидячей жизни, почти взаперти, гадитанки очень рано толстѣютъ и женщины за сорокъ лѣтъ имѣютъ тутъ такія фигуры, что для пріѣзжаго кажутся всѣ беременными. Справедливость требуетъ также замѣтить, что косметика играетъ значительную роль въ красотѣ гадитанокъ.

Въ Испаніи, впрочемъ, всѣ городскія женщины румянятся и въ особенности бѣлятся. Это инымъ покажется

страннымъ, но наука объяснила уже подобное стремленіе, признавъ и за нимъ разумное основаніе. Цвѣтъ лица соотвѣтствуетъ цвѣту тѣла и еслибы всѣ женщины ходили, какъ прародительница Ева въ раю, то не было бы надобности въ макильяжѣ; другое дѣло съ изобрѣтеніемъ платья. Чѣмъ ярче цвѣтъ женскаго наряда—а на югѣ вслѣдствіе ослабляющаго вліянія сильнаго свѣта, краски наряда всегда очень ярки — несоотвѣтствіе цвѣта лица съ платьемъ становится особенно чувствительнымъ. Пестрота красокъ дѣлаетъ грубыми краски кожи на лицѣ и женщины инстинктивно подчиняются законамъ эстетики, давая своему лицу однообразный матовый тонъ смягчающій контрасты. Подкрашиваніе лица, въ свою очередь, вызываетъ необходимость въ нѣсколькихъ темныхъ штрихахъ для оживленія глазъ и округленія бровей.

Вечеромъ Plaza de Mina, гдѣ находится лучшій отель въ городѣ — „Fonda de Franzia“, и приморскій бульваръ Alameda de Apodaca, гдѣ вмѣсто цвѣтовъ между деревьями посѣянъ подсолнечникъ, полны красивыхъ женщинъ. Конечно, тутъ воображеніе туриста можетъ легко и увлекаться и не слѣдуетъ забывать испанскую пословицу, гласящую, что „женщинъ нужно судить при свѣчахъ, а не при лунѣ“, но, и сбавляя впечатлѣніе на пятьдесятъ процентовъ, все-таки остается эффектъ этихъ черныхъ глазъ, сверкающихъ изъ-подъ шляпокъ, мантилій и черныхъ покрывалъ. Мантиліи, какъ я говорилъ уже, носятъ только въ мелкой буржуазіи, а знаменитые большіе испанскіе гребни, втыкавшіеся бокомъ въ роскошные толстые косы, можно только видѣть на сценѣ а купить... въ Парижѣ.

Въ Кадиксѣ мужчины мало, говорятъ, впрочемъ, цѣ-

нятъ прелести своихъ прекрасныхъ половинъ; они преданы противоестественнымъ порокамъ, унаслѣдованнымъ отъ глубокой древности. И на гуляньяхъ женщины какъ-то сидятъ отдѣльно отъ мужчинъ.

Равнодушіе кадичанъ, а можетъ быть и бѣдность причиною того, что, выражаясь экономически, „предложеніе превышаетъ здѣсь запросъ“ на женщинъ. Хотя во всей Испаніи женщины товаръ недорогой и испанская пословица весьма зло говоритъ, что „за двадцать пять реаловъ можно купить красивѣйшую женщину, за пятьдесятъ — жену лучшаго друга“, но для Кадикса, повидимому, и такая дешевая оцѣнка высока. Маменьки и горничныя, съ которыми, по испанскому обычаю, гуляютъ черномазыя сеньориты, чуть не за фалды хватаютъ гуляющихъ одиноко мужчинъ, а особенно иностранцевъ. Какая нибудь продавщица чулокъ, предложивъ свой товаръ, сейчасъ же переходитъ на предложеніе buena muchacha, необыкновенно, по ея словамъ, добродѣтельныхъ и трудолюбивыхъ. Въ Испаніи не дошли еще до цинизма Парижа, здѣсь добродѣтель и для падшихъ женщинъ считается лучшимъ украшеніемъ.

Кромѣ этихъ назойливыхъ посредницъ, въ Кадиксѣ надоѣдаютъ еще нищіе. Тротуары очень узкіе, поэтому нищіе и калѣки съ утра приходятъ со стульями и садятся на бойкихъ мѣстахъ, занимая весь проходъ по тротуару и загораживая движеніе. Полиція и не думаетъ вмѣшиваться. Городовые курятъ и болтаютъ съ нищими, какъ съ лучшими друзьями. Нищими не ограничивается кругъ кадикскихъ рѣдкостей. Какъ въ каждомъ, уважающемъ себя, испанскомъ городѣ, тутъ есть

и академія художествъ съ картинной галлереей, и два великолѣпныхъ собора, гдѣ находится чаша, подаренная Кальдерономъ, и та картина, рисуя которую Мурильо разбился на-смерть, и публичная библіотека, вѣчно запертая огромными висячими замками, и два большихъ театра, и циркъ для боя быковъ; имѣется медицинскій факультетъ и, наконецъ, астрономическая обсерваторія, черезъ которую испанскіе гидрографы проводятъ свой первый меридіанъ. Вотъ здѣсь графу Клейнмихелю слѣдовало выразить свое историческое удивленіе, что „каждый паршивенькій городъ, а тоже желаетъ имѣть меридіанъ“.

V.

Поѣздка въ Африку. — Тангеръ, арабскіе нравы. — Альджезирасъ.— Сеута и каторжники.— Малага, ея современное положеніе.

Вопреки первоначальнымъ предположеніямъ, мнѣ пришлось побывать въ Африкѣ, въ Марокской имперіи, которая, по словамъ Вигеля, по сравненію съ прочими имперіями, то же что министерство удѣловъ, сравнительно съ остальными нашими министерствами. Испанское пароходное общество Trasatlantica два раза въ мѣсяцъ содержитъ срочную линію между Кадиксомъ, Тангеромъ, Альджезирасомъ, Сеутой и Малагой. Пароходъ отходилъ какъ разъ во время моего пребыванія въ Кадиксѣ и я не захотѣлъ потерять случая видѣть мѣста, куда, такъ сказать, по дорогѣ никогда не придется заѣхать, а нарочно отправляться — накладно.

На пароходѣ „Rabat“, довольно красивомъ съ виду и опрятно содержимомъ, были, повидимому, удивлены увидѣть пассажировъ. Ревизоръ никакъ не умѣлъ написать нашихъ фамилій; при этомъ выяснилось, что по какимъ-то высокомудрымъ соображеніямъ пароходной компаніи, чѣмъ дальше ѣдешь, тѣмъ менѣе нужно платить, напр.,

до Тангера 27 песетъ, а до Альджезираса черезъ Тангеръ только 20, не считая налога, который въ Испаніи равенъ 15% цѣны пассажирскаго билета. Столъ въ провозную плату не входитъ, что для буфета не очень выгодно, такъ какъ въ морѣ отъ качки большинство пассажировъ ничего не ѣстъ, а въ портахъ всѣ спѣшатъ перебраться на берегъ и тамъ оставаться до отхода парохода. Капитанъ, правда, въ интересахъ буфета, увѣрялъ, что уйдетъ ранѣе росписанія и, дѣйствительно, уходилъ—все-таки этимъ никого вкушать прелестей пароходныхъ almuerzo и comida не удерживалъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что кормили на пароходѣ относительно не очень скверно и Луи Ульбахъ преувеличилъ, замѣтивъ, что „въ Испаніи разучились жарить людей, но не выучились жарить цыплятъ“. Я не ручаюсь, впрочемъ, что то же масло, которымъ смазывали пароходную машину „Рабата“, не употреблялось и на кухнѣ.

До Тангера переходъ по морю болѣе пяти часовъ, причемъ, кромѣ созерцанія товарищей, страдающихъ морскою болѣзнью, пассажиръ можетъ любоваться видомъ съ моря Кадикса, весьма красивымъ, даже эффектнымъ, и видомъ Трафальгара, близъ котораго происходило знаменитѣйшее морское сраженіе нашего времени. Вообще этотъ клочокъ океана былъ свидѣтелемъ многочисленныхъ морскихъ боевъ, славныхъ въ исторіи. Берегъ Африки открывается часа черезъ три высокимъ мысомъ Спартель, а часа черезъ два представляется затѣмъ и Тангеръ, лежащій по лѣвую сторону полукруглой бухты. Никакого порта, разумѣется, въ Тангерѣ нѣтъ, пароходъ останавливается за версту на рейдѣ и приходится по волнамъ, на „утломъ челнокѣ“, ѣхать на берегъ. Те-

перь устроена маленькая пристань, а то въ отливъ со шлюпки вытаскивали арабы пассажировъ на плечахъ, что для дамъ было не совсѣмъ удобно. На берегу—таможня, изображаемая старичкомъ въ чалмѣ, похожимъ на пашу изъ балета „Корсаръ", собирающимъ деньги, частью въ пользу казны, но болѣе для себя. Съ насъ, впрочемъ, онъ ничего не взялъ. Явились, конечно, гиды и одинъ съ ленточкою неизвѣстнаго ордена въ петлицѣ, одѣтый арабомъ, но, по наружности, несомнѣнно жидъ, почти силою овладѣлъ нами и повлекъ въ Hôtel Continental, итальянскую гостинницу на берегу моря.

Гостинница назначена для англичанъ, поэтому содержится въ идеальной чистотѣ, въ порядкѣ и вообще очень удобна и даже недорога. Видъ съ балконовъ гостинницы — чудо. Это, пожалуй, самое интересное, что есть въ Тангерѣ. Горы красиво окаймляютъ заливъ, въ гавани—оживленіе: сотни арабовъ и негровъ садятся въ лодки для переѣзда на пароходъ, который повезетъ ихъ въ Джедду, откуда они пѣшкомъ проберутся въ Мекку. На эту картину любуются жители и жительницы Тангера, сидящіе неподвижно, какъ муміи, на корточкахъ по стѣнамъ тангерскихъ укрѣпленій. Стѣны эти украшены старинными пушками и ядрами, достойнымъ pendant къ той артиллеріи, которая защищаетъ испанскія крѣпости и мѣсто коей скорѣе въ военныхъ музеяхъ. Крутые скаты горъ заросли кактусами; выше расположился городъ амфитеатромъ. Башни мечетей, покрытыя майоликой и напоминающія архитектурою севильскую Жиральду, разноцвѣтные флаги консульствъ, раздуваемые свѣжимъ вѣтромъ, и группы пальмъ оживляютъ бѣлый фонъ городскихъ зданій. На высотѣ помѣщается дворецъ импе-

ратора. Послѣдній никогда, впрочемъ, не живетъ здѣсь, а изъ своихъ трехъ столицъ предпочитаетъ Фецъ, до котораго изъ Тангера верхомъ — дней шесть ѣзды. Во время моего путешествія Мулей-Гассанъ, грозный повелитель Марокко, считающій себя калифомъ наравнѣ съ турецкимъ султаномъ, находился не въ столицѣ, а гдѣ-то на отдаленной границѣ имперіи, воюя съ непокорнымъ племенемъ бенимгирьетъ. Изъ такихъ непокорныхъ племенъ состоитъ большинство населенія Марокко.

Въ Тангерѣ живетъ только губернаторъ и министръ иностранныхъ дѣлъ, съ которымъ и переговариваются аккредитованные въ Марокко дипломаты. Всѣ почти государства имѣютъ здѣсь свои миссіи, а Англія, Франція и Испанія и свои почты. Консульскій персоналъ очень великъ и состоитъ изъ весьма сомнительнаго народа, набивающаго подъ разными предлогами карманы. Продѣлки американскаго консула изъ евреевъ едва даже не вызвали недавно бомбардировку Тангера военными судами Соединенныхъ Штатовъ.

Тангерскіе евреи хотя пользуются презрѣніемъ арабовъ, но отличаются отъ евреевъ въ другихъ мѣстахъ тѣмъ, что живутъ очень опрятно. Тангерскія еврейки славятся своею красотою. Была суббота, когда все еврейское населеніе нарядно разодѣтое прогуливается, и легко было провѣрить, что репутація эта имѣетъ полное основаніе. Евреи здѣсь хотя и эксплоатируютъ населеніе, но, покровительствуемые миссіями, живутъ въ безопасности, какъ и другіе иновѣрцы; въ Тангерѣ христіанскіе храмы помѣщаются на лучшихъ улицахъ, а въ двадцатитысячномъ населеніи города процентъ европейцевъ долженъ быть уже не малъ, потому что парижскій магазинъ „Au

Printemps“ имѣетъ здѣсь свое отдѣленіе и издаются нѣсколько газетъ испанскихъ и одна французская; послѣдняя помѣщаетъ объявленіе о Veloutine! Газеты занимаются и политикою, доказывая, что Марокко должно принадлежать марокканцамъ.

Для объясненія этого, надобно замѣтить, что по географическому положенію и по свойству почвы Марокко— вторая Испанія и на этотъ лакомый кусокъ давно заглядываются разные народы. Уже и въ настоящее время торговля Марокко, какъ изъ Тангера, такъ изъ другихъ портовъ, постоянно развивается. Важнѣйшій вывозъ — миндаля, деревяннаго масла, кожъ, шерсти, воска и разныхъ смолъ. Сосѣдняя Испанія участвуетъ въ этой торговлѣ малою долею. Въ 1886 г. обороты ея съ Марокко не превосходили 49,325 фунтовъ стерлинговъ, тогда какъ обороты Англіи 941,150 фунт. стерл., Франціи (съ Алжиромъ) — 341,483 фунт. стерл., прочихъ государствъ—79,779 фунт. стерл. Это не мѣшаетъ Испаніи мечтать болѣе другихъ о пріобрѣтеніи Марокко, которое она, впрочемъ, можетъ когда либо получить цѣною искуснаго нейтралитета въ европейской войнѣ, гдѣ интересы Франціи будутъ серьезно замѣшаны. Для Россіи подобныя поползновенія — значенія не имѣютъ; мы не можемъ допустить только, чтобы Марокко овладѣла Англія.

Не смотря на значительный процентъ европейцевъ и евреевъ, Тангеръ внутри представляется совершенно арабскимъ городомъ. Улицы такъ узки и перепутаны, что кажется, будто находишься во дворахъ одного значительнаго по размѣрамъ зданія. Всѣ улицы вымощены, но мостовыя не ремонтируются, а также никому въ голову не приходитъ сметать и очищать соръ и грязь,

наполняющіе улицы. Солнце, вѣтеръ, собаки и легкія прохожихъ мало-по-малу уносятъ запасы уличной грязи; къ сожалѣнію, новая накапливается быстро, потому что движеніе тутъ большое. На Востокѣ улица принадлежитъ народу, здѣсь нѣтъ ни полиціи, ни муниципалитета и каждый у себя какъ бы дома. Свобода полная: стройся какъ хочешь, торгуй какъ знаешь, да и гуляй, гдѣ хочешь. Здѣсь нѣтъ раздѣленія улицъ на аристократическія и на закоулки: наоборотъ, чѣмъ улица бойчѣе, тѣмъ болѣе на ней разныхъ оборванцевъ, нищихъ, вьючныхъ животныхъ, а иногда проходятъ и стада козъ, овецъ и т. п. Экипажей въ Тангерѣ по узкости улицъ нѣтъ.

Красота восточныхъ улицъ зависитъ отъ тѣхъ разнообразныхъ типовъ, которые встрѣчаешь на каждомъ шагу. Кургузые пиджаки не налагаютъ тутъ на публику печати однообразія. Каждая встрѣчающаяся фигура отъ толстопузаго богатаго купца, важно ѣдущаго на ослѣ, до нищаго негра, драпирующагося въ свои лохмотья, просится на полотно. Настоящее же поприще для бытовыхъ наблюденій представляетъ большой базаръ за городомъ въмѣстности, называемой Зокко. Здѣсь можно удобно наблюдать всю жизнь магометанской Африки. Бедуины расположились со своими верблюдами и женщины ихъ, въ бѣломъ, варятъ кускусу—родъ каши изъ проса; арабскіе декламаторы по цѣлымъ часамъ распѣваютъ заунывно подвиги разныхъ воителей; огромная толпа терпѣливо слушаетъ, но рѣдко подаетъ мѣдную монету, цѣнность которой—одна пятая нашей копѣйки; фокусники ловко фехтуютъ палками и выстрѣлами изъ ружья разбиваютъ пополамъ апельсины, воткнутые на

высокихъ палкахъ; всюду крики балакъ! балакъ! (берегись), суета, движеніе, торговля, въ особенности водою, финиками, чеснокомъ и дешевыми сладостями; ослы и водоносы кричатъ и ревутъ на каждомъ шагу; столбы пыли покрываютъ все это, а солнечные лучи ярко освѣщаютъ картину. Защищаться отъ нихъ жителямъ трудно, потому что въ Марокко зонтикъ имѣетъ право носить одинъ императоръ.

Гидъ нашъ, тангерскій еврей, съ гордостью заявлявшій, что онъ дѣлалъ съ Примомъ и О'Доннелемъ кампанію 1859 года,—по всей вѣроятности точно такъ же, какъ воевали въ 1877 году господа агенты товарищества Когана и Горвица,—настаивалъ, чтобы мы не ограничивались осмотромъ базара, а непремѣнно зашли вечеромъ въ арабскій кафе-шантанъ. Насъ привели въ плохо освѣщенный сарай, гдѣ подъ потолкомъ просушивались тыквы, подали въ маленькихъ чашкахъ кофе и пригласили сѣсть. Въ углу, на полу, покрытомъ циновками, сидѣли полукругомъ нѣсколько музыкантовъ съ бандурами и цитрами арабскаго образца и пѣвцовъ; въ дѣйствительности одинъ пѣвецъ тянулъ что-то очень заунывное, а остальные поддерживали его не столько голосомъ, сколько мѣрными ударами въ ладоши, ударами здоровенными, и я убѣжденъ, что эти арабы имѣли бы громадный успѣхъ въ Петербургѣ, въ качествѣ балетомановъ перваго ряда. Это хлопанье въ ладоши, да и самая манера пѣнія напоминаютъ испанскихъ цыганъ, такъ называемыхъ фламенко.

Одинъ изъ аккомпаніаторовъ говорилъ по-французски и, узнавъ, что мы—русскіе, объяснилъ, что знаетъ хорошо семейство профессора Мечникова—„извѣстнаго на-

туралиста", прибавилъ онъ,— пріѣзжавшее въ Тангеръ, а также, что нашъ извѣстный живописецъ г. Якобій выучилъ его дѣлать пожарскія котлеты. Этотъ бойкій малый, по разсказамъ его, былъ арабскимъ Жиль-Блазомъ, прошелъ огонь и воду, служилъ и поваромъ въ Севильѣ, и курьеромъ во французской миссіи въ Тангерѣ и т. д.

На другой день пароходъ нашъ отправился въ Альджезирасъ, небольшой испанскій портъ, лежащій напротивъ Гибралтара. Маленькій пароходъ три раза въ день совершаетъ рейсы между этими городами. Гибралтаръ расположился въ глубинѣ залива, высоты же, образующія мысъ, спускаются въ море двумя гигантскими уступами; на концѣ послѣдняго стоитъ маякъ. Въ портѣ много разоруженныхъ судовъ служатъ пловучими складами для каменнаго угля, которымъ здѣсь запасаются суда, идущія въ Средиземное море.

Мы должны были сняться съ якоря слишкомъ рано, чтобы успѣть возвратиться изъ Гибралтара, а потому я ограничился лицезрѣніемъ его издали, полдня же пришлось провести въ Альджезирасѣ.

Городъ этотъ, какъ портъ, не имѣетъ значенія, но сюда пріѣзжаютъ англичане изъ Гибралтара выпить для разнообразія на другомъ берегу залива. Кромѣ приспособленій для означенной выпивки, Альджезирасъ имѣетъ и другія принадлежности испанскаго приморскаго города. Въ гавани судовъ, конечно, никакихъ, но разваливающаяся крѣпость, набережная, гдѣ нѣсколько кафе и гдѣ гуляютъ таможенные агенты въ тщетномъ ожиданіи кого бы обыскать; по мощеннымъ улицамъ города уныло бродятъ ослы; въ окнахъ, за толстѣйшими же-

лѣзными рѣшетками, сидятъ дамы, сходившія въ церковь механически помолиться и затѣмъ видимо не знающія, куда дѣваться отъ скуки. Въ Испаніи не существуетъ вообще, даже въ столицѣ, оконъ нижняго этажа снаружи и со двора, гдѣ бы не было толстѣйшихъ рѣшетокъ.

Лучшая площадь города, конечно, называется въ Альджезирасѣ площадью Конституціи, а недавно еще называлась площадью Республики. Такъ оно принято во всѣхъ городахъ Испаніи. На площади—соборъ, гдѣ при мнѣ хоронили одного изъ офицеровъ съ надлежащими военными почестями. На краю города Alameda, т. е. гулянie, и паркъ, напоминающій огородъ; въ концѣ Аламеды—циркъ для боя быковъ, гдѣ шло представленіе. На воротахъ цирка надпись: Perseverancia! Испанцы понимаютъ это почтенное слово по-своему. Время было, повидимому, ярмарочное, потому что, кромѣ цирка, работало нѣсколько балагановъ и два театра: Novedades и Principal. Въ первомъ, гдѣ репертуаръ легкомысленный, нельзя было достать билетовъ, а во второмъ шла патріотическая драма съ музыкою „Cadiz“, изъ временъ наполеоновскихъ войнъ, выдержавшая въ Мадридѣ болѣе 500 представленій. Играла труппа, пріѣхавшая изъ Гибралтара, недурно, но самое любопытное было видѣть, какъ, имѣя пять хористокъ и столько же хористовъ, умудрились поставить пьесу, въ которой на каждомъ шагу народъ, армія, торжественные марши, возстанія и т. д. Каждый работалъ за десятерыхъ и выходило ничего себѣ. Какъ и въ другихъ испанскихъ театрахъ, публика сидѣла тихо, но стоило кому нибудь захлопать, чтобы сейчасъ же произошло повтореніе.

Спектакль кончился не поздно, но мнѣ съ величайшимъ трудомъ удалось достать лодку для переѣзда на пароходъ, стоявшій довольно далеко отъ берега.

Пароходъ нашъ былъ англійскаго издѣлія, поэтому, какъ ни медлили испанцы, но онъ всюду поспѣвалъ ранѣе росписанія. Не успѣли мы задремать на другомъ боку, разбуженные подъемомъ якоря въ Альджезирасѣ, какъ оказалось, что пароходъ уже вновь въ Африкѣ, въ Сеутѣ, неправильно называемой у насъ Цеутой.

Сеута—крѣпость на африканскомъ берегу Гибралтарскаго пролива, который имѣетъ здѣсь не болѣе 25 верстъ ширины. Испанцы воображаютъ, что англичане только спятъ и видятъ, чтобы овладѣть Сеутой, а еслибы ею овладѣли, то стали бы первою державою въ мірѣ. Въ дѣйствительности, при обладаніи Гибралтаромъ, владѣніе другою гаванью, къ тому же открытой, было бы для англичанъ скорѣе тягостью. Разсказываютъ, что Моретъ, бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, а нынѣ министръ внутреннихъ дѣлъ, серьезно помышлялъ о возможности предложить англичанамъ Сеуту въ обмѣнъ на Гибралтаръ. Сеута, впрочемъ, имѣла бы въ другихъ рукахъ важное значеніе, какъ пунктъ для торговли съ Марокко; она легко могла бы соперничать съ Тангеромъ, а также служить, при устройствѣ порто-франко и при улучшеніи порта, конкуррентомъ Гибралтару въ смыслѣ транзитнаго пункта для судовъ, идущихъ изъ Средиземнаго моря въ Атлантическій океанъ и обратно. Но, само собою, испанцы и не помышляютъ объ этомъ. Для нихъ Сеута, подобно другимъ мелкимъ портамъ на африканскомъ прибрежьи, служитъ „Сибирью“, т. е. мѣстомъ ссылки для преступниковъ.

Сюда же отправляютъ и политическихъ преступниковъ, и Сеута играетъ важную роль въ мартирологѣ испанскихъ революціонеровъ, которыхъ африканская жара, конечно, охладить не можетъ. Главный контингентъ политическихъ ссыльныхъ доставляетъ испанская армія, особенно артиллерія, гдѣ революціонный духъ особенно силенъ и гдѣ удачное pronunciamiento одинъ изъ удобнѣйшихъ способовъ обогнать товарищей по службѣ, хотя и сопряженный съ рискомъ быть разстрѣляннымъ или прогуляться въ африканскія президіи, а то, пожалуй, и въ Фернандо Поо. Испанія положительно утомилась революціями, а особенно военными; всѣ сознаютъ, что пользы отъ нихъ быть не можетъ, но исторія съ маршаломъ Мартинесъ Кампосомъ, занимавшая всю Испанію, показала, что эра интригъ и волненій изъ-за военныхъ самолюбій не прекратилась. „Я убѣжденъ, говорилъ мнѣ съ грустью одинъ депутатъ, весьма преданный правительству и назначаемый губернаторомъ въ одну изъ важнѣйшихъ провинцій Испаніи, что стоитъ согласиться пяти генераламъ, чтобы опрокинуть у насъ въ Испаніи какое угодно правительство“...

Ничего ужасающаго Сеута по наружности, впрочемъ, не представляетъ. Издали, т. е. съ парохода, она кажется даже красивою и богатою зеленью, но это извѣстный обманъ глазъ всѣхъ городовъ, построенныхъ амфитеатромъ. При ближайшемъ знакомствѣ, Сеута ничтожный городишко, гдѣ, кромѣ нѣсколькихъ казармъ и кабаковъ, ничего нѣтъ. Городъ состоитъ изъ двухъ частей, соединенныхъ стариннымъ мостомъ черезъ сухой каналъ. Въ Испаніи мосты всегда построены на сухихъ мѣстахъ, потому что вода изъ рѣкъ продана была,

какъ увѣряютъ шутники, для постройки мостовъ. Здѣсь мостъ проведенъ черезъ морской рукавъ, который выпить было нельзя, но его занесло пескомъ; навѣрное рукавъ, хотя онъ образуетъ единственную закрытую гавань порта, не чистили съ того времени, какъ Сеута стала окончательно испанскою, т. е. съ 1640 года. Первоначально это былъ городъ португальскій.

На улицахъ то-и-дѣло встрѣчаешь каторжныхъ подъ конвоемъ; между каторжниками много негровъ, вѣроятно участниковъ послѣдняго кубанскаго возстанія. Всѣхъ каторжныхъ болѣе трехъ тысячъ; работа ихъ едва ли производительна, по крайней мѣрѣ въ городѣ не видно ея: укрѣпленія разваливаются, пристаней нѣтъ, мостовая неряшливо содержится, растительность скудная. Прогрессъ выражается двумя-тремя писсуарами, маленькимъ рынкомъ на чугунныхъ колоннахъ и обязательствомъ для собакъ ходить въ намордникахъ. Въ городѣ имѣется плохенькая гостинница и театръ „Novedades“. Африканское солнце порядочно припекало и я тщетно искалъ тѣни и прохлады, пока не вспомнилъ, что въ Испаніи соборы цѣлый день открыты для публики. Соборъ въ Сеутѣ довольно большое зданіе, но весьма скромное по отдѣлкѣ; фрески и образа нарисованы неумѣлою рукою. Соборъ, какъ и вездѣ въ Испаніи, сталъ слишкомъ великъ для мѣстнаго населенія. Вообще это такой городъ, гдѣ если не имѣть каторжныхъ работъ или служебныхъ занятій, то на третій день остается только повѣситься отъ скуки. Къ счастью, мы оставались въ Сеутѣ лишь нѣсколько часовъ и затѣмъ пошли въ Малагу.

Средиземное море встрѣтило насъ довольно небла-

госклонно, дулъ порядочный вѣтеръ, а „Rabat“ въ Сеутѣ сдалъ свой послѣдній грузъ и въ Малагу шелъ уже совсѣмъ налегкѣ. По этой линіи грузовъ немного, да и вообще Общество Trasatlantica работаетъ не важно и хотя оно получаетъ за свои линіи на Антильскіе и Филиппинскіе острова значительную субсидію, но пособіе это выплачивается очень неаккуратно; не помогаетъ обществу и монополія, которою оно пользуется въ каботажномъ сообщеніи между испанскими портами. Хотя Сеута испанскій портъ, но, по пріѣздѣ въ Малагу, къ намъ поставили на трапахъ часовыхъ съ ружьями и офицеръ пограничной стражи, одѣтый гусаромъ, часа полтора курилъ прежде чѣмъ далъ право съѣхать на берегъ. По этому поводу считаю долгомъ исправить Оффенбаха и его либреттистовъ. Въ Испаніи „карабинерами“ называется пограничная стража, а не жандармы—гражданская гвардія; такъ что знаменитые стихи изъ „Les Brigands“ о carabiniers, всюду опаздывающихъ, въ сущности не имѣютъ смысла.

На берегу насъ ждали новыя истязанія. Пропускъ гусара былъ только предварительный, явились таможенные досмотрщики и началась обычная операція. Отъ нея можно избавиться, давъ песету на водку, или, вѣрнѣе, на мороженое, но я нарочно не далъ ничего „сеньору теньенте“, не смотря на намеки носильщиковъ, чтобы не развращать чиновниковъ Альфонса XIII, и безъ того деморализованныхъ. Къ сожалѣнію, разсказываютъ, что деморализованы здѣсь не только администрація, но и суды; о парламентѣ и муниципалитетахъ и говорить нечего.

Я, признаться, не безъ нѣкотораго ужаса подъѣзжалъ

къ Малагѣ, потому что хотя этотъ городъ знаменитъ своимъ лучшимъ въ свѣтѣ виноградомъ и своими сладкими винами и цѣлый міръ снабжаетъ изюмомъ, фигами, миндалемъ и другими сладостями, но онъ одинаково извѣстенъ и скернымъ деревяннымъ масломъ, которое въ Малагѣ и въ окрестностяхъ ѣдятъ, да какъ еще, что едва остается одна десятая для вывоза, между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ малагское масло только и идетъ на смазку, освѣщеніе и въ фабричныхъ производствахъ. Впрочемъ, и вина малагскія болѣе хвалятъ, чѣмъ пьютъ, по крайней мѣрѣ въ натуральномъ видѣ; главные потребители ихъ французскія аптеки. Филоксера и здѣсь произвела страшныя опустошенія и является народнымъ бѣдствіемъ, такъ что количество вина сильно уменьшилось. Вздорожаніе вина содѣйствовало распространенію пива и хотя маршрутъ по Испаніи напоминаетъ прейсъ-курантъ братьевъ Елисѣевыхъ, но во всѣхъ этихъ Беникарло, Хересахъ и Аликантахъ пьютъ больше пива, чѣмъ виноградnаго сока.

Мои страхи насчетъ продовольствія не оправдались: въ Малагѣ я нашелъ прекрасную гостинницу, и кормы въ ней были ничѣмъ не хуже, чѣмъ въ такихъ же учрежденіяхъ въ другихъ странахъ. По этому поводу долженъ замѣтить, что въ Испаніи, какъ Соединенныхъ Штатахъ, въ отеляхъ всегда комнаты отдаются со столомъ, что сравнительно дешевле и неудобно только для людей прихотливыхъ; испанцы же въ пищѣ неразборчивы и, какъ я говорилъ уже, чрезвычайно умѣрены. Они прежде всего справляются, будетъ ли за обѣдомъ мороженое, къ остальному же довольно равнодушны; отъ мясныхъ блюдъ отказываются, всѣ соусы къ рыбѣ и зе-

лени замѣняютъ смѣсью своего деревяннаго масла съ уксусомъ, который всегда хорошъ, ибо дѣлается изъ вина; вина во время ѣды испанцы пьютъ мало, а такъ называемыхъ у насъ испанскихъ винъ, т. е. хереса разной крѣпости, не пьютъ вовсе, за рѣдкими исключеніями. Потребители этого вина — жители болѣе холодныхъ странъ, въ особенности Англіи, Швеціи и Сѣверной Америки.

Съ моря Малага, красиво расположенная между группою фабрикъ и старинною крѣпостью на горѣ, не кажется большимъ городомъ, только соборъ, одна башня котораго не выстроена, поражаетъ своею массивностью; гавань также не окончена и надобно удвоить моллы, чтобы сдѣлать ее закрытою. И при ближайшемъ разсмотрѣніи Малага городъ небольшой и не совсѣмъ опрятный, но живой и разростающійся. Муниципалитетъ воспользовался бывшимъ землетрясеніемъ, чтобы сломать разную дрянь и провести новыя болѣе широкія улицы; настоящія уже стали тѣсны для слишкомъ стотысячнаго населенія города. Большіе магазины, великолѣпныя кафе полны вечеромъ народомъ; много гуляетъ его и на Аламедѣ—широкомъ бульварѣ, составляющемъ въ настоящее время лучшую часть города. Аламеда украшается двумя большими фонтанами, изъ которыхъ одинъ мраморный, замѣчателенъ изваяніями эротическаго содержанія. Оригинально, что для прогулокъ служитъ только часть Аламеды, примѣрно на двѣ трети длины, и въ то время, когда въ одной части пройти нельзя вечеромъ отъ публики, остальная, такъ же хорошо освѣщенная электричествомъ, и съ прекрасной мостовой, остается пустою. Причина этого осталась для меня тайною.

По словамъ всѣхъ „Путеводителей по Испаніи“, женщины въ Малагѣ—malaguenas—„красивы и граціозны, цвѣтъ лица ихъ прекрасный, формы изящны, походка соблазнительная, волосы роскошные, ноги замѣчательно маленькія, обутыя всегда со вкусомъ, и т. д. и т. д.“. Я, признаться, ни на Аламедѣ, ни въ прогулкахъ по городу ничего подобнаго не усмотрѣлъ, можетъ быть потому, что пробылъ въ Малагѣ недолго, за то убѣдился въ справедливости другого утвержденія путеводителей, что жители Малаги любезны и обходительны. Эту любезность я испыталъ при посѣщеніи Liceo. Подъ этимъ названіемъ скрывается не какое либо учебное заведеніе, а главнѣйшій въ Малагѣ клубъ.

Клубъ занимаетъ большое помѣщеніе съ садомъ, едва ли не единственнымъ въ городѣ; дворъ клуба, покрываемый отъ солнца полотномъ, обращается, въ случаѣ нужды, въ огромную танцовальную залу, подъ аркадами по сторонамъ разставлены столы, гдѣ члены клуба упражняются на зеленомъ полѣ. Кто не играетъ—болтаетъ. Политика здѣсь важный предметъ для разговоровъ, потому что Малага городъ радикальный, почти республиканскій. Недаромъ одна изъ лучшихъ площадей города — площадь Ріего, украшается монументомъ генералу Торрихосу, разстрѣленному за возмущеніе въ 1831 году. Въ Испаніи такіе монументы, впрочемъ, не въ рѣдкость. Правительство еще недавно вынуждено было закрыть въ Малагѣ земское собраніе или такъ называемую провинціальную депутацію. Увлекающіеся по части политики, въ торговлѣ жители Малаги имѣютъ репутацію людей осторожныхъ, основательныхъ и тру-

долюбивыхъ. Въ сезонъ фруктовъ, т. е. осенью, они работаютъ до двѣнадцати часовъ ночи.

Всѣ купцы здѣсь жалуются на плохія дѣла. Торговля Малаги въ застоѣ, вслѣдствіе конкурренціи по части изюма Калифорніи и по части деревяннаго масла и лимоновъ Италіи и Греціи; болѣе же всего винятъ коварную тарифную политику желѣзныхъ дорогъ, находящихся въ Испаніи въ рукахъ иностранцевъ. Такимъ образомъ нажива плоха и количество банковыхъ билетовъ, остающихся въ карманахъ (золотой монеты въ Испаніи теперь въ обращеніи и въ поминѣ нѣтъ, а серебряная на половину фальшивая), ежегодно уменьшается.

Кстати по этому поводу можно замѣтить, что испанцы весьма остроумно помѣстили на кредитныхъ билетахъ портреты своихъ министровъ финансовъ: Мона, Сантанила и друг. Это болѣе справедливо, чѣмъ печатать портреты Димитрія Донского или Алексѣя Михайловича, къ увеличенію количества бумажныхъ денегъ никакого отношенія не имѣвшихъ.

Обыкновенно въ Малагѣ лѣтомъ очень жарко, хотя и менѣе, чѣмъ напримѣръ въ Севильѣ. Въ этомъ году въ Испаніи лѣто было совсѣмъ исключительное: не только не было жарко, но по вечерамъ, въ іюнѣ, приходилось надѣвать пальто. Холодная сырая погода обѣщала хорошій урожай, но должна была повредить качеству вина и фруктовъ.

VI.

Мадридъ.—Наружность Мадрида.—Гулянья.—Правительство и партіи; пренія въ палатахъ.—Чиновники и журналисты.—Мадридское общество, театры.— Отношенія Испаніи къ Россіи.

Благодаря дождливой погодѣ нынѣшнею зимою и весною, окрестности Мадрида, обыкновенно столь печальныя, показались мнѣ веселыми, за то въ самомъ городѣ перемѣнъ я почти не нашелъ. Даже нѣкогда хваленая Puerta del Sol, послѣ столькихъ монументальныхъ площадей въ Европѣ, производила впечатлѣніе лишь перекрестка восьми улицъ, гдѣ сходятся дилижансы и конки и гдѣ все оживленіе выражается гнусливымъ крикомъ маленькихъ разносчиковъ газетъ, особенно бойко торгующихъ „Correspondencia de Espana“— листкомъ хроники и телеграммъ, выходящимъ нѣсколько разъ въ день и расходящимся болѣе чѣмъ въ 60,000 экземпляровъ. Основатель его, Санта-Ана, гордится, что онъ изобрѣлъ репортажъ — эту гнусную язву литературы—ранѣе американцевъ. Честь не великая!

Не имѣя торговли и фабрикъ, Мадридъ медленно разростается; онъ не имѣетъ также предмѣстій и той пе-

реходной полосы между городомъ и деревней, которая окружаетъ каждую столицу; здѣсь, какъ на Востокѣ, рѣзко за послѣдними высокими домами начинаются хлѣбныя поля и голая степь. Въ городѣ идутъ, впрочемъ, постройки. Выстроенъ огромный циркъ для боя быковъ въ мавританскомъ стилѣ и возводятся монументальныя зданія національнаго музея и публичной библіотеки, Испанскаго банка и Армеріи. Одно американское общество страхованія жизни строитъ огромное зданіе на улицѣ, вновь проложенной между двумя главными улицами, Санъ-Херонимо и Алкала.

Достопримѣчательностей въ Мадридѣ мало, или онѣ больше такого рода: вотъ здѣсь взбунтовались войска въ такомъ-то году, а здѣсь въ такомъ-то; здѣсь посреди улицы убили генерала Прима, почитаемаго одними военнымъ и политическимъ геніемъ, а другими — просто мерзавцемъ и заносчивымъ человѣкомъ, а вотъ здѣсь, у стѣны казармы, въ двухъ шагахъ отъ королевскаго дворца, разстрѣляли безъ суда и слѣдствія нѣсколько артиллерійскихъ офицеровъ и солдатъ, принимавшихъ участіе въ послѣднемъ заговорѣ генерала Вилакампы. Изъ старыхъ достопримѣчательностей города остается, кажется, одна — площадь Mayor, гдѣ жгли еретиковъ, осужденныхъ инквизиціей. Теперь это нѣчто въ родѣ Апраксина двора и о прежнемъ значеніи напоминаетъ развѣ статуя Филиппа III, сидящаго на уродливой лошади, кажущейся беременной.

За сдѣланными перестройками, Мадридъ очень мало имѣетъ испанскаго и ничѣмъ почти не отличается отъ новыхъ кварталовъ большихъ городовъ Южной Франціи и Сѣверной Италіи. Только продажа на каждомъ шагу

вѣеровъ, гитаръ и портретовъ тореадоровъ, да сохранившіяся еще мѣстами лавочки публичныхъ писцовъ, сочиняющихъ прошенія въ присутственныя мѣста для мужчинъ и любовныя письма для женщинъ, придаютъ городу нѣкоторый мѣстный отпечатокъ. Выставки въ книжныхъ магазинахъ въ Мадридѣ, довольно многочисленныхъ, также не лишены значенія для характеристики мадридскаго общества. Оригинальныхъ книгъ по литературѣ и наукѣ немного, но за то множество руководствъ по всякимъ отраслямъ юридическихъ знаній и такое же количество сочиненій о любви, женщинахъ и искусствѣ нравиться. Всѣ эти категоріи книгъ рыночнаго издѣлія. Переводная литература обширна, даже русскіе авторы имѣются въ испанскихъ переводахъ, что, кстати замѣтить, не помѣшало Кастеляру написать нелѣпѣйшую книгу о Россіи; но для массы источникомъ для переводовъ служитъ исключительно французская литература. Достаточно сказать, что до сихъ поръ здѣсь продолжаютъ переводить Поль де-Кока!

Мадридцы очень гордятся тѣмъ, что имъ удалось на ихъ скудной почвѣ развести цѣлый паркъ и они усиленно катаются передъ обѣдомъ въ Campo Grande, этой пародіи на Bois de Boulogne, не обращая вниманія на жидкую грязь, которая образуется отъ поливки страшно пыльныхъ аллей. На прогулкѣ тутъ встрѣтишь весь мадридскій beau и demi-monde. У перваго болѣе громкихъ титуловъ, нежели хорошихъ лошадей. Экипажи гуляющихъ въ предъобѣденное время проѣзжаютъ и по бульварамъ Passeo de Recoletos и Passeo de la Castellana, составляющимъ продолженіе знаменитаго Салонъ дель Прадо, освѣщеннаго теперь электрическими фона-

рями. Бульвары постепенно украшаются новыми постройками и памятниками. Изъ построекъ обращаютъ на себя вниманіе великолѣпный палаццо съ паркомъ, оставленный однимъ оригиналомъ своимъ бѣднымъ родственникамъ подъ условіемъ содержать все безъ перемѣны. Ремонтъ поглащаетъ доходы и наслѣдники вынуждены жить въ четвертомъ этажѣ своего дворца. Изъ монументовъ лучшій мраморная группа Изабеллы Католической, а худшій — Христофору Колумбу — пирогъ въ готическомъ стилѣ; недурна конная статуя маршалу маркизу Дуэро.

Кромѣ того, въ концѣ улицы Алкала стоитъ монументъ маршалу Эспартеро, замѣчательный тѣмъ, что его никто не открывалъ, онъ самъ открылся. Бурей сорвало покрывало съ конной статуи либеральнаго маршала и правительство этимъ воспользовалось, чтобы избавиться отъ торжества открытія, которое могло бы подать поводъ къ нескромнымъ манифестаціямъ.

Если сооружены памятники Эспартеро и Дуэро, то непонятно, почему не поставленъ до сихъ поръ монументъ маршалу Нарваэсу, герцогу Валенсійскому, который, имѣя такую же сомнительную военную и политическую репутацію, по крайней мѣрѣ, получилъ всемірную извѣстность своимъ знаменитымъ отвѣтомъ на смертномъ одрѣ. Когда духовникъ увѣщевалъ маршала простить врагамъ, маршалъ наивно отвѣчалъ: „У меня ихъ нѣтъ, я ихъ всѣхъ разстрѣлялъ“.

Эта легкость насчетъ разстрѣлянія не мѣшаетъ испанцамъ имѣть доброе сердце. Означенное качество проявилось, между прочимъ, въ трудную эпоху смерти Альфонса XII. Королева Марія-Христина осталась въ са-

момъ критическомъ положеніи; полагали, что она не продержится и нѣсколькихъ недѣль, но чувства сожалѣнія и рыцарства, по отношенію къ бѣдной женщинѣ, взяло временно верхъ надъ всякими другими соображеніями испанцевъ. Надобно замѣтить, впрочемъ, что королева-регентша умѣла уже ранѣе заслужить общее уваженіе тѣмъ, что при жизни короля не вмѣшивалась въ политику; притомъ извѣстно было, что жизнь ея была не сладка, такъ какъ Альфонсъ XII, не смотря на слабое здоровье, былъ неисправимымъ вивёромъ. Каждый день, подъ предлогомъ поиграть на билліардѣ съ своимъ другомъ, который былъ его злымъ геніемъ, герцогомъ Сестою *), король тайно уѣзжалъ изъ дворца проводить время въ веселой компаніи. Въ обществѣ этого Донъ-Жуана онъ являлся въ маскарады, иногда въ женскомъ платьѣ, причемъ былъ какъ-то узнанъ извѣстнымъ карлистомъ Кальдерономъ, котораго онъ вздумалъ поинтриговать.

Смерть короля, котораго, впрочемъ, любили, ибо при всѣхъ своихъ слабостяхъ онъ отличался большимъ умомъ и энергіей, послужила на пользу бурбонской династіи. Положеніе Маріи-Христины упрочилось, въ особенности съ момента, когда она очистила дворецъ отъ камарильи, въ томъ числѣ отъ своей camarera mayor герцогини Мединe-де-Ласъ-Торресъ, прогнала герцога Сесту и другихъ фаворитовъ, поставила въ должныя границы разныхъ родственниковъ бурбонскаго дома и привлекла къ себѣ представителей настоящей аристократіи, въ родѣ

*) Герцогъ Сесто женился на вдовѣ герцога Морни; герцогиня перешла въ католицизмъ, но не забыла русскій языкъ.

герцога Медина Сели и герцогини Фернанъ Нуньесъ; она заявила также желаніе исполнить строго свои конституціонныя обязанности. Къ сожалѣнію, въ Испаніи послѣднее не такъ-то легко. Испанцы, точно дѣти, любятъ перемѣны и не могутъ ни на чемъ долго успокоиться.

Хотя въ странѣ имѣются двѣ главныхъ партіи—консервативная и либеральная, руководимая весьма замѣчательными государственными людьми Кановасомъ дель-Кастильо и Сагастой, изъ коихъ первый пользуется особымъ уваженіемъ, а второму нельзя отказать въ изворотливости, но обѣ эти партіи не дисциплинированы, какъ въ Англіи или Бельгіи. Это скорѣе естественныя въ каждой сторонѣ два теченія общественнаго мнѣнія, теченія, границы которыхъ мѣняются постоянно; правительственные же кружки распадаются на многочисленныя группы, гдѣ личные интересы рѣшительно преобладаютъ надъ политическими и нравственными соображеніями. Испанія ранѣе Америки узнала не только язву репортажа, но и язву отъ появленія класса „политикановъ“. Для массы людей политика уже здѣсь давно стала ремесломъ и какой-либо энергическій человѣкъ, который сто лѣтъ назадъ останавливалъ бы въ ущельяхъ Сьеры Морены дилижансы, теперь не менѣе ловко очищаетъ карманы публики, сдѣлавшись политическимъ авантюристомъ и добившись выбора въ кортесы. Народъ смутно сознаетъ, что его морочатъ, что всѣ реформы обращаются лишь на его эксплоатацію, но онъ безсиленъ сбросить съ себя ярмо, наложенное на него интеллигенціей, да и основы, на которыхъ покоилось вѣковое зданіе испанской монархіи, систематически разбивались съ 1812 года.

Въ настоящій моментъ во внутренней политикѣ Испаніи происходитъ новая путаница, которая для иностранца, незнакомаго съ тонкостями партіонныхъ интригъ, кажется даже не совсѣмъ понятною. По наружности либеральное министерство располагаетъ въ палатахъ большинствомъ, но здѣсь это ничего не значитъ, ибо выборы совершенно въ рукахъ правительства и, слѣдовательно, бо̀льшее или меньшее число голосовъ не имѣетъ рѣшающаго значенія. Важно мнѣніе политическихъ вожаковъ и настроеніе общественнаго мнѣнія въ правящемъ классѣ. Если оно рѣшительно противъ, то министерство увольняютъ безъ церемоніи, а новое выбираетъ какую ему угодно палату. Такимъ образомъ, парламентскій механизмъ въ Испаніи—одна комедія; управляетъ кружокъ политикановъ. Поэтому какой нибудь Кастеляръ можетъ въ кортесахъ произносить ярыя республиканскія рѣчи и писать книги революціоннаго содержанія, а на дѣлѣ онъ союзникъ и помощникъ Сагасты. Я не говорю уже о личныхъ сношеніяхъ. Здѣсь всѣ ссорятся и спорятъ о политикѣ публично, но это не мѣшаетъ личной дружбѣ и нерѣдко за однимъ столомъ встрѣчаешь какъ пріятелей людей, сидящихъ на крайнихъ концахъ палаты и готовыхъ тамъ, кажется, растерзать другъ друга.

Вслѣдствіе подтасовки выборовъ карлисты имѣютъ въ сенатѣ и въ кортесахъ только по одному представителю, хотя цѣлыхъ три провинціи, а часть духовенства и много помѣщиковъ въ остальныхъ остаются преданными Донъ-Карлосу. Курьезно, что одинъ изъ представителей карлистской партіи состоитъ придворнымъ фотографомъ и, произнося ярыя рѣчи, вмѣстѣ съ тѣмъ популяризи-

руетъ въ публикѣ изображеніе „узурпаторовъ“. Республиканцы также послѣ позорнаго опыта 1874 — 76 гг. малочисленны. На Кастеляра, заявившаго себя тогда трусомъ, смотрятъ лишь какъ на артиста, обязаннаго произносить для общаго развлеченія рѣчи. Пи-и-Маргалъ собираетъ митинги, но его узколобое доктринерство мало кого увлекаетъ; болѣе вліятеленъ въ республиканской сферѣ, благодаря милліонному состоянію, Сорилья, предпочитающій, однако, благоразумно жить заграницею и оттуда бунтовать соотечественниковъ. Республиканцы сильно разсчитываютъ въ будущемъ на всеобщую подачу голосовъ, которую желаетъ непремѣнно провести Сагаста, но люди, весьма близко знакомые съ политическими вопросами Испаніи, увѣряютъ, что при расширеніи права голосованія надобно ожидать прямо противоположнаго, а именно усиленія консервативной партіи, такъ какъ въ сельскомъ, наиболѣе многочисленномъ населеніи, вліяніе духовенства и помѣщиковъ еще очень сильно, и крестьяне ненавидятъ буржуазію, скупившую по дешевой цѣнѣ большую часть монастырскихъ земель и въ кортесахъ направляющую политику въ томъ смыслѣ, чтобы тяжесть налоговъ главнымъ образомъ падала на земледѣліе. Это и было причиною появленія въ Андалузіи тайнаго общества „Черной руки“, напугавшаго своею соціалистическою программою.

Среди общей неурядицы началъ въ послѣднее время выступать на первый планъ въ качествѣ „спасителя“ маршалъ Мартинесъ Кампосъ. Прежній спаситель отечества маршалъ Павія теперь не у дѣлъ,—если не считать почетнаго званія вице-президента сената,—за весьма подозрительную небрежность во время возмущенія Ви-

лакампы. Павіа былъ тогда генералъ-капитаномъ Мадрида. Я видѣлъ Павію, разгуливающимъ по бульвару Реколетовъ въ статскомъ платьѣ; это худенькій, близорукій старичокъ, небольшого роста, съ длинными руками, имѣющій, говорятъ, претензію нравиться женщинамъ.

Мартинесъ Кампосъ пользовался до сихъ поръ совсѣмъ другой репутаціей, чѣмъ Павіа, а именно человѣка честнаго и политикою мало интересующагося, хотя онъ и сдѣлалъ сагунтское pronunciamiento. Первоначально Мартинесъ Кампосъ былъ въ рукахъ Кановаса, котораго испанцы, со свойственною имъ хвастливостью, считаютъ вторымъ Бисмаркомъ,—если не Бисмарка вторымъ Кановасомъ. Размолвка произошла изъ-за того, что Кановасъ, желая сдѣлать видъ, что уступаетъ большинству, удалился отъ дѣлъ и премьеромъ вызвалъ маршала, занимавшаго выгодную должность генералъ-капитана Кубы. Мартинесъ Кампосъ оказался калифомъ на часъ и, обиженный неудачей, сошелся близко съ Сагастой. Въ настоящее время маршаломъ, хотя онъ въ этомъ и не сознается, старается овладѣть средняя партія, не игравшая до сихъ поръ роли въ кортесахъ, но довольно безпокойная. Во главѣ ея находятся герцогъ дель-Торре, племянникъ покойнаго Серано, генералъ Лопесъ Домингесъ и Ромеро Робледо, перебѣжчикъ изъ республиканскаго и консервативнаго лагеря, опозорившій себя, занимая постъ министра внутреннихъ дѣлъ, бѣгствомъ изъ Мадрида во время холеры. Болѣе значенія въ этой партіи имѣетъ депутатъ Гамазо, который, равно какъ и консерваторы, желаетъ для поправленія испанскихъ финансовъ и экономическаго положенія страны, повышенія таможенныхъ пошлинъ на хлѣбъ и налога на

процентныя бумаги, тогда какъ нынѣшній министръ финансовъ, фритредеръ Пюгсерверъ, хотѣлъ бы ограничиться повышеніемъ пошлинъ на спиртъ и нефть и передачею въ пользу казны части городскихъ заставныхъ пошлинъ. Онъ не прочь понизить немного земельный налогъ, но подъ условіемъ пріостановки займа на постройку новыхъ военныхъ кораблей.

Находя, что уступать власть новой партіи, которая очевидно не удержитъ ея, а передастъ консерваторамъ—неблагоразумно, Сагаста произвелъ въ началѣ іюня въ своемъ министерствѣ крупныя перемѣны; но, повидимому, онъ не удовлетворилъ этимъ никого и, по всей вѣроятности, осенью, когда палаты вновь соберутся, Сагаста подастъ въ отставку. Онъ думалъ было привлечь къ себѣ Гамазо, но неудачно. Перемѣны состояли въ томъ, что вмѣсто генерала Касолы, обидѣвшаго маршала Мартинеса Кампоса и вызвавшаго неудовольствія въ арміи неудачными реформами, назначенъ генералъ О'Рейнъ, извѣстный преданностью династіи, что для военнаго министра въ Испаніи качество рѣдкое и потому не лишнее, такъ какъ дисциплина въ арміи невѣроятно распущена, особенно по отношенію высшихъ чиновъ. Въ какой бы другой странѣ допустили, напримѣръ, какъ здѣсь было съ герцогомъ дель-Торре, чтобы генералъ, состоящій на службѣ, могъ умышленно уклоняться отъ встрѣчи съ королемъ, а затѣмъ публиковать, что онъ „примирился" съ правительствомъ!

Министромъ Fomento, вмѣсто ничтожнаго Наварро Родриго, назначенъ Каналехасъ, молодой и краснорѣчивый представитель Альджезираса. Это назначеніе не удовлетворило никого, потому что въ Испаніи теперь серьез-

ное протекціонистское движеніе, а Каналехасъ, какъ уроженецъ Кадикса, стоитъ за свободную торговлю. Другой министръ-фритредеръ Моретъ, слѣдовательно, не подходящій къ современному направленію общественнаго мнѣнія и кортесовъ, сдѣланъ вмѣсто Кастильо министромъ внутреннихъ дѣлъ, а въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ его замѣнилъ маркизъ ла-Вега-ди-Армихо, человѣкъ честный и дѣльный, врагъ торговыхъ трактатовъ, слѣдовательно не раздѣляющій экономическихъ воззрѣній Морета и другихъ своихъ товарищей. Къ сожалѣнію, Армихо великій другъ нѣмцевъ и ему Альфонсъ XII обязанъ извѣстнымъ скандаломъ въ Парижѣ, хотя маркизъ это рѣшительно отрицаетъ. Министромъ Ultramar, вмѣсто выжившаго изъ ума Балагуэра, назначили вице-предсѣдателя кортесовъ Кандепона, демократа, имѣющаго репутацію отличнаго адвоката, но едва ли знакомаго близко съ нуждами колоній.

Такъ какъ главные воротилы Моретъ и министръ юстиціи Алонсо Мартинесъ остались въ министерствѣ, то комбинація Сагасты никого не удовлетворила, начиная съ его друзей, въ родѣ графа Хиквена, также ждавшаго портфеля. Я былъ въ сенатѣ и кортесахъ свидѣтелемъ горячихъ преній по запросу о причинахъ, вызвавшихъ отставку Мартинесъ-Кампоса и перемѣны въ министерствѣ. Пренія тянулись нѣсколько дней. При мнѣ въ кортесахъ говорилъ нѣсколько часовъ подрядъ, при помощи безчисленнаго числа стакановъ воды съ сасапарелью, Ромеро-Робледо, говорилъ какъ опытный ораторъ, искусно сберегая свои силы и ловко разсчитывая эффекты. Рѣчь его видимо не производила впечатлѣнія. Ее рѣдко прерывали и если происходилъ какой шумъ,

то къ тишинѣ призывали шиканіемъ журналисты изъ своей ложи, лишенные возможности записывать, а не президентъ палаты Мартосъ. Всѣ депутаты большинства были, конечно, на своихъ мѣстахъ, ожидая сигнала вотировать. Они держали себя довольно чинно, не напоминая стада французскихъ депутатовъ. На министерской скамьѣ возсѣдали Сагаста, Моретъ и Алонсо Мартинесъ, самые сильные представители династической лѣвой. На противоположной сторонѣ, довольно высоко, сидѣла молча весьма некрасивая фигура косого Кановаса дель-Кастильо, окруженная единомышленниками, между которыми Франциско Сильвела, Торено и извѣстный своимъ клерикальнымъ направленіемъ Пидаль наиболѣе вліятельны и талантливы. На той же линіи, но лѣвѣе, сидѣлъ и слушалъ съ большимъ вниманіемъ Кастеляръ, сильно облысѣвшій. Сзади министровъ я увидѣлъ Фіоля, депутата Балеарскихъ острововъ, оказавшаго намъ услугу поддержкою въ кортесахъ торговаго договора Испаніи съ Россіей. Этотъ весьма дѣльный человѣкъ, эксъ-республиканецъ, назначается теперь губернаторомъ Барселонской провинціи. Въ числѣ министерскихъ „барановъ“ засѣдаетъ популярнѣйшій испанскій романистъ Пересъ Гальдосъ, съ которымъ я познакомился въ Барселонѣ. Сагаста назначилъ его въ видѣ синекуры депутатомъ.

Пренія въ сенатѣ были столь же ожесточенныя. Здѣсь говорилъ не безъ самоувѣренности Мартинесъ Кампосъ, поддерживаемый герцогомъ Торре. Имъ возражали маршалъ Ховеларъ, такъ какъ рѣчь шла преимущественно о тонкостяхъ военнаго чинопочитанія, Сагаста и Сардоаль. Послѣдній имѣетъ репутацію одного изъ остроумнѣйшихъ испанскихъ ораторовъ. Къ его чести надобно за-

мѣтитъ, что онъ одинъ не курилъ ѳиміама капризному маршалу, которому всѣ ораторы льстили чрезвычайно въ своихъ рѣчахъ. Предсѣдательствовалъ старый маршалъ маркизъ де-ла-Гаванна. Зданіе сената, въ которомъ я еще не бывалъ, отдѣлано внутри гораздо роскошнѣе зданія кортесовъ; оно имѣетъ коллекцію великолѣпныхъ картинъ новой испанской школы, но аккустика залы хуже, можетъ быть и оттого, что у сенаторовъ не такіе звучные голоса, какъ у депутатовъ. Пренія, въ родѣ происходившихъ въ сенатѣ, конечно, рѣдки; обыкновенно тамъ всѣ сидятъ мирно, тихо и двѣ трети сенаторовъ отсутствуютъ. Въ обоихъ собраніяхъ обращаютъ на себя вниманіе два герольда въ средневѣковыхъ костюмахъ, стоящіе безсмѣнно, какъ муміи, въ засѣданіи: въ сенатѣ у дверей, изъ которыхъ выходитъ король для чтенія тронной рѣчи, а въ кортесахъ сзади президента. Испанцы считаютъ этихъ герольдовъ истинными мучениками, ибо они на нѣсколько часовъ лишены возможности курить.

Послѣ политики величайшая язва Испаніи — бюрократія. „Еслибы не было чиновниковъ и политикановъ, Испанія была бы самая спокойная страна въ мірѣ“, справедливо замѣтилъ авторъ „La Société de Madrid“.

Мадридъ — центръ этой бюрократіи, которую завелъ еще Филиппъ II, идеалъ чиновника. Этотъ удивительный во многихъ отношеніяхъ государь отъ министровъ не принималъ никогда докладовъ иначе, какъ письменныхъ, и отвѣчалъ имъ длиннѣйшими собственноручными резолюціями на бумагахъ. Англійскіе крейсеры напали какъ-то на галіоны съ серебромъ и увели ихъ. Короля просили дать приказъ догнать англичанъ и отнять до-

бычу, Филиппъ недовольный редакціей приказа два съ половиною мѣсяца исправлялъ его. Наконецъ приказъ посланъ, но англійскій флотъ и галіоны давно уже были въ Лондонѣ. Тѣ же бюрократическія традиціи свято хранятся въ испанской администраціи. Вся орда мадридскихъ чиновниковъ размѣщается по роскошнымъ зданіямъ, занимающимъ бывшіе дворцы и монастыри; по наружности все обстоитъ благополучно, „дѣлъ“ заведена тьма, ежегодно публикуется множество казенныхъ книгъ и журналовъ, жалованье, хотя небольшое, выплачивается аккуратно, но не трудно, даже при бѣглыхъ сношеніяхъ, усмотрѣть, что вся эта гигантская мельница работаетъ больше для виду.

Въ испанскихъ канцеляріяхъ есть своя особая черта. Сверхъ просителей, терпѣливо дожидающихся приглашенія черезъ курьеровъ и сторожей, въ кабинетѣ каждаго чиновника всегда кто нибудь сидитъ изъ друзей; послѣдніе входятъ и выходятъ свободно. Это тѣ же „кліенты“, которые играли такую роль въ древнемъ Римѣ. И здѣсь друзья поддерживаютъ извѣстное лицо на выборахъ и въ обществѣ, а въ свою очередь ждутъ отъ него выгоднаго мѣста, для занятія котораго не имѣютъ ни правъ, ни подготовки.

Посѣтителей принимаютъ въ канцеляріяхъ и департаментахъ съ важнымъ видомъ и съ отмѣнною вѣжливостью, отличающими каждаго испанца, но чуть дѣло посерьезнѣе, надобно ждать мѣсяцы и годы; иной разъ и бумага готова, но директору или министру просто лѣнь подписать ее и такихъ бумагъ накапливаются горы. По части канцелярской волокиты Мадридъ напоминаетъ Стамбулъ, и требуется чисто турецкое терпѣніе, чтобы

дождаться, когда ваша просьба будетъ разсмотрѣна среди безконечнаго переливанія изъ пустого въ порожнее съ заходящими поболтать и покурить друзьями.

Такой же обычай болтать и въ редакціяхъ газетъ. Въ кабинетѣ редактора вѣчно толпа друзей и пріятелей, убивающихъ время въ безконечныхъ спорахъ, дѣло же отъ нихъ, конечно, нисколько не выигрываетъ. Изъ тысячи испанскихъ газетъ одна „Ероса“ приближается къ европейскимъ серьезнымъ органамъ, за то и покойный издатель ея удостоился титула маркиза. „Ероса“, редакторомъ который состоитъ Эскобаръ, имѣющій репутацію театрала и свѣтскаго человѣка, органъ консервативный. Органъ настоящаго министерства—„El Imparcial“; каждая партія и фракція имѣетъ, конечно, свой листокъ.

Испанія страна противорѣчій и въ то время, когда администрація въ дѣйствительности всемогуща, по наружности царствуетъ свобода: на Puerta del Sol открыто продаются газеты „Siglo Futuro“, доказывающая, что нынѣшній король царствуетъ незаконно, а настоящій-де король Донъ-Карлосъ и Republica Socialista“, уже одно названіе которой опредѣляетъ цѣль. Политическая каррикатура здѣсь процвѣтаетъ, хотя, какъ мнѣ показалось, менѣе, чѣмъ при королѣ Амедеѣ. Въ механическихъ ящикахъ, гдѣ, бросивъ мѣдную монету, вы получаете сюрпризъ — во Франціи шоколадъ, въ Англіи грошовую сигару, на барселонской выставкѣ вамъ давали каррикатуру на кого либо изъ министровъ, обыкновенно на Морета, наиболѣе непопулярнаго.

Когда-то Моретъ былъ очень „краснымъ“ и при мнѣ онъ явился во главѣ торжественнаго обѣда, состоявшагося для прославленія свободы по случаю освобожденія

негровъ въ Бразиліи. Къ чести испанцевъ нужно замѣтить, что эта платоническая любовь къ черной братіи, въ то время, когда столько бѣлыхъ негровъ работаетъ въ Испаніи, была принята публикою весьма равнодушно.

Аристократія въ Мадридѣ очень многочисленна, такъ какъ въ Испаніи титулы переходятъ и по женской линіи, а страсть къ титуламъ столь велика, что даже одинъ сенаторъ, прямой потомокъ Колумба, нашелъ это имя не довольно громкимъ и испросилъ себѣ титулъ маркиза неизвѣстно чего. Громкія имена нисколько не дѣлаютъ, однако, мадридское общество замкнутымъ; наоборотъ, благодаря любезности испанцевъ, нигдѣ доступъ въ высшее общество такъ не облегченъ, какъ здѣсь. Для того, чтобы фигурировать въ немъ, надобно, однако, умѣть ухаживать за женщинами,—ибо волокитство главное занятіе, а всѣ испанки кокетки,—надобно интересоваться боемъ быковъ и умѣть дѣлать подарки. Испанцы обожаютъ послѣдніе и даже спекулируютъ этимъ. По крайней мѣрѣ одна герцогиня, носящая громкое имя и обладающая огромнымъ состояніемъ, что не мѣшаетъ ей быть центромъ республиканской оппозиціи, преспокойно торгуетъ получаемыми дарами, а на вырученныя деньги содержитъ какого-то дивизіоннаго генерала.

Эти подарки составляютъ порядочный расходъ, да и вообще жизнь для свѣтскаго человѣка не дешева, такъ какъ обязательно быть спортсменомъ и членомъ одного изъ модныхъ и очень дорогихъ клубовъ: Casino, Veloz или Gran Pena, гдѣ процвѣтаютъ баккара и другія азартныя игры. По при нѣкоторыхъ средствахъ жизнь

въ Мадридѣ очень пріятна; въ сезонъ, а онъ продолжается не менѣе полугода, мадридское общество не думаетъ ни о чемъ, кромѣ развлеченій; балы, маскарады, прогулки слѣдуютъ одна за другою. Опера и комедія, а также бой быковъ, скачки и концерты, имѣютъ свои дни и посѣщаются самою элегантною публикою, любящею роскошные наряды и слѣдящею за парижскими и лондонскими модами, хотя и примѣняющею ихъ не всегда со вкусомъ.

Не только высшее общество, но и все населеніе жадно здѣсь ко всякаго рода удовольствіямъ, поэтому театровъ множество, кажется девятнадцать. По случаю лѣтняго времени, главнѣйшіе изъ нихъ стояли при мнѣ запертыми. Работали только маленькіе театры: Principe Alfonso, Felipe, Novedades и т. п., гдѣ шли такъ называемые „сарсуэлы“, да въ театрѣ Comedia, одномъ изъ наиболѣе благоустроенныхъ, раззолоченномъ и освѣщенномъ электричествомъ, игралъ со своею труппою извѣстный итальянскій комикъ Нувелли.

Сарсуэлы — это оригинальные испанскіе водевили, пустые по содержанію, со скверною музыкою, фальшивымъ пѣніемъ и плохо исполняемые, но весьма характерные и посѣщаемые очень усердно публикою, чему содѣйствуетъ то обстоятельство, что на каждый актъ выдается особый входный билетъ; для того водевили обыкновенно одноактные. Взявшему билетъ на всѣ акты дѣлается сбавка. Часть публики не сидитъ, а стоитъ.

Замѣчательно, что, не смотря на любовь къ театру, актрисы не играютъ никакой роли у испанцевъ, не выдерживая конкурренціи съ свѣтскими женщинами, унылыми, но снисходительными. Актрисы даже не счи-

таются въ demi-monde'ѣ. Причина тому, кажется, бѣдность: онѣ дурно одѣты, плохо накрашены, а воду употребляютъ только для питья съ сахаромъ, считая ее слишкомъ большою роскошью для мытья. Правда, вода въ Испаніи товаръ не дешевый.

Нувелли показался мнѣ первоклассным артистомъ, хотя и водевильнаго пошиба; онъ не прибѣгаетъ вовсе къ шаржу и весьма натураленъ. Кромѣ ролей въ комедіяхъ, Нувелли разсказываетъ еще на манеръ Коклэна, Швейгофера или нашего Горбунова. Въ прощальное представленіе, гдѣ были инфантъ донъ-Антоніо, инфанта донна-Изабелла и сливки мадридской аристократіи, Нувелли уморительно изобразилъ одинъ, мѣняя голосъ, трагедію и комедію, будто бы разыгранную лучшими итальянскими артистами. Пародія игры Сальвини, Росси, г-жи Дузи и др. была великолѣпна.

Театромъ ограничивается любовь испанцевъ къ художествамъ. Собирать и покупать картины и другіе предметы искусства здѣсь охотниковъ очень мало. Изъ заграницы привозится картинъ на десять тысячъ песетъ въ годъ!

Въ заключеніе не могу не сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Испаніи къ Россіи. У насъ многіе того мнѣнія, что такъ какъ Испанія находится на другомъ концѣ Европы, то ея политика для Россіи такъ же индиферентна, какъ политика Бразиліи или Перу. Великое заблужденіе, раздѣлявшееся между тѣмъ и нашей дипломатіей. Дружба съ Испаніей для Россіи гораздо важнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ, а дипломатія наша немногимъ лучше знаетъ теперь Испанію, чѣмъ въ моментъ, когда при Петрѣ Великомъ князь

Долгорукій ѣздилъ къ испанцамъ, вѣчно нуждавшимся въ деньгахъ, дѣлать заемъ для Россіи.

Взаимность интересовъ обѣихъ державъ уже проявилась исторически. Не отвлеки въ 1812 году Испанія огромной части силъ Наполеона I, исходъ кампаніи могъ быть другой; въ свою очередь, не побѣди мы Наполеона, можетъ быть Испанія оставалась бы до сихъ поръ вассальнымъ французскимъ государствомъ. Не смотря на такое очевидное доказательство, съ вѣнскаго конгресса мы немного сдѣлали для укрѣпленія дружбы. При Александрѣ I испанцы имѣли полное право претендовать на продажу имъ гнилыхъ кораблей бывшей эскадры Сенявина; при Николаѣ мы держали сторону карлистовъ и долго не признавали Изабеллы. Правда, мы первые признали затѣмъ возстановленіе на престолѣ Альфонса XII, но особой благодарности за это не получили, потому что обстоятельства измѣнились и испанцы разучились разсчитывать на Россію.

Между тѣмъ дружба съ Испаніей можетъ быть намъ только полезна. Во-первыхъ потому, что Испанія по своей исторіи и колоніальному положенію естественный врагъ Англіи. Во-вторыхъ, по своему положенію въ Средиземномъ морѣ Испанія противникъ Италіи, поведеніе которой относительно насъ такъ коварно, и впредь, конечно, останется не менѣе двуличнымъ. Но самое важное значеніе имѣетъ Испанія въ общей группировкѣ европейскихъ державъ. Если считать, что Германія, по ея центральному положенію, надолго останется сильнѣйшею державою въ Европѣ, то естественно, что она будетъ искать всякаго случая ослабить возможность выгоднаго союза Россіи съ Франціей отвлеченіемъ силъ

этой послѣдней. Достаточно, чтобы во время европейскаго столкновенія Испанія мобилизировала свою армію, и Франція будетъ вынуждена отдѣлить двѣсти тысячъ для защиты южной границы, а такимъ образомъ уже станетъ много слабѣе противъ Германіи и Италіи, позволивъ послѣднимъ употребить болѣе силъ противъ Россіи.

Это для всѣхъ ясно; вотъ почему въ ухаживаніи за Испаніей недостатка не было, а равно и въ попыткахъ вовлечь ее въ союзы. Съ этою цѣлью происходили морскія демонстраціи въ Барселонѣ, съ этою же цѣлью первоклассныя державы имѣютъ здѣсь пословъ, потому что посламъ всегда легче вести интимные переговоры, нежели посланникамъ, а особенно, когда во главѣ правительства стоитъ женщина. Мы должны имѣть посла въ Испаніи, должны помогать Испаніи войти въ кругъ великихъ державъ, что для насъ прямо выгодно, и вообще должны поддерживать съ нею самыя лучшія отношенія, какія мы поддерживали, напримѣръ, всегда съ Соединенными Штатами, не прилагая, впрочемъ, для того особыхъ усилій

Справедливость требуетъ замѣтить, что не мы одни, но что и испанцы, по малому, вѣроятно, знакомству съ Россіей и ея силами, довольно равнодушно относились въ послѣднее время къ сближенію, считая Россію какъ бы внѣ круга своей внѣшней политики. Внѣшнія сношенія Испаніи, а особенно при Моретѣ, производились довольно легкомысленнымъ образомъ. Министръ этотъ не имѣлъ надлежащей опытности и къ обѣщаніямъ своимъ не внушалъ надлежащаго довѣрія. Хорошо еще, что какъ во всѣхъ парламентскихъ странахъ около министра всегда имѣется независимый отъ прихотей большинства

палаты генеральный секретарь. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ эту должность долго занималъ Гутьересъ Агюэро, человѣкъ весьма симпатичный.

Сообщеніе съ Мадридомъ теперь чрезвычайно облегчено. Два раза въ недѣлю идетъ скорый поѣздъ, который въ 26 часовъ пробѣгаетъ пространство между Мадридомъ и Парижемъ почти въ 1,500 верстъ, половина которыхъ проходитъ горами. Билетъ стоитъ дороже противъ обыкновеннаго на 50 проц., включая и цѣну спальнаго вагона. Такъ какъ поѣздъ останавливается только для полученія воды и топлива, то буфетъ находится въ поѣздѣ; иногда даже, когда пассажировъ много, то и таможенный досмотръ багажа совершается въ пути. На разсвѣтѣ я распростился съ Испаніей. Санъ-Себастіанъ послѣдній большой городъ по дорогѣ; онъ знаменитъ своими шулерами и морскими купаньями. Сюда пріѣзжаютъ парижане изъ Біарица знакомиться съ Испаніей и уѣзжаютъ въ убѣжденіи, что настоящая Испанія есть только въ оперѣ „Карменъ“. Хотя Санъ-Себастіанъ лежитъ южнѣе Крыма и жара въ немъ бываетъ сильнѣе, чѣмъ на Кавказѣ, но когда испанцы говорятъ объ этомъ „сѣверномъ“ для нихъ пунктѣ, то подумаешь, что рѣчь идетъ объ Архангельскѣ.

Гос. Истор. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№
193 г.

ЛИЦО ДЛЯ ЛЕКЦИЙ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Путевыя впечатлѣнія въ Испаніи, Египтѣ, Аравіи и Индіи. Цѣна 2 руб.

Путевыя впечатлѣнія по Кавказу, Турціи, Сербскимъ землямъ и Соединеннымъ Штатамъ. Цѣна 2 р. 50 коп.

У скандинавовъ и фламандцевъ. Путевыя впечатлѣнія въ Швеціи, Даніи и Бельгіи. Цѣна 1 руб.

Вокругъ свѣта. Сорокъ шесть тысячъ верстъ по морю и сушѣ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Путевыя впечатлѣнія въ Португаліи, Австріи, Франціи и Италіи. Цѣна 1 руб.

Русская торговля въ Тихомъ океанѣ. Цѣна 2 руб.

Суэзскій каналъ и его значеніе для русской торговли. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Срочное и почтовое пароходство въ Россіи и заграницею. Цѣна 2 руб.

Русскій торговый флотъ и срочное пароходство на Черномъ и Азовскомъ моряхъ. Цѣна 2 руб.